

Владимир Кантор в Победитель крыс

Владимир
Кантор
Победитель
Крыс
сказочный сон

The text is rendered in a highly decorative, hand-drawn style. The letters are thick and filled with various patterns and colors. The word 'Владимир' is at the top, with a small dragon-like creature on the 'В'. 'Кантор' is below it, with a red arrow pointing up from the 'р'. 'Победитель' is the next line, with a red dragon on the 'П' and a red house on the 'д'. 'Крыс' is below that, with a dagger on the 'К' and a red cross on the 'ы'. 'сказочный сон' is at the bottom, with a small black house on the 'с'.

Москва
Агентство печати
имени Сабашниковых
1991

ББК 84Р7—4
К 19

Художник
Максим Кантор

То, что происходит в этой книге, — сон или явь? Или этот фантастический мир обратной-крыс, подчинивших себе людей, просто бред больного подростка? Это уж как Вам покажется, читатель. Имеет ли отношение к нашей жизни борьба добра и зла, победа верности, чести, веры в себя? Наверное, поэтому автор и избрал жанр сказки — ведь только в сказке всегда побеждает добро.

Роман "Победитель крыс" — новое произведение Владимира Кантора, доктора философских наук, автора романов "Два дома", "Крокодил", сборника повестей и рассказов "Историческая справка", а также нескольких книг по истории литературы и философии.

Издатели надеются, что книга поддержит в читателе любого возраста веру в победу человека над злом.

К 4803010201—017
953/02/—91

КБ-20-47-1991

ISBN 5—86814—013-0

© В. Кантор, 1991.

© М. Кантор, художественное оформление, 1991.

Я сам не раз, гоним судьбой враждебной,
Бичом ее пробитый до костей,
Спасался в край поэзии волшебной,
Искал толпе неведомых путей
На холм, где муз вдали гремела лира,
Помалу в грудь вливалась сладость мира,
И, как роса от солнечных лучей,
В очах моих слез иссыхал ручей.

П.А. КАТЕНИН

**Из лирического отступления
к сказке "Княжна Милуша"**

Тот здоровья не знает, кто болен не бывал.

Русская народная пословица.

Примечание автора :

В повести использованы стихи А. С. Пушкина,
Г. Р. Державина, П. А. Катенина, В. А. Жуковского,
А. П. Буниной, Н. М. Карамзина, И. С. Тургенева,
а также современников автора — В. С. Высоцкого,
Э. Я. Логвинской и собственные стихи
сочинителя этой повести.

— Что-то голова болит, — он повел глазами налево (вскользь сундука: он обычно спал здесь, гостя у бабушки Насти), потом направо (мимо окна с двойными рамами, за которыми виднелись уже голые ветви яблонь) — ворочать глазами было больно. Он сидел за столом, отложив в сторону книгу, потому что вдруг как-то резко устал читать, и смотрел на фотографии в витых металлических блестящих рамочках. Снимки были твердые, коричневого цвета с росписью фотографа наискосок. Среди прочих родственных была и фотография его матери и отца — смеющиеся, упругие лица, повернутые друг к другу со смущением и любовью и словно не замечающие его, Бориса, словно нарочно не глядящие на него, словно уже тогда и навсегда стоворившиеся быть заодно во всех вопросах, его касающихся. Он вспомнил свою обиду и то, как мать не очень и протестовала, когда он на каникулы практически сбежал из дома к бабушке Насте в тепло и уют ее комнатки, и сразу жар обиды, который он все время чувствовал где-то внутри организма, как огонь из печки, в которую плеснули бензином, пыхнул в голову, в лицо.

На его едва слышно пробормотанные слова подковыляла откуда-то сбоку бабушка Настя:

— Ну-ка дай лоб, сынок. Ты весь какой-то красный.

Она прикоснулась губами к его лбу.

— Да что с тобой, Борюшка! Ты весь горишь. Что мама-то скажет! Давай-ка скорей градусник померяем...

Пока он держал под мышкой градусник, чувствуя какую-то прямо морскую качку в голове (его мутило, клонило то вбок, то прямо лбом вниз, время от времени внутри что-то обрывалось и ухало куда-то в глубины организма), бабушка Настя расстелила на сундуке матрас, покрыла его дерюжной простынкой, а сверху раскинула свежую белую простынь, уложила одна на другую две подушки, а у стенки положила валик от старого дивана, чтоб не дуло от стены и чтобы Борис не проваливался в щель между стеной и сундуком. Валик обычно стоял у изголовья сундука, прислоненный к стене и, сколько помнил Борис, всегда употреблялся для этой цели, что было и вправду важно, пока он был маленьким. А теперь он уже не был маленьким — все таки девятый класс! — и редко оставался ночевать у бабушки. И если бы не ссора с родителями, то осенние каникулы он проторчал бы дома, в своей трехкомнатной квартире, а не ютился бы в коммуналке неподалеку от Окружной железной дороги.

Бабушка уложила сверху ватное одеяло в цветастом пододеяльнике, откинув его угол, так что Борису сразу захотелось лечь, влезть под зовущий и обещающий укрытие покров, а бабушка повернулась к нему.

— Ну что, сынок, на градуснике?

Оказалось сорок и три десятых.

— Ложись, ложись скорее, — она принялась помогать ему раздеваться, стаскивая с него рубашку, брюки, потому что как только он убедился сам, что болен, он вдруг раскис и ужасно ослаб, одежда стала давить его, и только стянув с ног носки и отбросив их в сторону и забравшись под одеяло на чистые простыни и высокие подушки, он почувствовал облегчение и отдохновение. Но длилось это недолго, и уже через десять минут простыни стали жаркими, липкими, потными и противными, и Борис заметался по постели, отыскивая прохладные, еще не нагретые его горевшим телом уголки.

— Что же делать-то? — спросила бабушка вслух, сидя у его постели и видя его метания. Она положила ему руку на лоб, затем сняла, принялась рассуждать:

— И родителей никого с нами. Аня в совхозе на полях. И Григорий Михайлович дома. Вот разве до него дозвониться можно.

В полумраке жара, головной боли, начинающегося бреда слышал Борис эти слова, и, хотя ему очень хотелось, чтобы отец пожалел его, тяжелобольного, еще больше засело в нем упрямое нежелание видеть родителей, сладкое чувство обиды и заброшенности, потому что в глубине души сознавал, что сам виноват, а вину признать нет никаких сил.

— Не надо! Не хочу, не хочу, чтоб они приезжали! — заговорил горячно Борис, — все равно они не помогут, все равно они не врачи! А отец — тем более не врач, подумаешь — историк, мудрец называется. Мама хоть биолог, хоть что-то в болезнях понимает.

Борис нахамил отцу, а потому и был на него обижен. И началось-то все из-за пустяков. Отец попросил его сходить в магазин. Борис отказался, сославшись на то, что у него еще много уроков. Последовало возражение, что поход в булочную недолог, что он больше тратит времени на хождение из угла в угол. Борис пробурчал, что лучше бы па-поч-ка на себя поглядел, что тоже вечно на диване с книжкой валяется. Отец сказал, что поражен его заявлением, а вышедшая из своей комнаты мама добавила, что вот они и вырастили тунеядца и иждивенца, и взгляд ее был тяжел и неприязнен. Тогда Борис крикнул, что раз так, то вообще он не желает ничего делать, что если они не хотят его кормить, то и не надо. Отец, покраснев, велел, чтобы он перестал говорить глупости и гадости, добавив, что пока он не одумается, с ним будет прекращено всякое дружеское общение. Борис видел огорчение родителей, но чувство собственной неправоты заставило его снова крикнуть, что это он прекращает всяческое общение с ними и что они еще раскаются, что так обошлись со своим сыном. Отец сказал, что он напрасно думает, что в таких словах проявляется его самостоятельность, что, напротив, это доказательство его слабости и не очень-то благородного поведения. После этого Борис окончательно обиделся и ему

стало ужасно жалко себя, он ушел в свою комнату и заперся, и не выходил, а сидел у себя на диване, подперев голову кулаком, и думал: "Пусть я умру, а папа ничего не сумеет сделать, никак не сможет мне помочь, и будет терзаться и раскается, что ругал меня сейчас. А если не умру, то все равно, все равно я ему покажу, что и без него смогу совершить нечто великое. А он скажет: извини, я в тебе ошибся, ты достоин моей дружбы. А я только пожму плечами, но ничего не отведу".

И тогда-то он и укатил к бабушке Насте, благо наступила неделя осенних каникул. Да и мать не возражала, потому что ее срочно вызвали в подшефный совхоз как консультанта по льну. А здесь, у бабушки Насти, он взял вдруг да свалился, заболев так сильно, как хотел заболеть дома, чтобы разжалобить родителей.

Бабушка встала со стула и наклонилась над дырой в полу. Две большие доски — одна из них с кольцом — были вынуты из середины пола рядом со столом и положены одна на другую, образуя в полу отверстие, внутрь которого вела лесенка и по которой минут десять назад спустился дед Антон.

— Дед! дед! — крикнула бабушка в темноту лаза, — хватит там возиться! Иди наверх скорей.

Борис всегда удивлялся, с самого детства, как две, пусть и широкие, снятые половицы образуют вдруг лаз, в которые может войти даже взрослый объемистый человек, скрывают погреб (у бабушки не было холодильника), в котором хранилась пища, ибо там было довольно холодно, в отличие от живого чрева, и в котором сейчас дед Антон "воевал", как говорила бабушка Настя, с крысами. В каком-то смысле вся бабушкина комната, весь уклад ее жизни был связан, как ему казалось, с проблемами чрева, с большими запасами, заготавливаемыми на зиму, с тем, как бы подешевле и повкуснее поесть.

— Сейчас, мать, обожди минутку, — донеслось снизу.

Бабушка открыла тем временем верхний ящик в буфете, резном, верхние отделения которого были застеклены трапецевидными толстыми стеклами. Этот буфет добавлял уюта, сказочности, спокойствия ба-

бушкиной комнате. В ящичке стояла желтая круглая жестяная коробка из-под халвы. В ней хранились лекарства. Сквозь пелену жара Борис видел, как бабушка роется в коробке, вытаскивая то одно, то другое лекарство.

— Норсульфазол, — наконец, сказала с тем почтением в голосе, с каким она всегда произносила учебные слова, — и стрептоцид. Сейчас, Борюшка, выпьешь лекарства, а я тебе почитаю.

Бабушка любила, как она называла, старинные книги — Жуковского, Карамзина, русские народные сказки, Загоскина, Данилевского, из Пушкина же только "Капитанскую дочку", "Дубровского", "Онегина" и "Руслана и Людмилу". Дед предпочитал книге стопку водки, хотя бабушка и пыталась приохотить его к чтению.

"А что эти книгочеи умеют? — бранился он иногда с бабушкой. — Коту хвоста не привяжут", — произносил он нелепую фразу, которую Борис, терзаясь, воспринимал как намек и упрек, что не сумел он уследить за своим любимцем — котом Степкой, этим летом схваченным и увезенным неизвестно куда кошатниками. Борис и сам стыдился своего пристрастия к книгам, особенно к стихам. Поэзию все его приятели считали немужским делом, а в пятнадцать лет хочется уже быть мужчиной. Борис смотрелся в зеркало, видел, как темнеет губа от прорастающих усов, мечтал о любви и славе, но ни любовь, ни слава не приходили, что делать до их прихода, он не знал, а потому читал. Сейчас, однако, ему не хотелось слушать никакую книгу. Как только он лег в постель, ему стало хуже, кружилась голова и подташнивало от слабости, но возражать бабушке он не стал, полностью положившись на нее.

Красный свет от абажура превращал все в какой-то чудесно-опасно-сказочный вид: черный лаз в полу, башенки и резные столбики буфета, похожего в полубреду на крепость, бабушка, колдующая над лекарствами. Раньше он любил играть, лежа под тяжелым одеялом на сундуке (когда болел не очень сильно), в рыцарей: сгибая ноги в коленях, он образовывал горы и пропасти, всадники и пешие путались в горных складках одеяла. Теперь же ему и вправду было совсем ху-

до, играть не хотелось, да и взрослый уже, и он подумал, что просто послушать книгу было бы, может, и в самом деле неплохо, чтоб отвлекло от головной боли. Лишь бы не напрягаться. Бабушка пробиралась к нему со стаканом и таблетками мимо дыры в полу, стараясь не запнуться об отложенные доски.

— Дед! — снова крикнула она. — Дед, давай скорей! (Это по дороге, наклонясь к погребу).

— Прими, Борюшка, таблетку. Вот вода, сынок, запей. Так, молодец. Теперь закрой глаза и полежи тихонько, я тебе почитаю.

Борис послушно закрыл глаза. Его бросало то в жар, то в холод, утром еще был совсем здоров, и вдруг, ни с того ни с сего... Сквозь дурноту он ощутил снова обиду, на сей раз от незаслуженности и неожиданности болезни. Вроде ничего такого не делал: без шарфа на улицу не выходил, мороженого большими кусками не ел, холодной воды не пил... "Ну и пусть, — думал он. — Ну и пусть им будет хуже". Чем незаслуженнее и неожиданнее была болезнь, тем слаще казалась месть им, родителям. Он то падал, падал куда-то без конца, то, напротив, поднимался, а потом будто попадал на волну, и то его прибывало к берегу, то опять относило в пространство.

Он отдался этому то накатывающему, то сходящему жару в голове, и когда его прибывало к берегу, он слышал слова и фразы — бабушка читала "Руслана и Людмилу":

— У лукоморья дуб зеленый...

Дальше уши забивал гул прибора, но память сама подсказывала:

— И днем и ночью кот ученый...

Выскакивали ясно даже две, а то и три строки:

— Там ступа с Бабою Ягой
Идет, бредет сама собой...

.....

Там о заре прихлынут волны
На брег песчаный и пустой,
И тридцать витязей прекрасных
Чредой из вод выходят ясных,
И с ними дядька их морской...

Потом довольно большой провал, а потом он открыл глаза и вслушался уже в момент катастрофы:

— Гром грянул, свет блеснул в тумане,
Лампада гаснет, дым бежит...
И замерла душа в Руслане...
Все смолкло. В грозной тишине
Раздался дважды голос странный...

Бабушкин старый голос очень подходил этим словам, да и вся ее комната — в деревянном двухэтажном домишке — в красном свете абажура, от которого свет еще больше резал глаза, застилая их туманом, лампадка на стене, легкий дымок от нее как бы вводили его в старинный мир, так что он сам начинал себя представлять едва ли не героем, который кого-то должен спасти. Только Людмилы у него не было. И никто из девочек ему так не нравился, чтобы можно было честно подставить ее в воображении на место руслановой Людмилы. Да и робел он своих сверстниц, не хватало нахальства закрутить роман просто так. Все казалось, что он должен нечто совершить, а она должна звать его к этому свершению.

Он завидовал ребятам, лихо кадрившимся с одноклассницами и девицами постарше уже с восьмого класса. Они брали, как казалось Борису, своей напористостью, физической ловкостью, нахальством, умением — для храбрости — "раздавить" в школьном туалете или в подъезде бутылку портвейна, смело целовать своих спутниц, так, что те не противились.

Борису хотелось походить на этих грубоватых парней, потому что они казались ему почти такими же самостоятельными, как учителя или родители. Но он не умел себя вести так, как они, да к тому же эти парни вечно его поддразнивали, чувствуя его чуждость, неловкость и неуверенность в "жизни". Особенно обидной, нелепой и потому привязчивой была дразнилка, прилипшая к Борису с детства:

"Три ступеньки вниз,
Там живет Борис —
Председатель дохлых крыс!
Предводитель дохлых крыс!"

...И снова вдруг он перестал сознавать себя, снова провал, и снова он летит куда-то и ничего не видит и не слышит, усилием воли пытаюсь вернуться в бабушкину комнату. Но в один из таких моментов он перестал сопротивляться тащившей его силе и внезапно увидел себя, пробирающегося травянистым полем вдоль оврага. Именно пробирающимся он себя увидел, пригнувшись, словно кто-то за ним следил или искал его, а он скрывался. Та сторона склона, откуда он вроде бы спустился, вся покрыта, усыпана, будто специально засеяна лекарственной ромашкой. Но ему надо перебраться на другую сторону, и почему-то это очень опасно. Во всяком случае в руке у него кинжал с перекрестьем, а на боку пустые ножны. И он понимает, что кинжал рыцарский, хотя в остальном он одет обычно: техасы, кеды, ковбойка, пиджак. Запах ромашки бодрит и одновременно успокаивает, но он знает, что самая опасность впереди. Кто-то черный, похожий на большого кота, мелькает вдали и словно манит его. Он должен за ним, за ним. Потому что этот кто-то еще больше рискует. Он идет, точнее скользит вниз, в овраг, а овраг как на даче в Манихино, хотя склон вроде бы похож на тот, что недалеко от железной дороги возле бабушки Насти. Он перебегает по бревну ручей и, по-прежнему согнувшись, бежит вдоль другого склона, поросшего на этот раз репейником. Вдруг черный проводник метнулся к нему, и Борис увидел, что это и вправду кот с белой грудкой и белыми лапками, и кот махнул лапой, ложись, де, ложись немедленно, но Борис замешкался и тут увидел четверых серовато-коричневых всадников, ехавших по репью с копытами наперевес, и казалось, что сзади у них что-то вроде длинных хвостов, которыми они хлестали коней по крупу будто хлыстами. Да и кони не совсем кони, а чем-то смахивают на своих всадников. "Откуда они здесь? Как узнали?" — подумал Борис, но тут же упал вниз лицом, стараясь ни о чем не думать, стараясь потерять сознание, отключиться от этого охватившего его ужаса и снова очутиться у бабушки Насти.

И это ему удалось. Когда он очнулся, никакого оврага не было, а он по-прежнему лежал в постели, на сбившейся простыне, уткнувшись носом в подушку,

а бабушка Настя, прекратив чтение, стояла над дедом Антоном, который, наполовину высунувшись из подпола, держал в руке за длинный хвост огромную серовато-коричневатую усатую дохлую крысу, а в другой руке — самодельную мышеловку.

— Убери ее скорее, — говорила бабушка, — а то Борюшка проснется — напугается. Гляди какая! Прямо Крысиный Император! И как ты можешь эту гадость в руки брать! Нет чтоб кота завести. Все сам и сам. Денег что ли на кота жалко? Не забрали бы, Борюшка, твоего Степку кошатники, мигом бы с ними справился.

Дед смотрел на крысу с тупым и упрямым любопытством, вытянув руку и держа ее перед собой на уровне глаз, словно любясь ею. И не отвечал. А бабушка, заметив, что Борис открыл глаза и глядит на них, постаралась загородить собой такое зрелище, но поскольку это не получилось — мешал стул, снова заговорила:

— Вот и Борюшка глаза открыл. Убери скорее и иди звони врачу. Видишь, сынок, какого зверя дед убил. Настоящего Императора крыс. Помнишь, Щелкунчик с таким воевал? А по мне, Борюшка, кот он лучше всего. Пускай коты их ловят, и нам забот меньше. А то вон дед с ними уж вторую неделю воюет, а пока только первая попалась...

Дед опустил руку, слегка отставив ее в сторону, чтобы болтающаяся крыса не коснулась его, и поднялся медленно из глубины погреба. Он был одет в солдатские сапоги, ватные штаны, поверх ночной рубашки был натянут вязаный жилет, а на голове фуражка. Он молча вышел из комнаты, и во дворе громыхнул мусорный бак. Потом он снова вошел в комнату уже в своем брезентовом, прорезиненном плаще с капюшоном, в котором он обычно ездил на рыбалку.

— Вот тебе монета, — сказала бабушка, — позвони в поликлинику, а затем Грише, что Борюшка заболел. Родители должны быть при ребенке.

Дед Антон, вздернув как кот (если бы коты подстригали себе каждую неделю усы, этот образ был бы точнее) вверх свои ершеобразные усики, поправил очки, дужки которых для крепости были обмотаны ниткой, подошел к сундуку, наклонился, посмот-

рел на Бориса и неожиданно подал бабушке совет (обычно распоряжалась по дому она, а он молчал):

— Когда они еще приедут, родители!.. Малиновый отвар ему надо на ночь дать. Ему совсем худо.

Повернулся, широко переступил так и не закрытую им дыру подпола и вышел. Борис перекатился на правый бок, подsunул вытянутую руку под подушку, тщетно ища на ней головой хоть одно прохладное местечко, следя глазами, как бабушка Настя укладывала половицы, закрывая первой доской часть отверстия, как бы суживая его, а потом опускала, держа ее за медное кольцо, вторую, последнюю толстую деревянную половицу. Голова болела, лекарство пока не помогало (рыцарь Норсульфазол и благородный оруженосец Стрептоцид путешествуют по его кровеносной системе в поисках врагов, так он играл немножко). Бабушкины движения казались ему без нужды суетливыми, мешали ему сосредоточиться на чем-то важном или хотя бы уснуть. Наконец она присела рядом, закончив операцию с досками, и продолжала вслух размышлять о крысах (она всегда о чем думала, о том и говорила, чем ее разговоры — равенством с ним — и дороги были Борису) :

— Я крыс боюсь, сынок. С ними никто справиться не может. Они очень злые. Старые люди говорят ("старые люди" в устах бабушки звучало особенно впечатляюще: значит, еще более старые, чем она), что они хитрее людей. Они и кошку загрызть могут, и человека спящего. А в старых книгах, — тут она перешла на шепот, как всегда делала, когда боялась, что говорит что-то "запрещенное", а именно: связанное с мистикой, иррациональным, таинственным, волшебным, — там, сынок, написано, что крыс потому никто победить не может, что умом они почти как люди. Вот послушай, — она достала ветхую клеенчатую тетрадь, куда выписывала нравившиеся или поражавшие ее изречения и факты "из литературы", и, открыв, тихо, но торжественно зачитала: — Они обладают тайнами подземелий, где и прячутся. В их власти изменять свой вид, являясь как человек, с руками и ногами, в одежде, имея лицо, глаза и движения, подобные человеческим, и даже не уступающие человеку — как его полный, хотя и не настоящий образ. Крысы могут также

причинять неизлечимую болезнь, пользуясь для этого средствами, доступными только им. — "Может, и я заразился крысиной болезнью?" — с тоской в душе, холодея и содрогаясь от мертвящего и цепенящего ужаса, подумал Борис. Бабушка любила страсти, "ужасти", и он, замирая от страха и интереса, не отрываясь, всегда слушал ее рассказы и рассуждения такого рода: ужас влек к себе, завораживал. — Им благоприятствуют, Борюшка, — продолжала проникновенно читать бабушка, — мор, голод, война, наводнение и нашествие. Тогда они собираются под знаком таинственных превращений, действуя, как люди, и можно говорить с ними, не зная, кто это. Они, сынок, как вирусы, всюду проникают, — поделилась вдруг бабушка своей догадкой, и еще одной. — Вот я и боюсь, что американцы как бросят на нас бомбу, ну, атом их этот, а мы на них, то крысы будут больше людей, вырастут с них, а люди станут слабые, вялые, как больные. Вот крысы их и завоюют из своих подвалов. Твоя мама говорила, что такое происходит в результате... какое-то слово... мута... мути... мута...

— Мутации, — сообразил и подсказал сквозь жар Борис.

Он так напрягся, вспоминая это слово, что от приложенного усилия заболел, казалось, сам мозг. Он закрыл глаза, вытащил руку из-под подушки и лег на затылок, на спину. На общей кухне послышалось звяканье жестяного ручкомойника, странно совпадавшее, сливавшееся с бабушкиной речью. Но звук воды, льющейся в полное уже, как он знал, ведро, стоявшее под ручкомойником, разбудил в нем жажду, и он почувствовал, что губы, рот, горло просто запеклись, обметаны сухостью. Он открыл рот, но сказать ничего не смог.

— Попей, сынок, попей, — говорила все приметившая бабушка.

Вода из стакана текла ему в рот, попадая и мимо, на подушку, на простыню. Горячим телом он ощутил, что около головы, шеи, плеч повлажнело. Во рту, в горле стало легче, но от выпитой и попавшей в желудок воды его затошнило, голова закружилась с такой силой, что не было сил сопротивляться. В ней словно возникли какие-то мутные завихрения, все окутал белый

туман, и снова он испытал тошнотворное падение куда-то вниз, в белую пелену. А потом словно бы ступеньки под ногами появились. Раз — ступенька, два — ступенька, три — ступенька. И вдруг пропали, словно опору выбили... Дурнота накатывала и тащила, тащила его в пропасть без дна, но вот он почувствовал, что это дно — во всяком случае твердая поверхность под ноги — приближается, и сейчас падение прекратится, и он встанет. И он встал.

Свет блеснул в тумане. Где-то грянул гром. "Ну да, — подумал Борис, — скорость у света больше, чем у звука". А потом тишина. И непонятно, где он. Тошнота в голове, правда, медленно уходящая. Вокруг вращаются клубы белого тумана, перемежаясь с места на место, будто клубы курильного дыма, поднимающегося сразу от нескольких курильщиков. Он почему-то в ковбойке, в пиджаке, в тесах, в кедах, а сверху белый отцовский старый пыльник. Но все это известно ему как бы наощупь, потому что вокруг такой густой туман, что самого себя не видно. И хорошо, что в одежде, — чувствуешь себя защищенной. А когда успел одеться — просто загадка. Но что без толку стоять, на месте Борис стоять не может, да и никогда не мог. Надо куда-то двигаться.

Осторожно переставляя ноги, он шел, тщательно ощупывая ногой, твердое ли то место, куда он собирается ступить, пробуя его на прочность. Судя по тому, что твердая и гладкая поверхность вдруг пережалась выбоинами, в которые время от времени попадали обутые в кеды и потому чувствительные к неровностям почвы ноги Бориса, он шел по сильно выщербленной асфальтовой дороге. Хотя временами

идти было гладко, даже весьма. Пугало только, что непонятно куда. словно идешь по смотровой площадке высокой башни, и не знаешь, есть там перила или нет. Но он понимал, что кричать и спрашивать, где он находится, не у кого, а потому и нелепо. Ему было недавно так худо от головной боли и жара, когда он все куда-то проваливался, что нынешняя душная влажность и легкое головокружение были все же не очень-то и страшны.

Внезапно он заметил по бокам дороги силуэты каких-то искривленных и скособоченных зданий — то ли они возникали из диковатых сочетаний клубящегося тумана и были миражом, то ли и вправду существовали, но в таком случае они были словно выстроены из конструктора с недостающими деталями. Людей, однако, никого: ни навстречу, ни сзади, ни обок. Лишь раз за спиной послышался ему галоп, переходящий в нервную побегу, поскок и снова галоп. Звук уходил в сторону переулка, который он как будто только прошел, если там вообще существовал переулок. Был он приглушен туманом, этот звук, да и был ли он, или все это ему только показалось?..

И вдруг впереди глухое ропотанье, слов не различить, но ясно, что это человеческие голоса. Борис пошел скорее, и туман, не пропадая вовсе, стал вроде бы пореже. И он увидел черный длинный колеблющийся ряд человеческих фигур — очередь! Он посмотрел налево — начала нет, направо — нет конца. Очередь тянулась вдоль длинного, довольно высокого, шести или даже семиэтажного здания, видневшегося смутно, размыто, фоном. Тут он заметил и отделившиеся от очереди завихрения черных фигурок, собравшихся по трое, по четверо, и уловил даже слова, вылетевшие из одного такого завихрения:

— Давай!

— Чего давай?

— Разливай.

— А ты рупь давал?

— Ну.

— Хрен с ним, со жмотом. Не томи. Разливай.

Борис не любил очередей, не любил разговоров, ведущихся в них, — что, где и почем дают, и такие вот страшноватые, вдруг возникавшие пьяные компании,

но эта очередь превосходила по своим размерам все виданные им раньше. Да и вообще было и в ней, и во всем окружении что-то необычное. Теперь он видел, что часть людей сидела у стены здания, разложив рядом кошелки и сумки, заметил, что и само здание полуразрушено: некоторые стены провалены, дверей на подъездах нет, да, по ощущению, и крыши не было тоже.

Обратившись к средних лет женщине, бледной и обвязанной платком, Борис спросил:

— Что дают?

Он употребил эти слова, которые обычно употребляла в подобных ситуациях бабушка Настя, при этом ему показалось, что он вызовет этим вопросом ответ больший, нежели прямая информация о причине очереди, что что-то развяжется и раскрутится. Но он ошибся. Женщина, выражения ее лица он не видел, только пожал плечами и ничего не ответила, отвернувшись от него. Борис отошел, чувствуя неловкость дальнейших вопросов. Остальные тоже молча отодвигались, давая ему пройти, но никто не сказал ему ни слова. То ли глаза его попривыкли к туману, то ли он здесь был и в самом деле пореже, но Борис уже различал, что находится меж двух рядов высоких полуразрушенных или недостроенных домов, в туманной полумгле они казались огромными. Вдоль этих домов и располагалась нескончаемая очередь.

— А где конец? Кто крайний? — невольно вырвались у него снова слова, прозвучавшие на сей раз особенно жалобно, потому что никто и не собирался ему отвечать, только поглядывали все на него неприязненно и вопросительно-недоуменно, как на чужака.

Широкоплечий мужчина, одного примерно роста с Борисом, одетый в кожаное, но даже сквозь туман видно, что потрепанное уже пальто, из-под которого виднелся ворот вязаного свитера, оказался рядом с ним, возник, словно воздух рядом сгустился. Лицо его, мягкое, будто бы слепленное из хлебного мякиша, белесое от тумана, участливо и с любопытством повернулось к нему. От него пахло водкой.

— Пойдем. Я тоже туда иду. Не могу больше рвать без очереди, рыцарское достоинство не позволяет, надоело, — сказал он, махнув рукой. И они пошли

вместе. Очередь длилась и длилась. Мужчина шагал, развернув плечи и свесив немного руки, как часто ходят по привычке бывшие спортсмены, но голову он не наклонял, не бычился, напротив, все время старался держать ее прямо. Борис как-то странно ощущал себя: будто он не идет, а плывет, а все оттого, что туман напирал его, как губку, и ему чудилось, что он распухает, горбится, становясь похожим то на слона, то на верблюда, не случайно, наверно, взгляд спутника, косо обращенный на него, становится все заинтересованнее и заинтересованнее. Внезапно Борис увидел, что очередь кончилась, они оказались в хвосте ее.

— Саша, — протянул вдруг руку спутник.

И пьяным пристальным взглядом посмотрел на Бориса. Вблизи дома, где они притулились, следом за двумя тихо беседовавшими мужиками в обмотанных вокруг шеи больших шарфах, тумана почти совсем не было (он клубился в стороне), и Борис смог оценить пристальность Сашиного взгляда, но ответить не успел, хотя и хотел сказать, что ему везет на Саш, что почти все его друзья — по имени Саша. Но тут сзади снова послышался цокот копыт. И мимо проехали на странных каких-то усатых лошадях четыре всадника, поводья опущены, копыта в руках не шевелятся, лица закрыты удлинненными забралами. Борис увидел, что люди ежатся, жмутся к стене дома, и тоже отступил, повинаясь общему чувству испуга. И только Саша остался стоять, где стоял, делая вид, что никого не замечает, расставив, правда, как заметил Борис, ноги на ширину плеч — для упора. Всадники проехали, не тронув его. Очередь откачнулась обратно. Вернулся и Борис.

— Кто это? — шепнул он, от стыда за свой страх стесняясь говорить громко.

— Крысиная стража, — процедил сквозь зубы Саша. Его лицо было мокрым: не то пот, не то влажность тумана. От пережитого напряжения он сотрясался мелкой дрожью. — Пьяный кураж, — пояснил он ничего не понимающему Борису. — Не уйду вот, и все. Я стою на своем месте, а приказа не было отходить... Вот и стою.

— Не понял, — снова тихо прошептал Борис.

— Чего тут не понять. Крысиная стража это. Сейчас как раз ее время. Час Кота.

— Кота?

— Ну да. В этот час, кто поймал кота, сдает его страже.

Борис снова не понял, но спросил другое:

— Так что, эта очередь — сдавать котов?

Саша рассмеялся, но смех прозвучал, вырвавшись откуда-то из груди, как кашель.

Борис хотел еще спросить, но боялся показать свое невежество, обнаружившее бы, что он чужой, и вместе с тем он, как это бывает только во сне, понял и был даже уверен, что этот пьяный человек и добр, и умен, и не может ему не ответить, более того, что перед ним возможный друг. Сердце заколотилось тревожно и сильно, а в районе лба, висков опять закопошилась дурнота, голова отяжелела, как не своя на плечах.

— Ты что, нездешний? — тихо-тихо спросил Саша. На сердце стало легко, и головокружение прошло: Борис понял, что его спутник догадался, что он не отсюда, но кричать об этом не собирается. Он кивнул в ответ.

— Я так сразу и заметил, — еще тише произнес Саша, а в голос сказал: — Давай посидим на приступочке, покурим. Мужики, — обратился он к двум в шарфах, — если кто будет спрашивать, то мы за вами. Мы не ушли, а отошли.

— Да уж никто не подойдет, — ответил один из шарфов. — Пойдем, Шурик, что ль, и мы покурим, — обратился он к соседу.

Они подошли, доставая из пиджаков сигареты. Саша нахмурился. Сигареты в этом влажном, белесом, обволакивающем воздухе все время гасли. Казалось, вода висит в воздухе. Один из мужиков сплюнул сигарету на асфальт. И обратился к Саше:

— Вы спереду идете, не слышали, чего сегодня дают?..

— Простую или со змейкой? — пояснил вопрос первого второй спутник.

— А тебе какая разница? — вдруг огрызнулся Саша, сидя на приступочке и подняв глаза на спрашивавшего. — Храбрости вам выпивка не прибавит. Все равно крыс больше смерти боитесь!..

— Я не пойму чего-то, — сказал первый. — Чего ты говоришь? Ведь крыс теперь у нас нету. Ну, таких

животных, я хочу сказать. Они теперь совсем как люди. И котов, как мы, ненавидят.

— За что же ты, позволь тебя спросить, — подал снизу голос Саша, — котов не любишь?

— Все жрали у нас, воровали, молоко все выпивали, сметаной лакомились, птиц поедали...

— Крыс, — снова подсказал Саша.

— При чем здесь это? — удивился мужик. — Мы с помощью крыс освободились от лишних прожорливых ртов, и слава нам. А крыс я давно не видел, нет. Они теперь как люди, как все мы.

— Не мели ерунды! — прикрикнул вдруг Саша с пьяной резкой злобой. — А сейчас кто там проехал? Не заметил?

Шарфы замолчали, а потом второй пробормотал:

— Тебе лучше знать. Ты сам, говорят, из них.

— Откуда бы я ни был, тебе-то что за охота идиотом быть!

— А что же делать? — вдруг тихо и одновременно грустно спросили оба мужика. — Вот если б Лукоморские Витязи явились, да они без Бориса не явятся. А откуда здесь Борису взяться?

Голоса звучали и словно сталкивались у него в мозгу. И было не ясно, кто такой Саша, почему мужики в шарфах сначала вроде бы были за каких-то там крыс, ловящих котов, а потом как будто и совсем наоборот. От пропитавшей воздух влаги стало зябко, зазнобило, гриппозно заболели глаза. Захотелось очнуться в комнате бабушки Насти, просто открыть глаза и быть уже там, и для этого надо было сделать всего какое-то небольшое усилие, может, поярче представить себе бабушкину комнату. Но и здесь было интересно, тем более, что поминалось его имя.

— Да если он и окажется здесь, захочет ли он за ними отправиться, Борис-то...

— Ах, кабы явился!..

— Если да кабы, да во рту росли грибы, — злился пьяно Саша. — Ничего этого не будет. Ничего здесь у нас не изменится, надо это по-ни-мать!

— Если б Борис...

— Да нет никаких Лукоморских Витязей и никакого Бориса тоже нет и не будет! Сказки это!

Борис чувствовал, что если он назовется, то все

вокруг и в его здешней судьбе изменится, но желание обратить на себя внимание, простое тщеславие пере-силило вдруг благоразумие:

— Почему не будет? Разве у вас нет Борисов? Я Борис...

— Борис? — привскочил даже Саша. — Точно Борис?

— Точно Борис, — самодовольно, радуясь и удивляясь его изумлению ответил Борис. Два мужика сразу шарахнулись в сторону и исчезли, размылись в тумане. А по очереди пронесся, прошелестел гул, сплетаясь в слова, стучавшие в голове и отдававшиеся в душе и сердце.

— Борис!

— Бори-и-ис!

— БОРИС!

— Борис?!

— Сам Борис? Лично?

— Борис, Борис, Борис, борись, борись, борись...

— Станет он!..

— Да и с кем?..

— Ему тоже, небось, приказывают, раз он здесь...

— Точно, раз послали, он и явился...

— По доброй-то воле кто к нам явится!

— Эт-то точно!

— Да кто ему приказать может? Чудаки! Это же БОРИС!

— Борис!..

— БОРИС!..

— Царь Борис!

— Царь Борис — победитель крыс!

— Борис! Борис — победитель крыс!

— Победитель!..

— Победитель по-древнегречески звучит как Александр.

— А вовсе не Борис.

— Царь у нас Александр, а вовсе не Борис.

— Эт-то точно!

— Мама, а кто кого из них поборет?!

— Борис Александра?..

— Или наоборот?..

— Наоборот!

— Ну, это еще надо поглядеть!

— И поглядим!

— Чего еще остается!..

— Стоим и глядим!

— А он что?

— Он же Борис... Вот пусть он и борется.

— Но Александр неодолимый...

— На каждого неодолимого есть свой борец!

— Борец или Борис?

— Борис!

— Борис — борись!

— Борись, Борис!

И вдруг:

— Борис! — сс! — сс! — сс!

— Ссс! — сссс! — ссссс! — сссссс! — ссссссс!..

— Тш! — тш! — тш-шшшшшшшшш! — шшшшшш!

И в наступившей тишине раздался цокот копыт, галоп, переходящий в крысиную побегу и снова в галоп.

Голоса и цокот копыт звучали, однако, как-то странно, словно плавали в тумане, отдельно, сами по себе, без существ, производивших эти звуки. Словно бы они просто рождались в тумане и вместе с туманом всплывали в уши и мозг Бориса — лестные слова и угрожающий галоп. Все это, наверно, происходит так оттого, казалось ему, что он не связывает происходящего с собой. Где-то краешком оставшегося незатронутым болезнью разума, он сознавал призрачность окружающего мира, и это сознание придавало происходящему еще больше призрачности. После слов о Борисе-победителе ему захотелось даже посмотреть на себя со стороны — неужели это про него речь? Но ничего не получилось.

Однако цокающий топот послышался уже совсем близко. "Как же это крысы ездят на лошадях?" — невольно подумалось ему, стало страшно, и этот страх показал ему, что все же он принимает, хотя бы отчасти, всю здешнюю ситуацию как взаправдашнюю, как нормальную, словно это и не он лежал только что на сундуке у бабушки Насти.

— Это не лошади, это такие специально под лошадей дрессированные крысы, — буркнул сзади Саша, угадывая его мысли. — Так что, считай, их вдвое больше, чем четверо. У этих, что вместо лошадей, тоже мечи есть.

— Отвали! С дороги! Отвали! — слышались уже совсем рядом властные и негромкие, хриплые, пропитые и прокуренные, можно даже сказать, приклатненные голоса. Очередь качнулась в сторону всем своим огромным телом. А он увидел сквозь туман фигуры в латах, на низкорослых конях, похожих на огромных крыс, с опущенными удлинненными забралами, из-под которых и раздавались эти жуткие голоса.

У Бориса защемило сердце — сейчас что-то произойдет, очередь набросится на четырех крыс-стражников и сомнет их, ведь тут он, Борис, которого они столько ждали и которого называют победителем крыс. Он не знал, куда его занесло и что тут происходит, въявь это или только чудится, но чувство подсказывало ему, что, разумеется, крысы, угнетающие людей, — это ужасно. И хотелось влиться в толпу, которая сейчас что-то такое сделает, ведь ей, наверно, для такого поступка не хватало малого — его присутствия. И все вместе, они без особых усилий с его стороны победят.

— Отвали, мразь! Отвали, падла! — раздавались хриплые голоса крыс и копыя слегка и лениво шевелились в их лапах, одетых в железные перчатки. И там, где стражники проезжали, образовывались воронки, пустоты, провалы, толпа отступала, ежилась, все теснее прижимаясь к стене, а крысы все ближе подвигались к Борису. Вот уже скоро будут рядом, вот уже ближайших к нему шевелят копыями, заставляя каждого поворачиваться к ним лицом и пристально его разглядывая. И Борис понял, что первым никто не решается, что, наверно, ждут этого от него, ведь "борись, Борис", говорили они, и он крикнул, сорвавшимся и нелепо пронзительным, как оно и бывает во сне, самому себе противным голосом:

— Эй, люди! Вас же много!

Но от крика его началось делаться странное: все люди, бывшие неподалеку от него и сидевшего на приступочке у подъезда Саши, стали словно растворяться в тумане, пока они не остались в одиночестве. И туда, к ним, устремились стражники. В грозной тишине раздался дважды голос гадкий переднего крыса:

— Уй-уй! Не могу! Гли, какой Борик! Ой, испугался, — и он копьем указал на Бориса, повторяя: — Гли, вот он, Борис-то! А мы-то его искали повсюду!

Крысы надвигались и росли, раздувались, направляя на него свои копыа, а он хотел поднять руку и не мог, хотел сказать и не мог, шагнуть и не мог, хотел просто вжаться в стену и не мог пошевелиться, чувствуя, что он в состоянии только рухнуть как куль с мякиной и не двигаться, и пусть они заколют копыами: сопротивляться он не в силах. И только одна дурацкая мысль посетила его: "Раз они меня искали и теперь убьют, значит, быть может, все это и не сон, а мне только снилось, что это сон, а вот убьют, и все окажется взаправду". И от этого рассуждения холодная немочь овладела им окончательно.

Но тут вдруг какой-то крик словно электричеством дернул его:

— Бежим! — крикнул Саша и сильно потащил за руку.

От его рывка Борис крутанулся на одном месте и чуть не упал, настолько ноги не слушались его, так что Саше пришлось просто проволочь его и силой заволочь в подъезд, где он немного опомнился, пришел в себя. А Саша снова крикнул:

— Вверх! Бегом! Успеем!

И тут начался этот бредовый бег вверх по лестницам и площадкам, такой бег, какой наяву никак не возможен.

Ноги, руки, все тело стали вдруг удивительно послушны и ловки. Борис бежал вверх по разрушенной лестнице, с кой-где разбитыми и проваленными ступенями. У подъезда слышалось фыркание крысолошадей, а потом следом раздался топот преследователей. Саша несся впереди, а Борис старался не отставать. Они поднимались, не останавливаясь ни на мгновение, но Борис успел заметить, что ступеньки этой лестницы выложены изразцовой плиткой, как бывает в старых домах в центре города, а перила чугунные, плотные, отполированные руками до светлых пролысин. Каждый лестничный пролет кончался двумя площадками, и они сворачивали то на левую площадку, то на правую, потому что каждая из площадок имела новую, свою лестницу, и такими разворотами, как догадался Борис, они пытались сбить след. Один раз они пробежали по какому-то переходу с пятнами квартирных дверей по стенам этого перехода и очутились, как показалось Борису,

вообще в другом подъезде, если не в другом здании. И снова вверх, вверх, не останавливаясь, не отдыхая.

В следующий момент стало не то, чтобы сложнее, но страшнее: сквозь какую-то стеклянную дверь они выскочили на открытую площадку, стены вокруг которой были полностью разрушены, а сама она шаталась под ногами над пропастью во много этажей, держась на железных скрепах, наполовину вылезших из своих пазов. Они пробежали по ней, сразу окутавшись уличным белесым и влажным туманом, вбежали в другую, тоже стеклянную дверь, и выскочили на новую лестницу. Борис, не прекослова, доверяясь полностью, следовал за Сашей, стараясь взглядом не потерять его кожаного пальто, которое тот не сбрасывал и которое словно бы и не мешало скорости его бега. Время от времени Саша оборачивался, проверяя, следует ли за ним Борис, подмаргивал ему сразу обоими глазами и выглядел так плутовски-бесшабашно, что Борис преисполнялся благодарностью к нему и уверенностью: непременно они убегут от хриплых и страшных крыс.

И тут они выскочили на площадку, где лестница обрывалась, точнее сказать, отсутствовали нижние ступенек десять, верхние же, прикрепленные к следующей площадке, существовали. Они свисали на покореженной чугунной арматуре, покорежены были и чугунные перила, но, судя по всему, дальше лестница продолжалась нормально.

— Делай, как я! — крикнул Саша.

Он подпрыгнул, ухватился рукой за железяку перил, повис на руках, затем подтянул ногу, согнув ее в колене, почти до уровня головы, уперся стопой в болтающуюся скобу и вдруг резко распрямился, отпустив на секунду руки, но тут же снова ухватившись за перила выше, в той части лестницы, где она была цела. И еще через мгновение стоял уже на ступеньках. Борис попытался повторить, но, если б не помощь Саши, он бы, конечно, рухнул. Он уже и падал, все откидываясь и откидываясь назад, бесконечно откидываясь назад, казалось, что человек не может так долго откидываться назад, да так плавно и неотвратно, хотя и ужасно медленно, и он даже мог долго смотреть на себя со стороны, как это он долго падает и как сейчас шмякнется головой, затылком или темечком

о каменные плиты площадки, но тут Саша, глубоко нагнувшись, твердо ухватил его за рукав пыльника, чуть не вытряхнув Бориса из него, однако не вытряхнул, а вздернул на ступеньки, поставив рядом с собой и придержав за плечи.

— Спасибо, — сказал Борис. — Ты ловок, прямо, как кот, — добавил он и удивился, что произнес такую фразу, вовсе не чувствуя себя запыхавшимся от такого сумасшедшего бега.

— Ну до Кота мне далеко, — ответил Саша. — Особенно до Настоящего, — он посмотрел на Бориса пьяновато-многозначительным и глубокомысленным взглядом. Пьяный дух так и не выветрился из него, несмотря на отчаянный бег по лестницам, но держался при этом Саша все равно с куртуазно-рыцарской вежливостью и твердостью. — Бежим. Еще немного осталось, — сказал он.

Они снова побежали. "Как странно, — подумал Борис, — уже столько бегу, а ни капельки не устал, не вспотел даже. А если б все было на самом деле, то пот так и лил бы". Но не успел он подумать об этом, как почувствовал, что лучше бы ему об этом не думать, он вдруг сразу начал уставать и от Саши отставать, дыхание стало прерывистым, жарким, одежда помехой движениям, а ноги так отяжелели, что их приходилось поднимать и с силой посылать вперед как посторонний предмет, да и не слушались они его уже почти. Но вот, заплетаясь от тяжести в ногах и свистя почти недышащими уже легкими, он взобрался следом за Сашей на последнюю лестничную площадку, которая была как бы вынесена над домом, во всяком случае крыши над ними теперь не было, а через них перекатывались волны тумана. Они остановились. Поскольку стен тоже вокруг не было, она напоминала Борису смотровую площадку старинной рыцарской башни. От ее края куда-то в неизвестность тянулись две широких, составленных рядом доски, и без перил.

— Ну, дошли, наконец, — сказал Саша. — Теперь можно и посидеть, немного передохнуть, — он сел, болтая ногами над пропастью.

Борис осторожно опустился рядом на корточки, а потом и сел, потому что усталые мышцы не держали его, но ног вниз не спустил.

— Спасибо, — сказал он, хотя что за история, в какую он втравился, и что за башня, куда его завлек Саша, он и подумать не мог.

— За что "спасибо"? — рассмеялся Саша. — За то, что я тебя Бог знает куда затащил и заставил побегать? — он снова рассмеялся своим похожим на кашель смехом. — Шучу. Хотя что-то и я должен был сделать, наконец. Все равно основное — тебе предстоит.

— Почему мне? У вас что, других Борисов нет? — сам удивляясь своим странным вопросам, спросил Борис.

— А другого у нас и быть не может, — Саша сплюнул далеко в туман. — У нас все в честь царя Александра названы: и мужчины, и женщины, и даже крысы. Мы ведь все — победители. Нашими совместными усилиями и только в их результате, — сказал он противным голосом, кого-то передразнивая, — были ниспровергнуты и побеждены наши общие враги, именуемые в просторечии домашними котами и кошками, а по научному "фелис катус". Ты, небось, и представить не мог, что такое бывает... — он повернулся, хлопнул Бориса по плечу, да так и оставил руку у него на плече, выжидающе, с пьяной, настойчивостью вопросительностью заглядывая ему в глаза.

— Но почему я? — снова повторил Борис, испытывая неловкость от лежащей на плече руки, словно этот жест его обязывал к каким-то поступкам, обязывал помочь. — Почему я? Да и что я должен, точнее сказать, могу для вас сделать?

— Ох, — сказал Саша, снимая руку с его плеча. — Я ведь и сам толком не знаю. Я все думал, это бабушкины сказки: и про Лукоморских Витязей, и про Заклинательную Песню, и про Бориса... Могу только рассказать, что запомнил, а всего я и не знаю. Как родился, все уже, как сейчас, у нас было. При мне, правда, последних Настоящих Котов добивали. Это помню. Премия была за каждого пойманного, и час был назначен, когда сдавать их, час Кота. В этот час стража объезжала город и собирала пойманных "фелис катусов", и до сих пор ездит, хотя уж, кого могли, всех выловили, — он вздохнул и снова пьяным длинным взглядом уставился в Бориса, но тот ничего не спросил. — А откуда крысы взялись, — продолжал Саша, —

ей-ей, не знаю. Но мне моя бабушка Саша, давно это было, всегда рассказывала и всегда я думал, что это сказка, что вот, дескать, однажды придет Борис и сумеет дойти до Витязей, живущих у Лукоморья, это наши предки. А дальше вообще непонятное несла, что, когда он пройдет лес и дол, как она говорила, видений полный, и выйдет по Трудной Дороге к морю, он увидит рыцарей, собравшихся за скалой, и узрит невиданный пир, и если ему неведом будет страх, то пусть он спустится к ним со скалы и войдет в их круг, и когда они возведут его в рыцарское достоинство, то о заре там еще прихлынут волны на пустой и песчаный берег и тридцать витязей выйдут из ясных вод, так увеличится их войско, и пойдут все за ним и прогонят крыс. Она мне говорила, чтобы я все это запомнил, потому что и сам я из древнего рыцарского рода, и хотя мы уже давно не рыцари и мой родитель служит крысам, я все равно это должен помнить. Но еще она говорила, что Борис никуда не пойдет, пока не услышит Заклинательной Песни. А где и от кого ты ее должен услышать, я не знаю. А когда ты ее услышишь, ты должен найти не то Тинна, не то Финна, он и подскажет тебе дорогу к Лукоморью. Но тут уж я смогу тебе помочь, потому что на самом деле если кто и знает дорогу, так это не Тинн, и не Финн, а Мудрец. А как к нему пройти, мало кто знает, да и трудно: к нему, говорят, путь идет через огонь, воду да медные трубы. А не то просто приходи в Деревяшку, там я тебя буду ждать. Может, и Саня будет. Посидим, поговорим. Что-нибудь придумаем.

— А что такое деревяшка? — спросил Борис, будто все остальное было ему ясно.

— Так называется одна харчевня, — ответил Саша и замолчал.

Внизу вдруг послышались ругательства, хрипенье, сопенье и топот шагов, и лязг железа. Саша вскочил на ноги.

— Тебе пора, — вскричал он, указывая рукой на две доски, провисшие над пропастью. — На той стороне должен быть спуск.

— А крысы?!

— Они не пройдут. Видишь? — Саша указал на медные кольца, вделанные в края этих толстых досок. —

Как пройдешь, крикнешь мне с той стороны, я их подниму и просто-напросто вниз сброшу.

— А ты, разве не пойдешь со мной?

— Куда мне! По этим доскам только в бреду да во сне пройти можно. А бабка говорила, что где-то там, где, она и сама не знала, заболает Борис и к нам попадет в бреду, для него это будет страна бреда и грез. И нас спасая, сам спасется, говорила она. Что покинет, то найдется. А вас разбудит — сам проснется. Она и сама этих всех слов объяснить не могла, но говорила, что когда-нибудь они для Бориса прояснятся. А ты и есть тот самый Борис. Я ж видел, как ты с лестницы падал, такое только в бреду или во сне возможно. Так что не бойся и — вперед.

— А что с тобой будет?

— За меня не беспокойся, — он мрачно засмеялся. — Родитель выручит. На худой случай семь дней в амбаре отработаю. А тебе назад дороги нет.

Борис все еще колебался, стоя перед досками и никак не решаясь ступить на них ногой. Пыльник, промокший от тумана и обвисший на нем, он сбросил вниз.

— Скорей, — торопил Саша.

— А куда я попаду? — не унимался Борис.

— Куда! Куда! — уже злобно передразнил его Саша. — Откуда — вот куда! Ты должен спастись, потому что на тебя все надеются. Только на тебя. Понятно это?

— Тогда почему, если все ждут и надеются на Бориса-избавителя, никто мне не помог?

— Как никто? А я? — искренно поразился Саша. — Тебе мало? Один человек помог — это совсем не мало. Один помог — это уже много. Один — это совсем немало!..

Уже совсем близко, у лестничного разлома, слышалось сопенье, хрипенье и рычание крыс-стражников. И Борис ступил на доски, так напоминавшие половицы в доме у бабушки Насти. Он шел, не видя ничего ни перед собой, ни под ногами, доски прогибались под ним, туман обволакивал, запеленывал, мешал идти. И когда перед ним появилась новая площадка, он сначала даже не поверил, но вскоре простор для ног убедил его в этом. Тогда он повернулся в Сашину сторону

и, услышав его вопросительный возглас, крикнул в ответ:

— Эгей! Я доше-ол!

И доски вдруг приподнялись и тут же соскользнули и ухнули в пропасть. Дорога крысам была отрезана. Борис облегченно вздохнул, почувствовав себя в безопасности, и двинулся вниз по новой лестнице, прочь, куда-нибудь, только подальше отсюда, только бы выбраться, выбраться из лабиринта лестниц и сдавливающих душу домов, выбраться бы на улицу, на землю, где бы он мог оглядеться и сообразить, что делать, а не просто тупо следовать извивам лестниц, там бы он не чувствовал себя как в ловушке. А именно это чувство он сейчас и испытывал.

Он шел вниз: ступенька за ступенькой, лестница за лестницей, площадка за площадкой, этаж за этажом. Его движение уже снова совершалось внутри здания, и не в пример тому, в котором он бежал вверх, это было целое, чистое и ухоженное. На каждом этаже было по две квартиры, двери их были обиты кожей или дерматином, а в правом верхнем углу неперемнная медная или серебряная дощечка с какими-то надписями, причудливой вязью, словно крысиной лапой нацарапано, думал Борис, и спешил мимо, опасаясь, что вдруг какая-нибудь из дверей откроется...

Горели белые лампы дневного света. Вполне внизу мог и вахтер дежурить, а то и консьержка. "Привилегированный дом", — подумал Борис. Не успел он так подумать, как этажом ниже лампы дневного света исчезли, а появились обычные электрические, тускло-го желтого света, горевшие вполнакала где-то высоко, под потолком, целые пролеты вовсе не были освещены и приходилось пробегать, проходить их почти ощупью, в полной темноте. Где-то в глубине, в недрах этого дома грохотал лифт, но подхода к нему Борис не видел: никаких коридоров, сплошная лестница.

Он бежал уже очень долго, гораздо дольше, чем, как ему казалось, он поднимался вверх, этому спуску

словно конца не было, и никакого шума в квартирах, если не считать дальнего, как гром, грохотанья лифта. И непонятно, долго ли ему еще так бежать, и куда этот бесконечный спуск приведет, и почему так пусты лестницы.

И вдруг спуск его на мгновение прервался: но не каким-либо препятствием, а требованием выбора, возникшей развилкой путей, как возникла она перед героями народных сказок. На очередной площадке кончилось естественное движение лестницы: на ней не было квартир — только стены, лестница, по которой Борис спустился, упиралась прямо в середину этой площадки, а от площадки отходили вниз уже не одна, а целых три лестницы: одна вела влево, другая — вправо, а третья — прямо. Какую из них считать продолжением пути? Об этой возможности Саша ему не говорил, а он сам и не предчувствовал даже. Борис остановился в растерянности, озираясь кругом. И тут заметил на стене у каждой из лестниц аккуратно прибитые таблички. На табличках слова.

На левой:

ИДИ КАК ИДЕТСЯ МНОГОЕ МОЖЕТ
СЛУЧИТЬСЯ

На правой:

ИДИ КАК ХОЧЕТСЯ РАЗ САМ ЗНАЕШЬ
КУДА

И на той, что прямо:

ИДИ К НАМ ПОМОЖЕМ

Последнее приглашение Борис отверг сразу как сомнительное, даже провокационное. Кто это собирается ему помогать? Уж не ловушка ли это? Но и от желания идти, как ему хочется, по недолгом размышлении тоже отказался: он вовсе не знал, как и куда ему хочется идти. Он знал только, откуда ему хочется уйти, а этого явно было недостаточно. В этих лестничных путешествиях он чувствовал себя маленьким, затерянным, совершенно запутавшимся в нагромождении одной лестницы на другую. И первое предложение — продолжить начатый путь, идти, как идет — казалось бы наиболее приемлемым, если б не угрожающая неопределенность второй фразы. Что — может случиться?

Но сонная какая-то инерционность и заторможен-

ность все больше и больше склоняли его к левому повороту, идти, как идетя, ибо продолжать начатый путь было естественнее, натуральнее. И пусть многое случается, даже интересно (подказала вдруг все еще бодрствовавшая частица его мозга), что еще может произойти в этом бредовом сне.

И Борис, свернув налево, опять затоптал вниз. Два или три пролета — сколько точно, он не мог определить, проскочил, не заметив — он бежал в сплошной тишине среди белых стен: на сей раз на площадках квартирных дверей не было. Он бежал по этой бесконечной нежилой лестнице, ведущей куда-то, как вдруг услышал чье-то покашливанье, а остановившись и прислушавшись, как кто-то барабанит пальцами по перилам.

Но уже было не остановиться, да и не назад же идти, и Борис продолжил свой путь, скорее по инерции, чем по сознательно принятому решению. Пока не натолкнулся на молодого, но уже представительного мужчину, с волнистыми темными волосами, в тяжелых импортных очках, темном костюме, из-под пиджака виднелась жилетка и галстук. Он стоял на площадке, облокотившись о перила, курил, выстукивал пальцами какой-то несложный ритм и внимательно, даже доброжелательно взглянул на Бориса. Чем-то он походил на директора Института, жившего в их доме, двумя этажами выше, который предупредительно-вежливо раскланивался не только с родителями, но и с ним, Борисом, — скорее всего удачливой солидностью де я т е л я . Но деятеля начинающего, еще не утвердившегося, поэтому тупой важности в лице не было, оно было живым,мышленным и задумчивым, хотя и излучавшим солидность и респектабельность. Выглядел он старше Бориса лет на десять, примерно лет двадцати пяти, ого-го! какой разрыв! Хотя ростом пониже него был незнакомец.

Он стоял так, как обычно стоят выходящие покурить перед сном на лестничную площадку степенные, солидные люди, у которых не курят в квартирах. Увидев Бориса, он взмахнул приветственно рукой:

— Привет, старик! Вниз бежишь? — он протянул мягкую короткопалую руку, которую Борис невольно пожал. — Алек, — представился мужчина, держа Бо-

риса за руку и стараясь заглянуть ему в глаза. Взгляд его почему-то был искательный, тревожный, и это смущало Бориса, он не мог в ответ глядеть незнакомцу в глаза, потому что подозревал его, сам не зная в чем, но подозревал, что он стоит тут неспроста.

— Привет, — ответил Борис, не называясь.

— Вышел покурить перед сном, — объяснил Алек. — Устаешь за день от научной работы, я ведь докторскую диссертацию пишу, вот и нужна вечером нервная разрядка. Для этого необходимо расслабиться и погрузиться в прострацию, и помочь тут может только сигарета. Хотя я понимаю, что никотин вреден для здоровья, но я надеюсь, что после защиты я категорически прекращу курение. А сейчас, — он доверительно склонился к Борису, — иной раз и рюмочку себе для разрядки позволяю. Только так, чтоб мамаша не знала, не хочу ее попусту беспокоить. Она будет нервничать, а зачем это? Я и сам своему здоровью вреда причинять не намерен. Правильно, как ты думаешь?

— Наверно, правильно, — опять односложно ответил Борис, стараясь незаметно и необидно высвободить свою руку из его нежного рукопожатия.

— А ты кого-нибудь ищешь или спешишь куда? — снова дружелюбно-доброжелательно осведомился Алек.

И Борис вдруг выпалил наобум, посмотрев ему прямо в глаза.

— Меня крысы волнуют... Нет ли их здесь?

Тут они оба отвели в сторону глаза от обоюдного смущения: Алек от того, что над ним нависло подозрение, а Борис от неловкости своего почти прямо высказанного подозрения. Борис и в самом деле не мог взять в толк, зачем бы взрослому человеку обращаться к нему более даже, чем на равных, называя себя просто по имени, словно он ни с того, ни с сего ищет дружбы с ним, с Борисом. И эта необъяснимая расположенность смущала, а не льстила. Но Алек быстро собрался, опомнился, нашелся. Он хлопнул дружески второй своей рукой по руке Бориса, все еще не высвобожденной из рукопожатия, и сказал, заглядывая ему снова искательно в лицо:

— Смотря какие. Могу все рассказать. Тебе просто повезло, старик, что ты нарвался на меня. Я как раз докторскую-то о крысах пишу. Некоторые говорят,

что это стыдно, что это приспособленчество, а я считаю, что всякая реальность имеет право быть исследованной, крысы же это наша настоящая реальность. Можно почти с уверенностью признать, что живущие теперь у нас крысы не туземного происхождения, а пришлые. У древних нельзя найти ни одного места в их сочинениях, которое бы относилось к крысам. В трудах наших ученых доказано, что прежде всего у нас появилась черная крыса, или по научному "Раттус раттус", за ней последовала серая, ее еще называют амбарной, пасюком, а по научному "Раттус норвегикус". Мы можем сегодня с уверенностью сказать, что пасюк вытесняет, однако, как самый сильный, своего родственника и везде начинает господствовать один. Он в этом смысле может быть и вправду назван всеобщим победителем. Ну как, интересно тебе?

— Интересно, — ответил Борис, забыв на время даже тянуть свою руку из цепких лап Алека.

— Тогда послушай. О, эти существа достойны не только трактата, а романа, поэмы. О них, статьи, полно и стихов, и поэм. Но я сообщу тебе строго научные факты. Для начала будет достаточно, если я опишу тебе серую крысу. О черной ничего особенного сказать не могу кроме того, что ее когда-то в средние века отлучили от церкви. Но уже давно ее господство стало оспариваться пасюком, то есть "раттус норвегикусом", как я уже говорил, и притом с таким успехом, что она везде должна была уступить. Так вот вернемся к серой крысе. Цвет шерсти у нее на верхней и нижней стороне туловища различный. Верхняя сторона тела и хвоста буровато-серая; нижняя, резко отделяющаяся сторона, серо-белая. На хвосте около 210 чешуйчатых колец. Иногда на верхней стороне передних ног бывает несколько буроватых волос; встречаются черные экземпляры, белые с красными глазами, светло-желтые и пегие. Последние бывают или черно-белые, или серо-белые; при этом у них почти всегда голова, шея, плечи, передние ноги и более или менее широкая полоса на спине бывают черного или серого цвета, а остальные части белые. Интересно тебе, — вдруг прервался Алек.

— Нет, — сказал Борис. — Скучно.

— Но это и есть наука. Что же ты тогда от меня хочешь узнать?

— Что-нибудь про обычаи, повадки...

— Ну здесь тогда мы вступим в области догадок, гипотез, случайных и не всегда достоверных эмпирических наблюдений, лишенных строго научной фактичности. Но если ты настаиваешь, я могу удовлетворить твоё вполне понятное любопытство об этом удивительном существе. С большой вероятностью можно допустить, что пасюк переселился к нам из Азии, именно из Индии или Персии. Что касается меня, я вполне допускаю этот вариант, поскольку и вправду все миграции идут с Востока. Только мне кажется, и люди, и крысы мигрировали одновременно. Я полагаю, и это подсказывает нам сегодняшний опыт, что они распространились по всей земле вместе с человеком, а в настоящее время проникли на самые пустынные острова, закончив своё кругосветное путешествие. Они проявляют несокрушимую привязанность к человеку, его дому, его двору; беда в том, что нигде человек не чувствует за это благодарности; везде и всюду ненавидит их и немилосерднейшим образом преследует, употребляя всевозможные средства, чтобы от них освободиться; и тем не менее они остаются ему преданными, вернее собаки, вернее какого бы то ни было другого животного. Поэтому, когда я говорю, что крысы наши не туземного происхождения, я имею в виду, что они мигрировали сюда вместе с человеком, составляя удивительный симбиоз, а какие тут были туземцы, этого уже никто и не вспомнит. Вначале пасюков было меньше, но постепенно, будучи сильней, они получили первенство. Люди даже считали, что пасюк связан с нечистой силой, ты ведь, наверно, проходил в школе Гоголя, а раз проходил, значит читал "Ночь под Рождество", где описывается Пацюк, которому в рот сами летели галушки, помнишь? Вот в таком перевернутом, мифологическом виде сказалось ощущение человеком превосходства серой крысы над ним, в силу её интеллекта и других психофизиологических данных. Заметь, что во всех телесных упражнениях крысы, причем не единицы, а все, проявляют много искусства. Они быстро и ловко бегают, отлично лазают, даже вверх по довольно гладким стенам, мастерски плавают, с уверенностью делают довольно большие прыжки и сносно роют, хотя неохотно. Более сильный пасюк

отличается и большей ловкостью, чем черная крыса, по крайней мере, он несравненно лучше плавает. Его способность оставаться под водой так же значительна, как у настоящих водных животных. Из внешних чувств у крыс больше всего развиты слух и обоняние; особенно превосходен у них слух, но и зрение неплохо, а вкус у них часто упражняется в кладовых с провизией, где крысы всегда умеют выбрать себе самые лакомые блюда. Об этом и Брэм писал, честное слово! Они в состоянии победить любого полководца, они даже Наполеона победили. Мемуарист Лас-Казес рассказывает, что 27 июня 1816 г. Наполеон со всею своей свитой остался без завтрака, потому что предыдущей ночью крысы забрались в кухню и утащили оттуда все. Их было там огромное множество, причем они были необыкновенно злы и нахальны. Им требовалось всего несколько дней, чтобы прогрызть стены и доски простого жилища императора. Они приходили в зал во время обеда Наполеона, и, когда вставали из-за стола, начиналась настоящая война с крысами. Пришлось отказаться держать живность, потому что крысы ее поедали; они даже птиц стаскивали ночью с деревьев, на которых те спали. Вот видишь, несмотря даже на недомолвки человеческого историка, он все же проговаривается, что "началась настоящая война с крысами"! И из его рассказа, завуалированного, конечно, смягченного, видно, что крысы остались победителями на поле боя. Пусть злые языки называют их бедняками, пауперами, люмпенами животного мира, они на поверку оказываются сильнейшими. Раздетые и разутые, они победили во много раз превосходящего их по силе неприятеля.

— Чем же они питаются?

— Очень, очень здравый вопрос, старик! Из ответа на него ты лучше, чем из чего-либо другого поймешь их внутреннюю близость с нами, с людьми. Им годится все съедобное, это утверждает и Брэм; человек не ест ничего, чего бы не жрали и крысы, пишет он. Они даже и в напитках не отстают от него; недостает только, чтобы крысы пили еще и водку. Но нет, по своему благородству они оставляют ее людям. Хотя раньше, говорят, пили, но теперь перешли на напитки гораздо более благородные. Не довольствуясь таким разнообразным меню, крысы с жадностью набрасываются

и на другие вещества и даже на других животных. Они могут быть весьма неприхотливы. Грязнейшие отбросы человеческого хозяйства им еще годятся при случае; гниющая падаль находит в них любителей. Они пожирают кожу, рог, зерно и древесную кору, или, говоря короче, всевозможные растительные вещества; а чего они не могут сожрать, они по крайней мере изгрызают. Есть удостоверенные примеры, что они загрызали маленьких детей. Тебя, старик, это может шокировать, но вспомни, что и человек недавно избавился от каннибализма, тем более, — вполне может быть так, — что маленькие дети сами были виноваты: наверно, они плохо себя вели. Крысы, надо сказать, сильнее многих животных. Все крестьяне знают, как жестоко преследуют они домашних, скажем, животных. Очень жирным свиньям они выгрызают дыры на теле; посаженным тесно вместе гусям они выгрызают на ногах плавательные перепонки, молодых утят утаскивают в воду и топят их там. У торговца животными Гагенбека они убили трех молодых африканских слонов, разгрызши подошвы этим могучим животным. Вдумайся, старик! Слонов! Самых мощных животных в мире. И их они оказались сильнее.

— А я слышал, — угрюмо сказал Борис, рука которого затекла в тесном пожатии Алека, — что крысы известны как микробоносители и переносчики различных возбудителей опасных болезней человека и домашних животных, а также как вредители запасов пищи и урожая, что это самый вредный из грызунов всего мира.

— Ах, старик, чего только не говорят! Но я-то говорю тебе по науке, а ты мне выпаливаешь какие-то непроверенные слухи и сплетни. Как крысы могут быть врагами человеку, когда они всюду с ним вместе: и дома, и в поле, и в лесу, и даже на корабле в открытом море-океане. Разве я тебе этого не говорил? Или ты не веришь научным данным? Конечно, я понимаю, у крыс тоже есть враги — все эти совы, вороны, ласки, особенно кошки. Будучи ученым, я занимаюсь, конечно, и повадками и обычаями крысиных врагов. Настоящий ученый должен знать все, чтобы его знания могли приносить реальную, осязаемую пользу. И повадки котов, их погушки я могу предсказать задолго вперед. Особенно тех, которые отдаются,

как говорит Брэм, с настоящей страстью охоте за крысами, хотя им, и это признают все прогрессивные ученые, вначале стоит большего труда осилить наших зубастых грызунов. Но большое их скопление, тем более объединенное с людским сообществом, как уже выше я тебе показал, являющееся истинным симбиозом, кот осилить не в состоянии. Для крыс, конечно, чрезвычайно неприятно иметь поблизости такого злостного врага. Они в этом случае ни на мгновение не уверены в своей безопасности. Неслышно скользит враг во мраке ночи: ни звуком, ни движением не выдает он своего присутствия, во все отверстия заглядывают его страшные, сверкающие, зеленоватые, а порой желтые глаза; он сидит и выжидает на самых удобных путях, и раньше, чем крыса успеет оглянуться, он нападет и так крепко схватывает своими острыми когтями и зубами, что редко возможно спасение. Этого не переносит даже крыса, она предпочитает лучше выселиться в такое место, где она может жить спокойнее. Но у нас, слава нам, эта проблема решена, мы покончили с этим хищным животным, мешавшим спокойной жизнедеятельности нашего симбиоза.

— Я что-то ничего не понимаю, — слабея, сказал Борис. — Стало быть ты за крыс?

— Да нет, ты не понял. Просто я настоящий ученый и изложил тебе как обстоит дело в объективной реальности. Не случайно за свои научные заслуги я получил имя Алек. Это ведь первая часть Большого Имени — Александр. Это очень почетно. Мало кто из людей этого удостоился. Я не какой-нибудь там Саша, я — Алек! Старик, надеюсь, ты понимаешь, что это не пустое тщеславие?

— Не очень, — ответил Борис уклончиво, стесняясь в лицо человеку говорить, что он думает о нем плохо.

— Ну ты, старик, воще! У меня нет нигде руки, нет отца, как у Саши, я все сам, всюду сам пробился. С крысами только надо уметь ладить, и тогда с ними можно договориться. Понял? Все очень просто и, главное, достойно. Вот защиту докторскую и тогда уж окончательно займусь чистой наукой.

— А ты и ладить с крысами научился и договориться сумел? — полуиронически, но не глядя ему в глаза, смущаясь, сказал Борис — с тем чувством неловкости

за другого человека, который поступает подло, а ты стесняешься ему прямо об этом сказать, и потому говоришь с увертками, набывчившись и презирая себя за нерешительность.

— Конечно, старик, договорился. А ты как думал! И тебе того же желаю и советую. Надо, — наклонился ближе к лицу Бориса, полусшепотом уже говоря, почти общинчески, — уметь пользоваться представляющимися возможностями. А они есть. Мы просто не умеем их находить. Хочешь, я тебе протекцию тут составлю, а? Мы с тобой могли бы тут, объединившись, большие дела делать, симпатичный ты мой человек! И крысы нам мешать не будут, честное слово! Я с ними о тебе поговорю. Как или когда?.. Да просто подождем их здесь. Я ведь стою и с утра тебя стерегу, а им я скажу, что ты не только не вырывался, а, напротив, сам захотел вступить с ними в контакт и что ты и сам раскаиваешься в том, что ты — Борис. Знаешь, старик, добровольное покаяние много в наше время значит.

Борис оглянулся и с ужасом впервые за весь разговор заметил, что квартир на площадке не было и что, стало быть, неоткуда Алеку было выйти покурить на площадку и никакая мамаша его не просила ни о чем, может, и вообще-то ее нет на свете, но, самое главное, он откуда-то знает его имя, хотя Борис и не назвался. И вместо ответа он принялся выдирать свою руку из его лап с удвоенной и даже утроенной решительностью и силой, чувствуя, что пропал, попал в ловушку, что мерзавец заговаривал ему зубы, ожидая крыс, и те сейчас явятся и схватят его. Если во время разговора Борис молча отдирает лапы Алека от своей руки, делая при этом вид, что внимательно слушает, хотя и в самом деле слушал тоже, а Алек тоже делал вид, что просто беседует, но лап не разжимал, то теперь вдруг все определилось. Стало ясно, что Борис просто-напросто пленник. И навсегда потом образовалась у него недоверчивость к непонятно почему навязываемой дружеской расположенности.

— Смотри! — полуистерично крикнул вдруг неожиданно для себя самого Борис. — За нами пришли!

Алек обернулся, и в этот же момент Борис сильно ударил его коленом в пах, а потом резко рванул руку и, вырвав ее, бросился бежать вниз по ступенькам с та-

кой скоростью, что даже почувствовал сопротивление воздуха. Бежал, почти не касаясь перил. А сзади слышалось, как Алек плакал, хохотал, рыдал, взвизгивал, улюлюкал, шипел, хрипел, отставая от Бориса всего корпуса на два. Внезапно на одной из площадок Борису мелькнула щель коридора, куда он и свернул быстрым прыжком.

Алек автоматически проскочил мимо в упоении погони. Однако он мог каждую секунду развернуться, и Борис поэтому несся по коридору с белыми больничными дверями на зеленой стене, не снижая энергии. Двери были все заперты или плотно прикрыты — проверить у него не было ни времени, ни возможности — на такой-то скорости. Так он бежал, пока не заметил полуотворенной двери, заколебался, заходить ли, но услышав в начале коридора быстролетную побегушку Алека, его присвистыванье и шипенье, уже не раздумывал, а вбежал и тут же захлопнул за собой дверь. Щелкнул замок, и все звуки из коридора стали не слышны, будто коридор выключили как радиоприемник или проигрыватель. Борис тогда обернулся и увидел, к своему удивлению, что он в поле, светит солнце, вдали темнеет лес, а на опушке стоит одноэтажный домик.

Это был даже не домик, а скорее нечто среднее между избушкой и сказочным теремком. Высокие плакучие березы росли за бревенчатым забором, окружавшим, по видимости, избушку, и, крашенная охрой, она светилась в закатном солнце совершенно прянично. Борис побрел по мокрой траве в ее сторону, бормоча про себя: "Стань к лесу задом, ко мне передом". Так ему почему-то казалось необходимым говорить. Но избушка не шелохнулась даже. Бориса в общем-то не очень занимал вопрос, куда он попал. Просто что-то вело его к избушке, и привело.

Он без стука открыл дверь и вошел в сени. В сенях стояли у самого входа два ведра, грабли, лопата, топор, огромный противень, совок и нечто вроде ступки, в которой бабушка Настя толкла орехи, только много больше, так что в нее и человек мог поместиться, а

пестика не было. Свет проходил сквозь маленькое узорчатое окошко, над которым висел подростковый двухколесный велосипед. В глубине под лестницей, ведущей, видимо, на второй этаж или на чердак, стояла детская коляска, набитая всяким старым хламом — кастрюлями, облезшими эмалированными кружками, деревянными ухватами, тряпьем. Запах сушеной травы так насыщал воздух, что кружилась голова и щекотало в носу. Борис пригляделся: стены сеней оказались огромным гербарием. Пучки сушеных трав и ягод, приколотые к бревнам стены, под каждым пучком бумажка с названием, написанным печатными буквами, — Борис то приседал на корточки, то поднимался на цыпочки, читая: ЗВЕРОВОЙ, ДУШИЦА, ЧИСТОТЕЛ, ПАПОРОТНИК МУЖСКОЙ, СИНЮХА ГОЛУБАЯ, ПРОСТРЕЛ ЧЕРНЕЮЩИЙ, БУЗИНА ЧЕРНАЯ, ВОЛЧЕЯГОДНИК, ХМЕЛЬ, ЗАМАНИХА, КЛОПОГОН, ЖГУН-КОРЕНЬ, ВАСИЛИСТНИК ВОНЮЧИЙ, МАРЬИН КОРЕНЬ, КРОВОХЛЕБКА, ЗОЛОТОТЫСЯЧНИК, ЗМЕЕВИК, РОМАШКА АПТЕЧНАЯ, ГОРИЦВЕТ ВЕСЕННИЙ, МОРДОВНИК, БЕССМЕРТНИК, ЖЕЛТУШНИКИ, КРАСАВКА, БЕЗВРЕМЕННИК, ЗАЙЦЕГУБ, ВОРОБЕЙНИК, АДАМОВ КОРЕНЬ, ПЕРЕСТУПЕНЬ, ОБЛЕПИХА, ЖИВОКОСТИ, КРАПИВА, МАТЬ-И-МАЧЕХА, ПОДОРОЖНИК, ПОЛЫНЬ ГОРЬКАЯ, ПУСТЫРНИК, БЕЛЕНА, ДУРМАН, ПАСТУШЬЯ СУМКА, СУШЕНИЦА ТОПЯНАЯ, ПОЧЕЧУЙНАЯ ТРАВА, ОСТРОПЕСТРО, ПРОЛОМНИК СЕВЕРНЫЙ, КЕНДЫРЬ.

Кончив осмотр, Борис толкнул внутреннюю дверь и очутился на кухне. Спинай к нему стояла длинная тощая женщина в черном платье и черном платке. Наклонившись, она чистила столовый остроконечный нож, втыкая его в щель между досками, из чего Борис умозаключил, что фундамент у дома земляной и доски пола лежат прямо на земле. Вытащив нож из земли, женщина долго рассматривала его, то поднося к самому лицу, то отставляя на расстояние вытянутой руки. Потом снова склонилась и, резко дергая острыми, вылезавшими из дырок платья локтями, еще несколько раз воткнула его в землю.

Кухня была совсем черной, закопченной, газовой плиты не было, но шумела печка, пыхала жаром, око-

ло нее лежали березовые чурки и мелко наломанные ветки и сучья. Почистив нож, женщина положила его на железной поддон у печки, открыла с трудом дверцу и сунула в докрасна раскаленное отверстие пару чурок и сучковатые обломки веток, снова прикрыла и заперла тяжелую чугунную печную дверцу, распрямилась, повернулась и увидела Бориса.

Борис тоже увидел ее сморщенное клыкастое лицо, выступающие челюсти, обтянутые сухой серой кожей, которая, казалось, если по ней провести рукой, должна шуршать, как высохшая бумага, белые лохмы, выбивавшиеся из-под черного платка, и сразу узнал в ней "старуху из магазина", как они называли ее с бабушкой Настей. Он вспомнил, как года два или три назад они — он и бабушка — зашли под вечер в полупустой уже магазин. Дальше воспоминание рисовало такую картину. Продавщица в белом халате кричит через весь зал кассирше:

— Клава! Последняя пачка халвы осталась!

У кассы перед ними всего два человека.

— Возьмем, Борюшка, — говорит бабушка Настя, — халвы к чаю. И котлет десяток. Вот и ужин будет. Вы не за халвой стоите, товарищи? — обращается она к впереди стоящим. И, получив отрицательный ответ, тихо радуется.

В этот момент старуха в черном пальто и черном платке, из-под которого выбиваются белые лохмы, стоявшая доселе у входа, опираясь на посох, и слышавшая крик продавщицы и разговор бабушки Насти, спешит, припадая на одну ногу (а от удара этой ноги об пол раздается глухой стук, как от деревяшки) прямо к кассе, доставая на ходу из потертой сумки кожаный кошелечек, вскидывая на очередь бегающие, шныряющие, моргающие глазки. Секунда — и она уже у кассы; пока бабушка как всегда возится со своим кошельком, она сует руку с деньгами в окошечко и, хихикая, произносит:

— Мне добить только, три сорок, тут без сдачи, — и называет кассирше кондитерский отдел.

Кассирша протягивает ей чек, и она быстренько топ-топ к прилавку. Наконец и бабушка кладет на привинченную пластмассовую тарелочку деньги, говоря:

— Посчитайте за десяток котлет и в кондитерский пачку халвы.

Но уже продавщица снова кричит через весь зал:

— За халву больше не выбивай! Вся!..

Торжествующая старушонка с клюкой торопится мимо них к выходу с выхваченной из-под носа халвой, и бабушка Настя, забыв свою сдержанность, говорит ей громко, презрительно поджимая губы, что так не идет ее мягким расплывшимся чертам лица:

— Как же вам не стыдно так поступать!?

Старуха с клюкой, хромавшая к двери, поворачивает голову, глазки блестят, седые космы выбиваются из-под платка:

— Нисколечко не стыдно! Вот нисколечко! — и объясняет доверительно и по-детски: — Очень сладенького захотелось.

И дверь за ней захлопывается, а Борис с бабушкой чувствуют себя обиженными и сердитыми от бессилия что-либо изменить. И в случае каких-либо неприятностей бабушка с тех пор всегда поминала "старуху из магазина".

Это как раз и была она, с набрякшими глазами, подленькой улыбочкой на узеньких губах и обтянутыми бумажной кожей скулами. Она, видимо, тоже узнала его, потому что вдруг захихикала навстречу ему:

— Очень сладенького тогда захотелось. Очень.

Говоря, она так изгибала спину, что смотрела на Бориса как бы снизу вверх.

— Ну что ж ты стал, мой славенький? Проходи, голубок, я тебя чаем напою. Да и не бойся меня, миленький, — и она указала на дверь за спиной Бориса. — Дерни за ручечку-то — дверь и откроется, а откроется, входи смелее. А я самоварчик пока соображу, вареньица достану.

Очень она походила на Бабу Ягу из сказок, которые в детстве читала ему бабушка Настя (важно, как о чем-то и вправду происходившем в реальности, только весьма-весьма давно, в стародавние, можно сказать, времена): про Ивана-царевича и Серого волка, про Ивашечку, про гусей-лебедей, как Баба Яга встречала героя, доброго молодца, и тот должен был быть с ней порешительнее и погрубее, тогда она и помочь могла,

а если слабость проявлял, то могла и напакостить, а то и вовсе погубить. Но говорить грубо и решительно с пожилыми людьми Борис не умел, да и была ли эта старуха и в самом деле Бабой Ягой, ведь ему могло и почудиться, если вообще Баба Яга существует на свете.

Поэтому он молча дернул за ручку и, смущаясь, робко, как всегда входил в незнакомые дома, вошел в комнату. Комната была просторная, хотя и очень низкая, огромная печь с лежанкой была и в комнате, по бревенчатым стенам, кое-где обитым досками, висели сушеные куриные лапки и головы, опять же разнообразные травы, березовые веники, а в том месте, где у бабушки Насти висела лампадка, жил паук величиной с человеческий кулак, такой большой, что Борис различил его блестящие злые глаза, вылезавшие на стебельках из глазниц и оглядывающие, как бы даже ощупывающие вошедшего. Паутина шла под самым потолком и нависала над кроватью, по видимости ужасно мягкой, перинной. В окно Борис углядел поляну, стог скошенного сена, сарай, покосившуюся баньку и деревянный колодец. За банькой и колодцем снова начинались деревья, то березка, то осина, переходившие постепенно в темнеющий невдалеке лес. И не видно было, ограждает ли забор старухин участок со стороны леса, или лес и участок взаимосвязаны?..

В комнату, стуча об пол деревянной ногой, проковыляла старуха, держа под мышкой клюку, а в руках кипящий самовар.

— Ф-фу, сколько человеческого духу в комнату напустил! За месяц не выветрится, — шамкала старуха, а нос ее при каждом слове почти доставал до подбородка, а левый глаз произвольно подмаргивал. Смотреть на нее было страшновато, невольно хотелось отвести глаза в сторону, как и от Алека. Но если Алека он стеснялся, стыдясь за его фальшивую интонацию, то старухи побаивался.

— Садись, садись за стол. Вот только мебель у меня полированная, так ты не повреди ее, смотри, — Борис и впрямь тут заметил, что стол и стулья сверкают и блестят будто только что из магазина, а старуха продолжала: — Сейчас чай пить будем, из расписных чаше-

чек, кузнецовского, доложу я тебе, фарфора. Да ты не бойся меня, зла я тебе не причиню. До того ли мне теперь? За десять-то сот лет состарилась, изболелась вся, так, по мелочи только и пакостишь, — прибавила она в пояснение.

Придвинув к Борису красную сахарницу, она принялась разливать чай, раскладывая варенье в зеленые, а мед в желтые розетки, сухари высыпав в специальную сухарницу.

— Пей чаек, голубчик, пей, сухарик медком намазывай. Жаль, мясного у меня нет. И внучка по магазинам пошла, да куда-то запропастилась. Да мы и сами можем посмотреть, вдруг в духовке что осталось. Ты в духовку-то глянь, ты ведь поживчее, половчее меня, молодой еще. Не хочешь? Правильно. А то бы я тебя туда и втолкнула бы и в духовочке бы испекла, как когда-то Ивашечку хотела испечь. Не могу от пакостей удержаться. А ведь плохо это, а по отношению к тебе, голубок, особенно плохо. На тебе для меня заклятье лежит. Кого я раз обманула, так уж второй раз не трогать. Но ничего, я придумаю, как заклять-то это обойти, уж я постараюсь, — речь ее лилась плавно и интонации были добродушные, словно и слова были добрые, а не страшные. И так непосредственно и наивно выговаривала она все, что думала, будто и не знала, что на свете есть и добро.

Перебарывая усыпляющую интонацию ее речи, Борис напрягся и приказал себе вслушиваться в смысл ее слов и подумал, что усыпить себя не даст, все время будет настороже. Но вся трудность была для него в том, что, несмотря на страх, старухе хотелось довериться, уже хотя бы потому, что она была и раньше, она и теперь связывает его с прежним миром, придает его бытию какую-то плотность. Он пил чай с медом, чувствуя как жар от горячего бежит по телу, да и мед разогревает его. Стало так жарко, что пот заструился у него по лицу.

— Давай в загадки играть, — предложила вдруг как бы между прочим после некоторого молчаливого сопения над чаем и сладостями старуха, блестя глазами и выкатывая их из орбит, как паук.

— А как это? — осторожно спросил Борис.

— Да ты что, вправду не знаешь? Ну, один зага-

дывает, другой отгадывает. Если я загадаю, а ты хоть один раз не отгадаешь — моя взяла, а если все отгадаешь — твоя. Вот я тебе к примеру скажу одну и посмотрим, голубчик ты мой сахарный, на что ты способен. Вот ушко-то наставь ко мне, — и заговорила речитативом. — Выходила турица из-под каменной горницы, спрашивала: — Кукарей, кукарей, где твой косарей? — Мой косарей пошел в пещеру пещеровать, ваших детей воевать. — Ох, горе горевать, куда малых детей девать? Лучше в сыру землю закопать.

Старуха замолчала и, примаргивая левым глазом, выжидающе поглядела на Бориса. Он пожал плечами, но вслух ничего не сказал.

— Боишься? — хихикнула старуха. — Правильно. Потому что тебе ни в жисть не догадаться до всех моих хитростей. Потому что, по правде говоря, нечестную задачку я тебе задала.

— А разгадка-то у нее есть? — разлепил губы Борис.

— Конечно, а ты как думал. Крыса, петух и кот. Только это не загадка, а Предупредительное Заклинание против Котов, вот в чем дело. Не имею я права тебе их загадывать. Лучше уж ты мне чего загадай. Я все равно все отгадаю. Против моей хитрости и ума разве только внучка и устоит. Давай, давай. Если я хоть одну не отгадаю, я любое, сладенький ты мой, твое желание исполню. А уж коли все отгадаю, то не прогневайся, тогда ты меня удовлетворить будешь, — и она снова захихикала, причмокнув губами.

— А ты не боишься, что я потребую от тебя чего-нибудь невыполнимого? — сказал, стараясь казаться суровее, Борис.

— Не-а. Где тебе! У тебя и хитрости такой нет. Я тебя, голубочек, беспременно обштопаю. А и проиграю — не беда. Какие такие у тебя могут быть желания — либо домой попасть, либо путь в Деревяшку узнать. Ан ты и сам не знаешь, чего больше хочешь.

— А ты откуда про Деревяшку знаешь? — схватился Борис.

— Кто ж не знает, где Коты собираются! Только зря надеешься! Не Настоящие они. Ничем тебе, сладень-

кий, не помогут. И ни к какому такому Мудрецу тебя не проведут.

Стараясь не подать виду, что старуха и вправду угадывает слишком много, Борис спросил, держась экзальтированно-нейтрального тона:

— Да, ведь говорят, что котов у вас всех выловили... Непонятно только почему. Это действительно странно.

— Ишь, вкусенький мой, чего узнать захотел! А потому их ловят, что у нас не то, что у вас. Там у вас, я знаю, крысы тоже хотели бы с человеком договориться, устроить мир и лад, да где там! Горды вы больно! Все сами да сами, цари природы, мол. Мне жаловался один крыс, что не исчислить всех выдумок хитрых, какими крысиное племя люди избыть замышляют. Вот в каких словах он мне жаловался, послушай, прислушайся, миленький, к слезам и стонам, ты же добренький. Вот, например, человек, это мне крыс говорил, домик затеял построить, два входа, широкий и узкий. Узкий заделан решеткой, широкий с подъемной дверью. Домик он этот поставил у самого входа в подполье. Нам же сдуру, крыс говорил, — медоточиво плела свой рассказ старуха, подперевши голову правой рукой и помаргивая левым глазом, и при каждом слове нос ее то отъезжал от подбородка, то почти впивался в него, — сдуру на мысли взбрело, что, поладить с нами желая, для нас учредил он гостиницу. Жирный кус ветчины там висел и манил нас; вот целый десяток Смелых Охотников вызвались в домик забраться, без платы в нем отобедать и верные вести принести нам. Входят они, но только что начали дружно висячий кус ветчины тормошить, как подъемная дверь с превеликим стуком упала и всех их захлопнула. Тут поразило, крыс говорил, страшное зрелище нас: увидели мы, как злодеи наших героев таскали за хвост и в воду бросали. Все они пали жертвой его беспримерной злобищи.

Борис мгновенно и очень отчетливо вспомнил, как дед Антон выносил из подпола крысу, держа ее за хвост и удовлетворенно урча себе под нос. И невольно усмехнулся.

— Напрасно смеешься, — снова заговорила пристально следившая за ним старуха, обволакивая его

своей сладкой напевной речью, как паутиной. — Двухногий губитель, крыс говорил, наготовил множество вкусных для нас пирожков и расклат их, словно как добрый, по всем закоулкам. Народ наш очень доверчив, мы лакомки; бросилась жадно вся молодежь на добычу. Но что же случилось? Об этом, крыс говорил, вспомнить — мороз подирает по коже! Открылся в подполье мор: отравой злодей угостил нас. Как будто шальные с пиру пришли удалцы: глаза навывкат, разинув рты, умирая от жажды, взад и вперед по подполью бегали с писком они, родных, друзей и знакомых, плача крыс говорил, боле не зная в лицо; наконец, утомясь, обессилив, все попадали мертвые лапками вверх; запустила целая область от этой беды. От ужасного смрада трупов ушли мы в другое подполье, и край наш родимый, крыс горевал, надолго был обескрысен.

Борис чувствовал, что эта плачевная речь, эти гекзаметры заволакивают, запутывают его. Надо было встрахнуться и прорваться сквозь липкую вязь слов.

— Не понимаю, при чем здесь коты, — сказал он нарочито грубо и громко, прерывая старуху. Чтобы себя разбудить.

— При чем, при чем!.. — недовольно повторила старуха. — А при том. Страшнее кошки зверя нет. Кошачий род издавна враждует с крысиным. Сколько раз, объединившись с мышами, крысы ходили кота хоронить! И чем все кончалось? Гибли безвременно все храбрецы от коварных когтей, — старуха помолчала и вдруг уже не напевно, а прямо, уставившись Борису в глаза и примаргивая левым веком, спросила: — И тебе их не жалко? Я говорю о крысах.

Но Борису почему-то не было жалко крыс, и он отрицательно покачал головой. Его щеки коснулась липкая нить паутины. Борис стяхнул ее, глянул вверх и увидел, что паук доткал новую нить до середины потолка и сидел как раз у него над головой. Внезапно за окном стемнело. Борис ощутил усталость во всем теле: все-таки он порядочно побегал за этот день. Да и горячий чай с медом тоже расслаблял. Старуха поднялась, поставила на стол подсвечник с тремя свечами, зажгла их. Тени и отсветы огня заплясали по стенам и по потолку.

— Ну давай в загадки играть, — облизнув губы, сказала старуха. — Ты говори, а я отгадывать буду.

Она опять уселась прямо напротив Бориса. Борис напрягся.

— Без окон, без дверей —

Полна горница людей, — не нашелся он ничего лучшего сказать.

— Ох!.. Ох!.. Ты что же, старуху за дурочку считаешь? Огурец это. Если лучше не припомнишь, тогда сразу сдавайся.

Паук, сопровождаемый своей огромной тенью, бегал под потолком. Борис глядел на розетку с желтым медом, потом закрыл глаза, вспоминая. Припомнилась только детская книжка с картинкой радуги на обложке, которую ему когда-то давно читала бабушка Настя. Но понадеялся, что детских книжек старуха не знает, и, с трудом восстанавливая в памяти слова, произнес:

Не человеческими руками
Жемчужный разноцветный мост
Из вод построен над водами.
Чудесный вид, огромный рост!
Раскинув паруса шумящи,
Не раз корабль под ним проплыл;
Но на хребет его блестящий
Еще никто не восходил.
Идешь к нему — он прочь стремится
И в то же время недвижим;
С своим потоком он родится
И вместе исчезает с ним.

— Ах ты мой сладенький! — заворковала старуха, перегибаясь к нему через стол и буравя своими глазами (и даже паук на паутинке спустился пониже). — Как мне, старушке, приятно-то было стихи Василь Андреича послушать. Но знай, мой вкусенький, что я его стихов поболее твоего знаю. Про радугу он тут написал, про радугу. Ну давай теперь третью, только подумай хорошенько, а я пойду пока противень приготовлю — вдруг пригодится!

И, ухватив под мышку клюку, она застучала деревянной ногой к выходу из комнаты и вышла, хлопнув дверью. Борис подошел и толкнул дверь — дверь

не поддавалась, очевидно, была заперта с той стороны. Старуха взялась за дело всерьез. От бессильного страха он весь обмяк. Едва дотащился до своего стула и сел. "Что она со мной сделает?" Мысль о сопротивлении почему-то даже не пришла ему в голову, словно он был очарован злыми чарами. Он тщетно пытался припомнить еще хоть одну загадку — ничего не получалось. А старуха в любой момент могла вернуться. "Два кольца, два конца, а посередине гвоздик... Наверняка знает. Без окон, без дверей... Уже было. Еду, еду, следу нету... Догадается. Если уж про радугу догадалась... Но как же она посмеет что-нибудь сделать со мной, с человеком, с Борисом! С Борисом! Она же наверняка не знает, что я Борис, она же меня ни разу по имени не назвала! Если б знала, не посмела бы!" Дверь отворилась, и вошла старуха.

— Ну что, сахарный мой, вспомнил которую-нибудь?

— А ты знаешь, кто я? — ответил он вопросом на вопрос, замирая от страха и неуверенности, но суровым тоном.

— Это нечестная загадка! — воскликнула вдруг старуха, уронив клюку; лицо ее вытянулось так, что впади щеки. — Откуда я могу догадаться, кто ты. Ты и сам не знаешь, небось, — затараторила она. — Сегодня ты умный, а завтра дурак, может, ты будешь героем, а может, подлецом. Откуда мне знать? Ты сам сначала в себе разберись, а потом такие загадки загадывай!

Удивленный сначала ее досадой, Борис не сразу сообразил, что она приняла его вопрос за загадку, но, сообразив, ответил важно и рассудительно, с удовольствием видя, что паук собирает свою паутину и отползает в свой угол:

— Во-первых, в условиях не входило, чтобы я сам знал разгадку, но, во-вторых, можешь успокоиться, я знаю ответ.

— Ну и кто? — спросила старуха, присев, наконец, на стул.

— Кто? Я?

— Конечно, ты. Не я же! Про себя я все знаю и сказать могу. А вот ты-то что мне скажешь?

— Борис.

— Что Борис?

— Я — Борис.

— Ишь ты! Борис! Имячко-то твое я и без тебя знала! — злобилась старуха оттого, что не отгадала, что так быстро сдалась, переспросив у Бориса отгадку. — А может, ты — Ненастоящий Борис. Коты вот у нас тоже встречаются, да только никто их не ловит уже. Потому что они Настоящие! Не настоящие, хотя самые что ни на есть заслуженные. В ката и леший, и домовый, и любая молоденькая ведьмочка обратиться может. В черных, пушистых, красивых, без единого белого пятнышка. Не то что эти Настоящие, вечно то на лапе, то на морде, то на груди, а белизна ан и проступит, скверные они, сладу с ними не было. Борис! Чем удивил! Да настоящий ли! Что же крысы-то тебя, голубчика, не тронули? А? — старуха закрыла рот, посмотрела на оторопелое лицо Бориса и вдруг рассмеялась. — Ладно. Борис так Борис. Это я просто злюсь, что не удалось тебя обштопать, как мне хотелось. Сластолюбка я и эгоистка. Да только с крысами не сравнюсь. В их тени и мои злодеяния никто не заметит. Вот только не везет мне последнее время. Да и затирают, забывают меня, старую. Коттеджик вон, избушку выделили, вроде как дачу. Сиди, старуха, на заслуженном отдыхе. Будто я уже не нужна, будто и не могу ничего, будто это не я кошкой оборачивалась и все кошачьи тайны выведывала, а теперь как приживалка живу. А я еще кошкой могу быть почище любого настоящего, — она неожиданно привстала, уперлась руками в стол, голову повернула вбок, в угол, глядя на паука, и забормотала словно молитву: — Четыре четверки, две растопырки, один вертун да два яхонта. Кто это? Угадал не угадал, а это кошка!

Ударил огонь вокруг старухи яркой вспышкой, дымок окутал ее, и вдруг на стуле сквозь дым проступили черты черного огромного котины с блестящими глазами, лапы со стальными когтями постукивали по столу, и размером была эта кошка почти с Бориса.

— Ну что? — послышался старушечий голос. — Ловко?

Борис оглушенно смотрел на нее, не в состоянии

понять, сон это? явь? сказка? бред? быть? реальность? Как захотелось вдруг увидеть понимающую усмешку отца, который обнял бы его за плечи и сразу бы все разъяснил: и старуху, и Алека, и бег по лестницам — и как себя вести, что делать, тоже подсказал бы. Но отец прекратил с ним всякое дружеское общение. А раз так, то и ладно. Сам до всего дойду и все сделаю. И ему докажу, что я не хуже его. Только бы понять, куда он попал и что тут происходит!..

Он очнулся от обидчивых раздумий, а перед ним вместо кошки уже снова сидела старуха и разглагольствовала:

— Только по лапам и по грудке и можно их отличить. У Настоящих, у скверных то есть, они белые. А всяких там серых, рыжих и прочую дымчатую пакость давно уже повыловили. Эти, Настоящие-то, прячутся, красятся, перчатки надевают... Одна я знаю, как их опознать! Но я крысам этого никогда не скажу, пока случай к тому не представится. Они и не догадываются, что я еще им весьма пригожусь! А всего-то, голубок, делов сказать присловье: под полом, под полом ходит барыня с колом. И все лешие и лешачихи в себя обратно обратятся, а коты котами и останутся. Тут-то их, сладенький мой, и разгадают. Уж тогда-то я себе награду побольше потребую.

— Скажите, пожалуйста, — не очень вслушиваясь в ее слова, сказал Борис, стараясь быть вежливым, — я что-то ничего не понимаю. Это все мне снится или взаправду? Если взаправду, то куда я тогда попал?

— Куда-куда! За Кудыкину гору. Вот куда! Тоже мне... Снится!.. Это все другое сон. А тут она самая всамделишная, настоящая правда и есть. И другой нет. Никуда ты, может, и не попадал вовсе! Может, ты болел раньше и в этой, в летаргии был. А теперь как раз проснулся. И все, голубок. Понял? Это наша-то жизнь — сон! Скажет тоже!

— Но ведь я же вас видел, тогда, в магазине, помните? Вы и сами вначале признались в этом!..

— Видел! видел! Призналась! призналась! Что ты видел? Ну соврала я сейчас малость. Но ты помни одно: пока ты здесь, то так и думай, что живешь здесь.

А то замечтаешься, завоображаешь, и не в жисть не выживешь. От расстройства нервной системы мигом загнешься.

Старуха нахмурилась. Злобность изобразилась на ее лице.

— Мало, где я ни бывала! Ты и местов таких не знаешь, о каких вопрошаешь. Не всякую сказку сказывают, не всякую правду говорят... Подумаешь, сладенького его лишили!.. Захочу — всех объем! Где я лисой пробегу, там куры три года не несутся. Знаешь такую присказку? Так это про меня. А то видел, де, как сладенького старушка купила!.. Ну ладно, чего там рассусоливать!.. Выиграл, так говори свое желание.

Борис молчал, потому что и не знал, что сказать, да и вообще ничего не знал, не понимал, и голова у него кружилась. Он перестал пить чай, сидел, тоскливо глядя на старуху, и ничего не говорил, а куриные головы на стенах в чадном свете свечей казались ему дикарскими трофеями: так каннибалы, он сам читал об этом, развешивают в своих жилищах высушенные головы врагов. А старуха смотрела на него презрительно, чай из блюдечка прихлебывала громко и громко грызла кусковой рафинадный сахар, пригорошнями таская его из сахарницы, насыпая горкой около своей чашки и время от времени макая кусок в горячий чай. Она чавкала, хлюпала и поблескивала глазами на Бориса. И все явственнее он видел, как на ее лице насмешливость начинает преобладать над злобностью. И паук из своего угла тоже выкатил на него свои сверкающие глазки на ниточках и, казалось, тоже ждал его ответа. А Борис никак не мог ни на что решиться. Если бы кто ему подсказал, что делать!.. Конечно, хотелось домой, к бабушке Насте, но при этом он вроде бы и Саше обещал прийти в Деревяшку.

— Ну? — повторила свой вопрос старуха. — Говори, голубок.

— Куда же мне идти? — спросил несчастный Борис. — Я сам не знаю, чего я хочу.

— Ха-ха! — хихикнула старуха. — Хе-хе. Хочу того — не знаю, чего. Хочу туда — не знаю, куда. Впрочем, решай. Хочешь ли ты здесь остаться и до Деревяшки

добраться? Или боишься здесь пропасть и хочешь до-
мой попасть?

Она прищурилась на Бориса. А он почувствовал вдруг непреодолимую зевоту и такую усталость в голове, что ни одно волевое усилие сделать не мог и решить ничего не мог тоже. "Поспать бы. Утром на свежую голову разберусь, что делать".

— Вижу, вижу, — снова хихикнула старуха, — решить не можешь. Думаешь, утро вечера мудренее. Твое дело, голубчик. Ты поел, попил. Сейчас баньку истоплю, помоешься, и спать тебя уложу на пуховую перину. Вот сюда, под одеяльце, — она указала на мягкую постель. — А утром, может, чего и придумаешь.

— Нет, нет, — с тревогой сказал Борис. — Я не хочу вас стеснять. Лучше где-нибудь еще постелите...

— Боишься меня, — улыбнулась самодовольно старуха, так что уголки рта достали до ушей, а нос уперся в подбородок. — Может, ты и прав, сладенький. Пакостей у меня в запасе еще много. Тогда в горницу к внучке-красотке. Знаешь, она у меня какая красотулечка? Ух! Ни в сказке сказать, ни пером описать. Вся в меня. Чего смотришь? Не веришь? Я в молодости многих с ума молодцов-то вроде тебя посводила. Огневая была, горячая. А про внучку мою даже стихи один сложил, давно, правда, лет двести назад, но все правильно описал. Вот послушай.

Старуха закатила глаза к потолку и, подвывая, прочла:

В жилках рук ее пуховых,
Как эфир, струится кровь;
Между роз, зубов перловых,
Усмехается любовь.

Родилась она в сорочке
Самой счастливой порой,
Ни в полудни, ни в полночке —
Алой, утренней зарей.

Кочет хлопал на насесте
Крыльями, крича сто раз,
Северной звезды на свете
Нет прекрасней, как у нас.

Старуха закончила чтение стихов и выжидала реакции на них. Но Борис, принужденно улыбаясь, поглядел на уродливо-страшное лицо старухи и, слотнув слюну, неопределенно покачал головой.

— Чего ее-то боишься? — грубовато сказала старуха. — Согреет она тебя, приласкает, полюбит. Она добрая на это.

Нельзя сказать, чтоб Борис не хотел влюбиться, не хотел любви, напротив, его душа уже давно ждала кого-нибудь. Но грубая простота старухи не привлекала, а отпугивала. Она напоминала Борису простоту хулиганов, тоже запросто говоривших о таких вещах. И казалось — хотят в грязь какую-то затянуть, из которой не выплывешь потом. А он мечтал о том, что он называл подлинной любовью, о любви-вдохновительнице, чтоб подвигла она его на великие дела и сама разделила его жизненную борьбу.

— Да я лучше где на сеновале посплю, чтоб никого не беспокоить, — сказал он робко.

— Твое дело, — отрезала старуха и неожиданно резким движением руки хапнула муху, присевшую на край стола недалеко от розетки с медом. Зажав ее в кулаке и слегка придавив, старуха затем приоткрыла кулак, вытащила муху, оборвала ей крылышки, поднялась и заковыляла в угол к пауку, бросила ему муху в паутину и, совершив это жертвоприношение, вернулась к столу. — Твое дело, — повторила она. — Тогда и баньку тебе топить не буду. На сеновале, в трухе, и так поспишь. Выйдешь отсюда, от крыльца повернешь налево, да так по тропке и иди, как раз в сарай упрешься. Да смотри не сворачивай, а то не дойдешь, и утром мне и поговорить не с кем будет. Да вот свет возьми, а то темно там, да не свечку, спалишь там мне все свечкой-то. Фонарик электрический тебе жертвую, импортный, на трех батарейках. Но их ты тоже попусти не жги. Увидел, что надо, разделся, улеся, тут огонь сразу и погаси. А к утру, может, и я, старушка, придумаю, что с тобой делать.

И Борис пошел. На сеновале тем не менее была расстелена постель: подстилка, на ней белая простыня, серого цвета наволочка, набитая сеном, и зеленое шерстяное солдатское одеяло, тонкое, выносившееся, и не в пододеяльнике, а с простыней. Все было расчи-

тано на полный уютный отдых. Было тепло и пахло сеном. Борис разделся и с наслаждением лег на прохладную простыню, чувствуя под собой упругую плотность сена. Сквозь наволочку слегка кололись травинки. Над головой толстые деревянные балки сарая. Он выключил фонарик, и в темноте слышались шорохи, шопоты, но невнятные и нестрашные.

"Проснуться бы и чтоб ничего как будто не было и я снова дома", — подумал, засыпая, Борис.

Борис проснулся от жара в теле — ноги вспотели до самых бедер, а спина холодела: видно, пот был, но теперь высыхал, испарялся. Он открыл глаза. Над головой вместо толстых деревянных балок сарая знакомый побеленный потолок, электропроводка, поднимающаяся от выключателя и бегущая по потолку к самой его середине, к висящей над столом лампе под красным абажуром. Около него сидел незнакомый ему врач-мужчина в белом халате и в старомодном пенсне, но молодой, круглолицый и гладковыбритый. Он что-то говорил. У изголовья постели стояла бабушка Настя и слушала, шевеля в ответ губами, не то повторяя слова врача, не то возражая ему. Где-то вдали на кровати сидел дед Антон в синей нижней рубашке, и белые помочи от брюк, пересекавшие ее крест-накрест, были отчетливо видны.

Борис прислушался, но ничего кроме глухого гула не услышал: заложило уши. Он терпеливо принял ждать, пока уши отложит, не пугаясь, не нервничая. Напротив, лежал, думал, вспоминал. "Вот и наступил другой день, наступило завтра, и я вырвался из бреда, и, слава Богу, снова в привычном мире, и вовсе я не обманул и не подвел Сашу, обстоятельства, судьба решили все за меня, я же сказал старухе, чтобы она помогла мне вернуться домой, все как бы само вернулось, само собой наступило завтра". Слово "завтра" было для него неким символом, означавшим перемену в жизни. Он лежал и вспоминал, как, будучи трех лет от роду, он тоже болел, болел скарлатиной, лежал в больнице в отдельном боксе и к нему пускали только маму. И он каждый день просился у нее домой, особен-

но настойчиво, когда начал выздоравливать, но вставать ему было еще нельзя, и мама уговаривала его потерпеть, каждый раз обещая, что заберет его завтра. Но вот наступало "завтра", которого он с нетерпением ждал, а мама говорила, что он путает, какое же "завтра", когда сегодня — "сегодня". Действительно, было "сегодня", и он все не мог сделать так, чтобы на следующий день "завтра" осталось бы "завтра", не превращаясь в "сегодня". Тогда он решил, что "сегодня" — всегда, а "завтра" и вообще никогда не наступает и что-то, что он хочет сделать завтра, надо делать сегодня. И стал требовать: заведи меня сегодня. Но мама не соглашалась, потому что врач, по ее словам, разрешал выписать его только "завтра". И с тех пор, хотя одним утром "завтра" и наступило, он относился к этому слову с недоверием, потому что оно, как правило, оказывалось новым "сегодня", и жить опять приходилось трудно, снова были сегодняшние обязанности, а завтрашние чудеса не наступали. Хотя каждый раз, втайне даже от самого себя, он надеялся, что завтра что-нибудь чудесное и неожиданное случится. Однако утром уже знал, что сегодня — "сегодня". Но этим утром, как он видел и чувствовал, "завтра" наступило. И будто не было ни бега по лестницам, ни Саши, ни Алека, ни Старухи. Но вот, что удивляло его: он словно и не был этому рад, ему все чего-то было стыдно, как будто он откуда-то сбежал и предал кого-то.

Чтобы отвлечься от неприятных мыслей, он постарался вслушаться в разговор, правда, без особой надежды на удачу. Но неожиданно слова прорвали заслон в его ушах, и он начал слышать. Говорил врач:

— Н-да, уважаемая, могу только повторить, что внук ваш в тяжелом состоянии. Не хочу вас пугать, но состояние это между жизнью и смертью. Уколы антибиотиков я ему, конечно, назначу, сестра будет приходить делать, но в больницу класть не имеет сейчас смысла. Лучше его лишний раз не тревожить, не трогать. Организм молодой, сам поборется. Будем надеяться, что справится. Все зависит от него самого, от его внутренних ресурсов.

Бабушка выглядела осунувшейся и испуганной.

— Вроде я и потеплее Борюшку всегда одевала, кутала, как надо, — говорила она. — Что случилось

и ума не приложу. Не ест ничего, больному все горько.

— Кто ж спорит, — прервал бабушку человек в белом халате. — Как в народе говорят, больному и киселя в рот не вотрешь. Но вы не расстраивайтесь. Он должен сам бороться со своим недугом. Вот на Западе теперь болезнь голодом лечат. Организм не растрчивает своих сил на переваривание пищи, а все их сосредоточивает на борьбе с заразой.

— Да где ж их, сил-то, без еды взять, — возразила бабушка. — Кухать надо. Это болезнь его до еды не допускает. Порчу на него навели, я думаю. Я уж молюсь заступнице, чтоб порчу отвела. Да не помогает пока.

— А как? — удивился и с любопытством этнографа спросил врач. — Как вы порчу отводите? Разве вы в Бога верите?

— Да верить-то и я не верю, — смутилась бабушка. — А помолишься, вроде легче станет. И мне, и Борюшке. Да и не Богу я молюсь, а заступнице, святой матушке Прасковье. Лампадку зажжешь и пошепчешь перед сном, — простодушно выкладывалась бабушка Настя. И зашептала скороговоркой, показывая, что обычно она говорит: — Святая матушка Прасковья, прильни к Борюшкину изголовью, помоги рабу Божию без скорби жатву покончить: будь ему заступница от колдуна и колдуницы, еретика и еретицы, девки самокрутки и бабки ежки, от всякой злой напасти.

— Н-да, — сказал доктор, поглядев сквозь очки на бабушку, потом развернулся вместе со стулом к столу и стал выписывать рецепты, причем круглое и доброе лицо его морщилось и кривилось. — Н-да. Не думаю, чтоб это его спасло. Все от него самого зависит. Иногда — медицине такие случаи известны — в ребенке происходит таким образом взросление души, которое проявляется через болезнь. Впрочем, я не невропатолог и точно вам сказать об этом и определить болезнь не могу. Но если я прав, то лекарства тут малодейственны. Мы можем только помогать ему по мере сил заботливым уходом. Больше ничего мы для него сделать не сможем.

Он поднялся, и вот его гулкий голос доносится уже от входа:

— Будем надеяться на его собственные силы.

Хлопнула дверь. Бабушка вернулась к постели, села на стул, где сидел до нее врач. Слез с кровати и приблизился молчавший до той поры дед Антон. Бабушка Настя смотрела на него так, будто он во всем был виноват, и крутила пальцами нервно и гневно пуговицу своей серой теплой кофточки. Дед робко и с тревогой поглядывал на нее, потом перевел глаза на Бориса.

— Мать! Смотри! Он смотрит! — от неожиданности он даже выкрикнул эти слова и дернул бабушку за рукав.

Бабушка сразу забыла про деда и склонилась к Борису:

— Борюшка, сынок, как ты себя чувствуешь?

Но Борис настолько сознавал себя ослабевшим, что даже и не пытался вызвать в гортани голос и пошевелить языком, все равно сил бы не хватило. Поэтому он просто лежал, глядел и слушал.

— Сынок, ты меня слышишь?

Борис моргнул обоими глазами, показывая, что слышит.

— Давай, дед, помоги, — сказала бабушка, вставая. — Надо Борюшку повернуть и перестелить, пока он проснулся, а то он весь мокрый, какмышь.

Борис закрыл глаза, с удовольствием чувствуя, как его переворачивают, вытаскивают из-под него мокрые от пота простыни, меняют пододеяльник — сухое и прохладное белье приносило облегчение. Прodelывая все это, бабушка приговаривала:

— Все ты, дед, виноват, не смог крыс вовремя извести, вот они на Борюшку заразу и навели. Заразили невесть чем. Слышал, как он про крыс да котов все бредит. Надо тебе теперь крысу живьем поймать и крысиной кровью Борюшке виски помазать. Ну как, сынок, на сухом легче стало? Хочешь поесть? Я тебе яичко всмятку с маслицем сделаю, а туда хлебушка накрошу.

Бабушка ушла и минут через десять вернулась с глубоким блюдцем, в котором была приготовлена обещанная еда. Подложив еще пару подушек, она приподняла Бориса:

— Давай поешь. Хочешь, я тебя с ложечки покормлю? Ну вот и молодец. Ешь, ешь. Это полезно. Мы, старые люди, говорим, что от еды вся сила, а что в рот

полезло, то и полезно. Кушай, милый. Ну, умник, все съел. Теперь ложись, а я тебе почитаю. Что хочешь? Хочешь "Руслана" дальше? От стихов ведь вреда никакого, только успокоишься получше.

И, не дожидаясь его согласия, бабушка Настя раскрыла огромный толстый однотомник Пушкина и принялась читать, видно, с того места, до которого она добралась, пока ей казалось, что Борис ее слушал, хотя сам он тут же сообразил, что пропустил в бреду довольно много.

Но день багряный вечерел;
Напрасно витязь пред собою
В туманы дальние смотрел:
Все было пусто над рекою.
Зари последний луч горел
Над ярко позлащенным бором.
Наш витязь мимо черных скал
Тихонько проезжал и взором
Ночлега меж дерев искал.
Он на долину выезжает
И видит: замок на скалах
Зубчаты стены возвышает;
Чернеют башни на углах;
И дева по стене высокой,
Как в море лебедь одинокий,
Идет, зарей освещена;
И девы песнь едва слышна
Долины в тишине глубокой.

"Ложится в поле мрак ночной;
От волн поднялся ветер хладный.
Уж поздно, путник молодой!
Укройся в терем наш отрадный.

Здесь ночью нега и покой,
А днем и шум и пированье.
Приди на дружное призыванье,
Приди, о путник молодой!

У нас найдешь красавиц рой;
Их нежны речи и лобзанье.
Приди на тайное призыванье,
Приди, о путник молодой!.."

Ритм стихов, словно на морской волне поднимал и опускал его, нахлынет — отхлынет, а слова сказки дурманили мозг. Несмотря на дурноту, вызванную, как ему казалось, скормленным ему теплым вареным яйцом, он все не терял сознания и, как ни странно, общее ощущение смысла читаемого ему текста, именно ощущение, не разумное, а почти галлюцинаторное до него доходило. Мысли скользили в голове как бы сами по себе, мысли о чем-то другом, а стихи были сами по себе. Но внезапно в какой-то момент они совпали, так что он даже вздрогнул, подумав, что так же, как эта дева заманивала витязя, Старуха заманивала его тоже девой. Стало стыдно и жарко. И то, о чем он даже и помыслить в доме у Старухи не решился, предстало ему в обольстительных образах — всевозможные девы (но, кто из них — она, он различить не мог), они встречают его, влюбляются в него, а он влюбляется в одну, но нет, это не она, потом в другую — тоже ошибка, хотя и пленительная ошибка, а душа ищет, ищет ее, она должна же, наконец, появиться, быть может, даже сказать: "Это я". И он снова почувствовал под собой не матрас, а плотно слежавшееся сено, запах сухой травы; его била лихорадка нетерпеливого ожидания е е, как вдруг ему на лоб опустилась бабушкина рука, прогнав начинавшиеся виденья:

— Борюшка, тебе опять плохо? То бледный был, то прямо жаром пылаешь... Ох, господи, наказание тяжкое! Скорее бы мама твоя приезжала. Все материнский глаз догляднее.

— А папа? — с раздражением спросил Борис, возвращаясь с сеновала в теплую, пропахшую запахами еды и людей комнату и почему-то чувствуя обиду на бабушку, да и вообще на всех, словно он всеми позабыт-позаброшен и все желают причинить ему неприятности. И зачем тогда будят, зачем пристают, раз помочь ничем не могут, а папа с мамой еще, небось, и не хотят. Пусть тогда оставят его хотя бы в покое. И вдруг его охватил страх, что и вправду оставят в покое, что, несмотря на болезнь, отец его больше не простит, что слишком он переступил пределы дозволенного, хотя уже перед этой ссорой он клятвенно обещал исправиться, и вот опять... Он сжал зубы и еще плотнее закрыл глаза, чтобы не расплакаться. Но почему-то

в голову лезла предыдущая ссора, по поводу которой он как раз и обещал отныне вести себя хорошо и за которую он был прощен как бы условно, то есть не то, чтобы прощен, а просто все стерлось временем. Но сейчас он с ужасом вспомнил эту ссору.

В каком-то диком состоянии безделья, одиночества и тоски, того, что папа потом в разговоре с мамой назвал типичным проявлением переходного возраста, желая как-нибудь непонятно кому навредить от охватившей его беспричинной ярости на весь мир, он начал втыкать любимый перочинный нож сначала в дверь комнаты, кидая его "росписью", а затем в корешки журналов, стоявших на полке, в коридоре, и истыкал их до полной порчи, прорвав насквозь и прорезав многие страницы.

— Ты вредитель, Борис, — сказал ему отец. — Ты зачем это сделал? Человек должен отвечать за свои поступки.

— Я не подумал, — он и в самом деле не подумал. — Просто так.

— "Просто так" делают только бездельники и дураки, люди, которым нечем заняться. Надеюсь, до тебя когда-нибудь дойдет, и ты поймешь всю постыдную глупость твоего сегодняшнего поступка. А все это результат того, что ты ни за что не несешь ответственности.

"Ну и пусть, — думал он, отвернувшись от бабушки Насти к стенке, — пусть я бездельник и пустой человек. Пусть, пусть он не приезжает. И не надо. Я и сам, без него, все сделаю. Хотя что — "все"? Саша что-то там говорил про Трудную Дорогу в их мире, ну и пусть — я ее пройду, если надо, как Руслан в поисках Людмилы". Он так подумал про Трудную Дорогу, потому что бабушка опять читала:

И дни бегут; желтеют нивы;
С дерев спадает дряхлый лист;
В лесах осенний ветра свист
Певец пернатых заглушает;
Тяжелый, пасмурный туман
Нагие холмы обвивает;
Зима приближалась — Руслан
Свой путь отважно продолжает
На дальний север; с каждым днем

Преграды новые встречает:
То бьется он с богатырем,
То с ведьмою, то с великаном,
То лунной ночью видит он,
Как будто сквозь волшебный сон,
Окружены седым туманом,
Русалки, тихо на ветвях
Качаясь, витязя младого
С улыбкой хитрой на устах
Манят, не говоря ни слова...
Но, тайным промыслом храним,
Бесстрашный витязь невредим...

Голова у Бориса кружилась, его слегка подташнивало, а все тело зудело и ныло, словно требовало какой-то перемены, например, сесть на коня и отправиться в путь-дорогу. Но ни на чем сознание его сосредоточиться не могло. Он и туда никак попасть не мог, и здесь ему все труднее было оставаться. Его разрывало на части и мотало из одного времени в другое и из пространства в пространство. И ничто не могло его задержать нигде. То он маленьким в больнице — в железной кровати, под тонким бумазейным одеялом, и все кругом белое: сестры, нянечки, мама в чужом и коротком белом халате поверх синего шерстяного платья, и что-то она говорит ему про "завтра", а ему хочется, чтобы "вчера" среди тумана и лестниц оказалась снова "сегодня", и он сумел бы понять, что там происходит, но ему ясно, что маме про это не объяснить, потому что это произошло совсем в другое время и в другом измерении. То он снова на сеновале под крышею сарая с тяжелыми нависающими балками, и колются сквозь наволочку остья сухой травы, а в щель между досок виден участок двора Старухи, где колодец, и, похоже, что уже рассвело. То он в отцовском кабинете, кругом полки, книги, рассерженное лицо отца и собственное испуганно-злое и упрямое, отражающееся в вечернем окне, а с кухни доносится голос мамы, призывающей их не ругаться. То он сидит снова за столом у Старухи, в дальнем углу паук свернулся в своей паутине, как сторожевая собака, поглядывает на гостя торчащими на веточках злыми глазками, а по стенам сушеные куриные ноги и головы, а Ста-

руха, помаргивая левым глазом, хлюпая, тянет с блюдечка чай, хрустя медовым сухарем, и плетет что-то о своей внучке, молодой красотке.

И тут вдруг у него сердце глухо, но настойчиво заколотилось, как не колотилось, когда Старуха и вправду нечто подобное говорила. И на сей раз вдруг отчетливо представилась лихая красавица с перепутанными густыми черными волосами, с гитарой в одной руке и сигаретой — в другой, свободная, гордая, голова немного надменно вскинута вверх, но веселая, готовая на гульбу и пляски (чего он сам как раз никогда не умел, будучи книжным мальчиком), что-то вроде Кармен. И он уже не мог понять, то ли бабушка Настя сидит около него и читает ему Пушкина, то ли он просто вспоминает, как она ему читала, но вспоминает как бы в настоящем времени, будто бы он сейчас слушает "Руслана и Людмилу", а на самом деле это было давно. И где он находится, он тоже не может понять, потому что над головой опять балки и стрехи, в щели светит яркое солнце, сено колетса и, хотя в ушах еще звучит голос бабушки Насти, ее уже рядом нет. А вот уже и другой голос что-то напевает.

Утро туманное, утро седое,
Нивы печальные, снегом покрытые,
Нехотя вспомнишь и время былое,
Вспомнишь и лица давно позабытые, —

голос был печальный и задумчивый, хотя слабости в нем не было ни капли, а утро и вправду было туманное, седой мокрый туман, как видел он, прильнув к щели, опять висел повсюду. Хотя и не такой густой, как вчера, да и сбоку откуда-то пробивались лучи раннего солнца, обещая вскоре разогнать этот туман. Но песня все равно наводила печаль и грусть, влезая в самое сердце, желавшее и печали и грусти, и очень хотелось довериться певице с таким голосом и такой песней или хотя бы разглядеть ее получше. Он плотнее прильнул глазом к щели.

Оказывается, сарай, где он ночевал, стоял совсем рядом с колодцем: вечером, в темноте, расстояние чудилось более далеким. Между сараем и колодцем прорвались вдруг солнечные лучи, разорвали в этом месте туман в клочья, и Борис увидел, что земля вокруг колодца была выложена крупным булыжником, чтобы не возникали лужи от наливаемой воды, как он догадался, а дорожка от колодца к дому была утрамбована широкими и плоскими деревянными брусками. На камнях, поставив одно ведро на открытую и опрокинутую крышку колодца, а два других рядом с собой, стояла девушка в мягкой, измятой кофточке,

плиссированной юбке и резиновых сапогах, одетых, видимо, прямо на босу ногу. Она вздохнула и раскрутила ворот колодца, а пока тот с грохотом крутился, смотрела, склонившись, как ведро, стоявшее перед тем на крышке, уходит в темную глубину. Ворот вертелся довольно долго, значит, вода была не близко. Девушка была густоволоса и черноволоса, вместе с тем порывиста в движениях, разумеется, стройна и так напомнила ему мелькнувший в бреду образ неведомой Кармен, что он, преодолевая робость, какую обычно испытывал перед знакомством с девушками, решил выйти из сарая — будь что будет! — чтобы потом не терзаться, что упустил возможность познакомиться с затронувшей его сердце красавицей. Он сполз с сена и бросился к колодцу, пятерней приглаживая волосы, выдергивая из них и стряхивая с одежды сухие травинки.

Девушка обернулась на шум его приближения. Она выглядела взрослее его, потому что несколько не удивилась его растерянному-глуповатому лицу, а только улыбнулась, показывая ямочки на щеках, словно поощряя его начать разговор, и это сделало ее еще привлекательнее для Бориса. Если ему было пятнадцать, почти шестнадцать, то ей не меньше семнадцати.

— Здравствуйте, — сказал он, и неожиданно для себя добавил молодецки: — красавица. — Получилось "здравствуйте... красавица". Он смешался, но, не останавливаясь, все же выпалил и дальнейший свой вопрос, перейдя сразу на "ты". — Как тебя зовут?

Но она не рассердилась, как он боялся, при этом в ее глазах было столько независимости и самоуверенности, что это придавало тем большую цену ее терпеливым ответам:

— Как зовут? Да кто как. Собутыльники — красotka Милка, метрика — Эмили, а бабка — Ойле, что значит — сова. Я ведь полуношница, люблю допоздна засиживаться.

— А ты разве не Саша? не Шурочка? Мне Саша сказал, что здесь все Саши, и мужчины, и женщины.

— А я не все. Я сама по себе, — вскинула она голову кверху, усмехаясь надменно, и пояснила: — Я старухина внучка.

Борис хлопнул себя в лоб ладонью. Так вот от какого ночного соседства он отказался! Нет, при дневном свете он и подумать не смел того, что воображал в ночной полуяви, но все равно, все равно, он бы познакомился поближе, они бы поболтали, может быть, и сдружились. И очень даже может быть, что эта красотка помогла бы ему... Хотя... можно ли ей доверять? Можно ли открыться? Ведь она Старухина внучка. Впрочем, и у Саши родитель крысам служит. Он посмотрел на нее, и тут то чувство, которое обычно называют интуицией, сказало ему твердо и однозначно, что этой деве можно верить. Тем более, что про Бориса и его роль в здешней жизни знают, небось, все, кроме него самого.

— А ты кто? — спросила она.

— А я дурак!

— А-а, а мне показалось, что ты — Борис.

— Я и есть Борис. Но я дурак. Я и не думал, что у старухи такая внучка...

— А-а! Эта старая ведьма опять мою постель предлагала!.. А я опять спи на раскладушке или на полу! Ну я ей скажу!..

— Я думал, она имела в виду...

— Это-то я понимаю, что она имела в виду. А что же ты отказался? Ну, твое счастье, — усмехнулась она жестоко, — что отказался. А то не сносить бы тебе головы. Я не-на-ви-жу, когда решают что-то за меня и думают, что я за себя не постою. Я никогда и ни от кого этого не потерплю. Она, видно, забыла, что я Ойле, сова, и не только полуношница, но и хищница!

— Ну какая же вы сова! — снова переходя на "вы" и стараясь все перевести в шутку, потому что видел он, что она весьма разгневалась — ноздри раздувались, глаза сверкали — и в гневе вполне могла прервать разговор с ним и уйти. — Вы не сова. Сейчас такая рань, а вы уже на ногах.

Она с минуту, обуянная гневом, смотрела на него, будто и не слыша, но потом, поддавшись на его вкрадчиво-мягкую шутливость, вдруг смягчилась и рассмеялась:

— Во-первых, говори мне "ты", а во-вторых, я еще и не ложилась. В гостях засиделась. Вот бабке воды принесу и спать пойду. Всю ночь песни пела, устала.

Борис искал слова, что бы этакое сказать позначительнее, чтобы она посмотрела на него поприветливее и как-нибудь так получилось, что они и встретились бы со временем еще раз и их случайное знакомство продолжилось бы и стало не случайным. Хотелось не только быть, но и выглядеть мужественнее, пусть она это заметит, и хоть придется для этого стать петухом — фанфароном — все равно, он должен чем-то похвастаться, выглядеть героем.

— Саша говорил, что я должен пробиться, — он нарочно употребил это суровое, значительное и мужественное слово, — к Лукоморским Витязям, пройти Трудной Дорогой, но для этого надо до какого-то Мудреца добраться... И вообще... — он заявил, видя, что она молчит, только с интересом разглядывает его.

— Трудная Дорога не так уж и трудна, — сказала она решительно, напрасно прождав пару минут продолжения его речи, — труднее до Мудреца добраться — это и в самом деле трудно! Только Саша тебе здесь не поможет, ни он, ни дружок его Саня, дружки чертовы! Что Фома, то и Брема, эти Саши и Саня. Один в затылке чешет, а другой за ухом. Один ничего решить не может, да и другой ни на что не решится! — усмехнулась она, но беззлобно. — Да все здесь мужики хороши! Одна слава, что мужики!.. Весьма трусоватые юноши.

— Но Саша меня по лестницам провел!..

— Ах, Господи! Подумаешь, подвиг большой! Да любой бы здесь это мог сделать, если б не пугался. Нет, ну, конечно, Саша молодец, он не испугался, я это признаю и вовсе не собираюсь отрицать, не такая я уж дура.

— Я все равно дойду до Деревяшки, даже если мне никто не подскажет туда дороги, — упрямо сказал Борис, будто и впрямь ему была нужна эта Деревяшка, но своим упорством он еще почти наобум и не очень всерьез хотел повисить себе цену в ее глазах.

— Да я не спорю, возможно, что и дойдешь, — задумчиво сказала Эмили. — Ты тоже молодец. Я про тебя слышала хорошее. Сумел по лестницам пройти, даже Алека проскочил и бабке не поддался. Может, тебе и с Настоящими Котами удасться познакомиться... Если повезет, конечно, и если они захотят.

Она вздохнула и принялась вертеть колодезный ворот назад, вытаскивая ведро и поясняя свои слова:

— Они храбрые, от всех скрываются, крысы их уже сколько лет поймать не могут! Я их уважаю, их нельзя не уважать. А бабка злится, что я ей не только не помогаю, а совсем наоборот.

— А я хуже их? — спросил Борис вроде бы в шутку, но ободренный ее предыдущей похвалой и желая дальнейших комплиментов, желая выделиться из всех.

— Ты? — она быстро провела ладонью по его волосам, ласково так провела. — Ты просто симпатичный мальчик с красивыми глазами и длинными ресницами. А Коты — это Коты!..

Борис обидчиво удивлялся, при чем здесь Коты, даже и Настоящие, если речь идет о том, как ему до Мудреца дойти и дальше — до Лукоморских Витязей. Она вовсе не собиралась поддерживать его, как ему мечталось о девушке, которая ему понравится. Напротив, она нисколько не верила в него. Но что-то влекло его к ней, несмотря на ее к нему нескрываемое недоверие. Он старался побороть свою обиду. Потому что она пленяла его своей самоуверенной повадкой, и хотелось показать ей, что он может оказаться позначительнее этих местных знаменитостей — Настоящих Котов.

— Пойдешь ты или нет, — продолжала Эмили, — кто знает! Ты еще мальчик, и многое хочешь, чего и не сможешь сделать. Вон Саша и Саня, думаешь, не хотят пойти? А не идут. Один сидит, да и другой ни с места. Они мне, правда, говорили, что вот, де, Борис придет, и не поддельный, а Настоящий, кто-то прочтет ему Заклинательную Песню, он и дойдет тогда до Мудреца и до Лукоморских Витязей... А кто прочтет? и что? и где? и когда? и кто он, Настоящий-то?.. Видишь, сколько вопросов, и ведь каждый требует ответа.

— Если мне прочтут Заклинательную Песню, я пойду, потому что я и есть Настоящий Борис, — сказал отчаянно Борис.

В этот момент Эмили как раз швырким движением выплеснула воду из ведерка, поднятого из колодца, в ведерко, стоящее рядом, но от резкого удара воды,

направленной неточно, ведро опрокинулось и вода, зашипев, всосалась в землю меж камней. — Вот ведь незадача, — она досадливо поморщилась, снова поставила ведро ровно, а другое, привязанное за дужку к цепочке, обмотанной вокруг ворота, бросила в колодец; ручка ворота закрутилась со свистом, потом послышалась где-то глубоко плюх ведра о воду, вращения остановилось. — Я вообще не верю ни в Мудреца, ни в Заклинательную Песню, — повернулась к Борису Эмили. — Если кто может и смеет, тот и так дойдет. Вся эта вера от слабости. Если бы был среди нас Мудрец, то все бы давно устроил, помог бы. А то, видишь ли, до него без Заклинательной Песни не дойти. Ну не до него, ладно. До Витязей этих... А откуда ей взяться, Заклинательной Песне? Это никому и в голову не приходит. Все колдовские стихи и песни у бабки в книжке я повычитала, ничего похожего там нет. И я не могу думать, что они где-то тайно хранятся, потому что у бабки все книги собраны. Я и сама стихи сочиняю, не хуже тех, что у бабки в книжках. Я посмотрела, почитала, как делать, и теперь не хуже книжных пишу. Ведь крошку Эмили молва не зря премудрой назвала, — скороговоркой сказала она. — Но это все не то. Я не могу к своим стихам и песням относиться всерьез, потому что я пишу их просто так, в шутку, забавы ради. И вовсе не считаю себя поэтом, хотя и на любую тему могу рифмовать. Я Саше сочинила песню не песню, стихи не стихи, так, нечто среднее, про его мечту, в шутку, конечно, — она весело рассмеялась, потом вздохнула. — Мне, говорит, твои стихи не нужны, а нужен Борис и Заклинательная Песня. А я считаю, что я не хуже, чем все эти маги и волшебники древние придумала...

— Почитай, — попросил Борис. Ему не так были интересны ее стихи, как то, что это были ее стихи, Исходили от нее, из ее уст, и она тем самым продолжала с ним разговор, к тому же в более доверительной тональности. И она и в самом деле с готовностью и не чинясь согласилась и прочитала следующее:

Там, где мрачный гранит в скалах сумрачных спит,
Где в утесах потоки бегут,
В том краю за горой, что своею страной
Крепконогие горцы зовут,

Вот уже сотни лет, как турниров там нет,
И давно уже рыцари — прах,
Там не слышно мечей, там не видно огней,
Что ночами мелькали в горах.

И лишь тот, кто прозрел свой высокий удел,
Кто беде и опасности рад,
Тот в безлунную мглу пусть взойдет на скалу,
В полночь мрачную вперит свой взгляд.

Пусть душа не дрожит, пусть отважно глядит
Тот храбрец, что не ведает страх,
И, коль взором остер, он увидит костер,
Что далеко мерцает в горах.

Пусть тогда по скалам устремится к горам,
Где огонь полуночный горит,
И когда подойдет, коль душа не замрет,
То невиданный пир он узрит.

У костра за скалой все в броне боевой
Кругом рыцари чинно сидят
И, по кругу шелом, полный пенным вином,
Осушая, сурово молчат.

Вот один среди всех, чей сияет доспех,
А чело потемнело от ран,
И палаш боевой на цепи золотой —
Это доблестный витязь Руслан.

Пусть приблизится вновь, чья кипит в жилах кровь,
Тот храбрец, что стоит за скалой,
И раздвинется вдруг грозных рыцарей круг,
И усадят его меж собой.

И вина поднесут, и прищельцу дадут
Свой шелом боевой осушить —
И с мгновенья сего до конца своего
Будет рыцарей кровь в нем бурлить.

Пока она читала свои стихи, цепочка, идущая от
ворот, напряглась и натянулась: очевидно, ведро на-
полнилось водой. Да и туман рассеялся, только еще

кое-какие ключья плавали над домиком старухи, таким праздничным и пряничным в утреннем свете. Эмили снова принялась вертеть ручку ворота, будто и не интересуясь, что он скажет о ее стихах, а он стоял телепнем, не бросаясь ей на помощь, краснея и бледнея, как всегда с ним бывало, когда испытывал он подъем духа. "Пусть, — думал он, — для кого-то это не Заклинательная Песнь. Но тут же все сказано, что "лишь тот, кто прозрел свой высокий удел", тот только и сможет дойти до Витязей, до Рыцарей и сам стать таким же. Это же прямо ко мне относится. Разве я всю свою сознательную жизнь не мечтал о своем высоком уделе, о настоящем подвиге?!" У Бориса была счастливая особенность все высокие слова чувствовать как прямо обращенные к нему. Так и теперь воспринял он стихотворение Эмили. И он снова повторил про себя:

"И лишь тот, кто прозрел свой высокий удел,
Кто беде и опасности рад,
Тот в безлунную мглу пусть взойдет на скалу,
В полночь мрачную вперит свой взгляд", —

воображая себя уже стоящим на скале и, приставив ладонь козырьком к глазам, всматривающимся в мрачную полночь в поисках костра. Он очнулся от задумчивости, поглядел на Эмили и увидел, что она весьма прилежно и аккуратно переливает воду из одного ведра в другое, изогнув шейку и наблюдая, как течет медленная струя. По всему было понятно, что все-таки она ждет хоть каких слов по поводу ее стихотворения. Нетерпение отразилось на ее лице.

— Здорово, — сказал Борис. — Если это не Заклинательная Песня, то я уж и не знаю, какими должны быть Заклинательные.

— Да нет, это не Заклинательная, — скромничала она, хотя лицо ее, обращенное к Борису, просветлело. — Можешь мне поверить. Уж я-то знаю.

— Ну тогда Призывательная, — настаивал Борис. — Но все равно по-настоящему волшебная.

— Ты романтик, — сказала она, и непонятно, осуждающе или одобряюще это сказала, как вдруг окно на первом этаже домика распахнулось и оттуда пока-

залась длинноносая физиономия старухи с впавшими щеками, которая углядела их обоих у колодца.

— Ойле! Внучка! — крикнула она. — Водицы-то я заждалась. Неси скорей. Да и сладенького моего в дом веди. За чаем еще наворкуетесь, голубочки!

— Сейчас, бабуленька! — криком же ответила Эмили. — Только наш гость поможет мне второе ведро набрать!

Старуха скрылась, но окно оставила открытым.

— Давай, давай, — быстро и тихо заговорила Эмили, повернувшись спиной к окну, а лицом к Борису, — давай ворот раскручивай, не торопясь только, придерживай, потом вытаскивать будешь, тоже не торопись, а сам слушай, что я буду говорить. К бабке тебе возвращаться нельзя, один раз не поддался, уцелел, и хорошо. Что она во второй раз придумает, одному черту известно. Поэтому вали-ка ты в Деревяшку, может, Саша и в самом деле что толковое придумал. Как тебе туда дойти? Да ты ручку-то у ворота придерживай!.. Так, правильно. Как только я пойду к дому, ты двинешься в сарай, будто бы фонарик забрать, чтоб в сене не потерялся, это я сама старухе скажу. А сам быстро и незаметно завернешь за сарай и увидишь тропку. Она одна там. По ней и пойдешь. Она тебя выведет к железной дороге, к склону. Ты сразу поймешь, что это тот самый склон: он весь ромашкой зарос. На людей, там сидящих, внимания не обращай, постарайся понезаметнее эту железную дорогу пересечь. На той стороне, за насыпью, магазин "Овощи-фрукты" слева, а пивной ларек справа — это тебе ориентиры. Так, крути, крути, медленнее, теперь ведро перехватывай рукой, правильно, да помедленнее! От ларька повернешь наискосок по дорожке, она заасфальтирована, обсажена деревьями и бежит вдоль зеленого забора. По ней ты выйдешь к восемнадцатому троллейбусу, номер у него такой, восемнадцатый. Пройдешь немного вперед, там остановка. Сядишься и едешь три остановки, на четвертой сходишь. Пробегаешь вперед один дом, следующей твоей. Увидишь деревянную дверь, обшитую дранкой, за нее и хватайся. Это и есть Деревяшка. Ну, лей теперь в ведро. Да не мне на ноги, а в ведро. Ты все запомнил?

— Запомнил, Эмили. Я непременно дойду и до Мудреца и до Лукоморских Витязей, клянусь тебе!

— Ох, ты хоть до Деревяшки дойди, — она повернулась к окну. — Бабуленька! Несу! А гость наш в сарай зайдет, он там твой фонарик забыл, ротозей этакий!

— Это правильно, — донесся из дома голос старухи. — Чужого забывать и терять нельзя. Пусть несет, да поскорей!

Эмили подцепила ведра на коромысло и пошла, шепнув напоследок, но Борис расслышал:

— Я, может, и сама в Деревяшку зайду.

И с этими радостными словами в сердце он, преувеличенно деловито, двинулся к сараю, затем, как бы засмотревшись на рассвет и окружающие виды, он словно бы случайно завернул за угол сарая и, опустив голову, стал озираться в поисках тропки. Он почему-то сразу поверил Эмили, в ее правдивость, да и стихи ее звучали мужественно и обещающе. Он дойдет, непременно дойдет! Трава за сараем была не высокая и не густая, скорее даже редкая, просвечивала каменистая почва, и Борис поначалу вдруг испугался, что не различит тропки. Можно было идти без помехи в любом месте. Но вскоре он и вправду убедился, что Эмили пока что не обманывала его: среди разнотравья, росшего на убитой каменистой почве, он отчетливо различил тропку, начинавшуюся прямо от сарая. Строго говоря, она мало чем отличалась от остальной почвы, разве что большей прибитостью, и Бориса не оставляло ощущение, что это чисто интуитивное прочтение тропинки, и если бы не помощь красотки Эмили, никогда бы он ее не разглядел. А теперь вот видел, и отчетливо.

И он пошел быстрыми шагами, почти побежал, по этой тропке, опустив голову, как собака, только не принюхиваясь, а присматриваясь. Когда он через пару минут поднял голову, окрестность стала другой. Сарай и старухина избушка за забором исчезли, пропал дальний лес, а возникли какие-то проволочные заграждения, окружавшие куски пространства, на которых ничего не росло, вдали виднелись какие-то вышки, но тропа оставляла их слева, все больше и больше уходя в овраг. Овраг был неглубок, и опять пошла

плоская равнина, потом тропу пересекла изрытая ухабами, твердая, сухая, из растрескавшейся глины дорога, с продавленными колеями от колесных телег и следами крысиных лап в пыли. Он пугливо оглянулся: погони не было, да и встреченная им дорога была густа в обе стороны. Он пересек ее и попал на склон, густо поросший травой.

Он приостановился. По крыше склона тянулись искривленные бетонные столбы. Внизу была железнодорожная насыпь, на которой толпились люди — кучками, поодиночке, стояли, ходили взад и вперед, кто-то сидел прямо на земле: будто выгнанная из убежища колония насекомых, посаженных на небольшого размера плоскость с обрывистыми краями, откуда нельзя слезть и тем более спрыгнуть, а упасть страшно — и вот одни бегают, суетятся, висят на краях, другие же застывают в неподвижной покорности, но это временно, перед новыми попытками выбраться. Такое странное впечатление производила толпа людей внизу склона, А то, что — под насыпью — показалось ему поначалу узким ущельем, при взглядывании и приближении выяснилось как железная дорога.

Оскальзываясь, то ускоряя шаг, чтоб не упасть, то останавливаясь, идя боком и упираясь ребром кеды в шероховатость почвы, в пучки травы, в кустики аптечной ромашки, Борис заспешил вниз. Свежий и густой запах ромашки проникал, казалось, в самую глубь организма. Тут он заметил, что тропа не оборвалась, только выделялась она на сей раз среди травы большей пожухлостью и желтизной. Наконец он на насыпи. "Пока что правильно иду", — думал он. И решил ничего у людей не спрашивать, тем более, что они и не говорили даже друг с другом, они чего-то ждали, заглядывая под висевший над линией мост в черную дыру тоннеля. "Я дойду, клянусь тебе, Эмили, я дойду". Он сжал зубы и прыгнул вниз. Упал на колено, похоже, расшиб его, но смотреть не стал, а быстро перебежал железнодорожные пути. Почему-то эта насыпь и эти люди, ждущие поезда из тоннеля, напомнили ему рассказ бабушки Насти, как летчик, глуховатый после войны, переходил так же пути и, не услышав шума электрички, был раздавлен насмерть. Надо было лезть вверх, но песок насыпи под ногами осыпался,

а глина крошилась. И все же, перемазавшись и изорвавшись, он залез, встал на ноги. Руки и ноги от усталости дрожали. Перед ним слева был магазин, справа — пивной ларек, вдалеке по бокам высокие современные застройки. Он огляделся. Вот и дорожка, заасфальтированная и бегущая от ларька наискосок. И он пошел по ней.

Дорожка привела его к трамвайной линии. О ней Эмили ничего не говорила. Он приостановился: за линией виднелся табачный киоск, а за киоском дорожка вроде бы продолжалась, углубляясь в темноту росших вдоль нее деревьев. Прежде, чем перейти рельсы, Борис обернулся, случайно совсем, и увидел вдаль, на пригорке, поросшем аптечной ромашкой, трех всадников, едущих вдоль бетонных покосившихся столбов. "Значит, тем самым этих крыс шестеро", — быстро подумал Борис. Они виднелись смутно, как в тумане, длинные копыта были подняты вверх.

Борис поспешил перейти трамвайную линию, миновал табачный киоск и вступил в проулок, продолжавший нужную ему дорожку, заросший пасмурными деревьями и изгибающийся, как латинская буква S. Он шел проулком, но пасмурность атмосферы была большей, чем могли нагнать деревья. Он посмотрел на небо и увидел наплывавшую грозовую тучу. Стало сразу смеркаться, все притихло, притаилось, словно прижало уши, как собака в ожидании удара. И свет разлился какой-то странный и тревожный. "Вот отчего нет прохожих, — подумал Борис. — А я еще и без зонтика. Сейчас как рванет! Весь насквозь вымокну. Где же этот чертов восемнадцатый троллейбус?" Говоря так себе, он вынырнул из-под деревьев на изгибавшееся, как и проулок, шоссе, по которому как

раз плавно катил мимо него троллейбус под номером восемнадцать.

"Где же остановка? Надо следом пробежаться..." Но не успел он бодро затрусить вдогонку за троллейбусом, как тут же застыл. По шоссе (минуту назад они были прикрыты троллейбусом) так же медленно и неторопливо, как и те, в зарослях аптечной ромашки, ехали два всадника с поднятыми копытами. Они не смотрели по сторонам и никого не искали взглядом, держась чуть поодаль от троллейбуса — не то патрулировали дорогу, не то охраняли от кого-то троллейбус. Крысы верхом на крысах. У крыс-лошадей сбоку (теперь Борис это отчетливо видел) висел короткий меч. Во всей их повадке было что-то гадкое и низменно жестокое: всадники нахлестывали лошадей ударами хвостов, а те иногда отвечали им тем же, а иногда подхлестывали своими хвостами сами себя.

Борис отступил в глубь проулка, прижался к забору (глухому, сплошному и непонятно, что за ним), тянушемуся вдоль всего им проделанного пути от трамвайной линии. "А может, мне все это снится, — ему хотелось так думать, — и нет никаких крыс?.. едут на обыкновенных лошадях обыкновенные люди. И надо спокойно выйти и догнать троллейбус, и никто меня не тронет, ведь я по делу еду..." Он заколебался. "По какому делу?" — спросил он сам себя строго. — Ты зачем себе врешь?" И цепенящий, мокрый страх, разом обволокнувший руки, ноги и все тело, немедленно сказал ему, что перед ним отнюдь не люди. Даже трудно стало дышать, просто не вздохнуть, воздуха не глотнуть. "Конечно же, это крысы". А через минуту, когда всадники проехали, и он даже подумал, не от сгустившегося ли перед грозой воздуха так повлажнела кожа на всем теле, — он принялся довольно спокойно обсуждать сам с собой сложившуюся ситуацию.

"Что делать?" Назад возврата тоже не было. Единственное место, где он мог хоть на что-то надеяться — на совет, на помощь, — была пресловутая Деревяшка. Но как туда добраться? Он тревожно огляделся — никого, ни одного человека не было на улице, кроме следом за троллейбусом скакавших уже далеко крыс-всадников.

"Да, конечно, это крысы", — снова механически

отметил он, глядя им вслед. И тут снова прокатил мимо восемнадцатый троллейбус. В нем видны были люди: они сидели, прижавшись лицами к окнам, стояли, держась за поручни. А следом опять, не торопясь, скакал крысиный патруль — двое всадников с копьями наперевес (теперь Борис разглядел еще торчащие из-под забрала длинные жесткие усы) на таких же уса-тых лошадях. Таким образом, как понял Борис, они наблюдали каждого, кто садился в троллейбус. Надежды, добравшись незаметно до остановки, столь же незаметно войти в салон, не осталось. Кроме того, как ему пришло в голову, они тем более его заметят, что народу на улице никого. "Хотя, хотя, — искал он компромисса, — я же не здешний, я к ним не принадлежу, и ничего со мной не случится, — успокаивал он себя, — не должно. Я ведь, наверно, по другим законам устроен, и их законы по отношению ко мне недействительны. Мне бы только добраться до Деревяшки. Сесть в троллейбус и доехать. Ничем таким особенным я от других не отличаюсь. Только бы сесть незаметно. А там я буду похож на других, стало быть и не заметен. И ничего мне не надо, — продолжал он уговаривать себя, — никакого Мудреца, никаких Витязей. Пусть лучше домой мне дорогу покажут. К бабушке Насте... Они сами никуда не идут. Почему же это я должен?.." Стихи Эмили и вдохновение подвига он старался забыть. Ситуация возникла такая, что ему ужасно хотелось сидеть, как все, в троллейбусе и ничем от других не отличаться. Не выделяться.

Пока он размышлял так, притаившись в тени забора, под раскидистым деревом, напоминавшим обыкновенный дуб, хотя листья были какой-то другой формы, тело его то делало шаг вперед, чтобы рвануться к троллейбусной остановке, то, дрожа, оттягивалось назад. Он бы так, наверно, ни на что и не решился и простоял у забора, пока его не схватили, если б не случилось неожиданное происшествие.

Сверкнула внезапно где-то вдали молния, следом грянул гром, и в этот момент новый, третий по счету, троллейбус номер восемнадцать остановился как раз перед ним: из-под его дуг, прислоненных к проводам, вылетела искра, одна из дуг отцепилась от провода и провисла, покачиваясь. Водитель открыл дверь, вы-

шел и полез на крышу чинить неполадку. Раздумывать было некогда, это Борис почувствовал сразу, сейчас или никогда, больше такого случая не представится... И как будто в слегка приоткрывшуюся щель какого-то старинного — из волшебной сказки, из фантастики — каменного прохода, ведущего в таинственный тоннель или подземелье, щель, которая вот-вот закроется, — он протиснулся в набитый людьми троллейбус. Просто вышел из темного проулка и вошел в переднюю дверь. На него посмотрели удивленно, но он тут же принялся проталкиваться в глубину, к задним сиденьям, а там могли думать только одно: что он до сих пор стоял впереди, а теперь решил перебраться назад, где поменьше толкотни. Хотя, на самом деле, тесно было везде: и спереди, и сзади. Те же пассажиры, которые видели, как он вошел, тоже ничего необычного не заметили, занятые аварией. Да и вообще, как уже успел отметить Борис, местные жители старались ничего не замечать, чтобы ни во что не вмешиваться.

Водитель поправил дуги, вернулся, закрыл дверь, и троллейбус тронулся. В заднее окно, склонившись, Борис увидел двух крысовсадников, следовавших на расстоянии за троллейбусом. Патруль? или конвой? Но теперь на какое-то время он был спасен. И, довершая его удачу, вдруг хлынул настоящий ливневый дождь. "Только бы он додержался до нужной мне остановки, — подумал Борис. — А когда я в дожде побегу, они меня и не заметят".

Ливень заливал окна троллейбуса так, что улицы почти что и не было видно. Бориса притиснуло боком к жесткому, металлическому и блестящему поручню у задней двери; толпа наваливалась при каждом рывке троллейбуса, так что наш герой едва не падал на колени сидящих на последнем сиденье; левая нога у него затекла, а пошевелиться, сменить положение тела было трудно, не оттоптав при этом ноги соседям. Все стояли тело к телу, нога к ноге. Пахло мокрой одеждой, почему-то горелой резиной, какой-то мужик, улыбаясь собственным мыслям, обнажал коричневые прокуренные зубы — от него резко пахло табаком; от другого, в сером костюме с блестками, шел запах водки.

Борис разогнулся от окна и, уцепившись рукой

за поручень, осторожно развернулся лицом в салон, чтобы не дышать запахами водки и табака, неприятными в тесном помещении, затем перенес тяжесть на правую ногу и перевел дух. Троллейбус остановился, открылись двери. Очевидно, это была та остановка, на которой ему надо было садиться. "От какой остановки отсчитывать четвертую? Скорее всего, от этой. Вот и хорошо. Еще одна, вторая, третья, а там и четвертая. Совсем недолго". Механические мысли успокаивали. Никто не обращал на него внимания.

И он почувствовал себя чуть не счастливым, странно счастливым, что существует как капля среди других капель в огромном водоеме толпы, неразлично, каплею льется с массой. Еще одна остановка. По существу, первая из тех, что ему надо считать. Вошло несколько промокших насквозь людей: две женщины и мужчина. Их вымокшее платье липло к телу. По волосам, по лицу текла вода. У тех, с кем они соприкасались, оставались на одежде мокрые, черные пятна. По троллейбусу прошла глухая воркотня недовольства.

— Осторожнее!

— Куда прешь?

— С зонтом ходить надо!..

— Да кто ж его знал, что такой дождь хлынет!..

— А надо бы заранее думать!

— Да ладно вам, сами могли в таком положении оказаться!

— Эт-то точно.

— Хотя бы не терлись о других!

— А куда им деваться?

Вошедшие виновато ежились и отмалчивались. Но Борис вовсе и не думал ворчать. Он даже не возражал бы и даже был бы рад, чтоб к нему прикоснулись мокрые тела: это как бы окончательно сделало его таким, как все, словно метку посадило, удостоверяющую его принадлежность к этому миру. Чувство защищенности, безопасности было тем сильнее, что он знал, что сзади скачут, сопровождая троллейбус, мокрые крысы с обвисшими, наверно, хвостами, а он внутри, в тепле и сухости, и до него не добраться. А может, из-за дождя они вовсе бросили свое патрулирование и куда-нибудь укрылись, и тогда он и вовсе незамеченным, неприметным спокойно докатит до Деревяшки. А то

и век бы не выходить отсюда. Некая поэтическая про-
страция вдруг охватила его.

Ритм троллейбусного движения, внутренний ритм
удачного проскока мимо крыс неожиданно стал обре-
тать слова, и, подумав, а чем я хуже других, он принялся
сочинять стихотворение, повторяя по нескольку раз
одну и ту же строчку, чтоб не забыть ее, и жалея, что
нет у него с собой карандаша с блокнотом. Сочинять
стихи оказалось проще, чем он ожидал. Пиши, что
думаешь, только попадая в ритм собственному настрое-
нию, и все в порядке. Вот что у него стало получаться:

— Куда несется и спешит
Троллейбус темно-синий?
Кругом знакомых ни души,
А я — прямым разиней

Сижу. Из лиц глядит
Готовность исполненья.
А я-то сам? — Сиди, сиди!
Нет выше наслажденья,

Когда не знают, кто ты есть,
Нет краше одиночества,
Когда любезный твой сосед
Не спросит имя-отчества...

Троллейбус снова остановился, открылись с чмо-
ком двери. Вторая остановка. На ней вошел кто-то
один, укутанный в плащ с капюшоном. С него тоже
текла вода, но в салон он подниматься не стал, а задер-
жался на ступеньках, словно бы загородив выход.
Неприятный холодок зазмеился у Бориса в груди.
Но, стараясь пересилить себя, тем более, что незнако-
мец в капюшоне никаких враждебных действий не пред-
принимал, он попробовал сочинять стихотворение
дальше. Не получалось. Тогда он снова прочитал про се-
бя целиком последний куплет, и к нему удалось приде-
лать еще один.

...Когда не знают, кто ты есть,
Нет краше одиночества,
Когда любезный твой сосед
Не спросит имя-отчества.

Троллейбус мчится напрямик,
Минуя светофоры.
И я не я. В толпу проник.
Поди узнай, который!

Ритм зазвучал глуше, сочинение оборвалось, хотя он чувствовал, что стихотворение не закончено. Но какая-то тревога проникла в него. И связана была почему-то с молчаливо стоявшим на ступеньках в плаще с капюшоном. Смущало, что даже в троллейбусе он не снял капюшона. Кто он? "Скорее бы Деревяшка. Скорее, милый троллейбус, скорее!" На третьей остановке через переднюю дверь вошли еще двое в плащах с капюшонами, а через заднюю никто не вошел и не вышел.

— Вы на следующей не сходите? — спросил кто-то Бориса.

Он обернулся. Спрашивавший был высокий, рослый мужчина с огромными руками и широкой грудью. Под мышкой он держал свернутый плащ-болонью. Борис посмотрел на капюшон у задней двери и ничего не ответил, чтоб не выдать себя, не проговорить вслух до какой остановки он едет, только молча посторонился. А когда мужчина прошел ближе к выходу, как бы ненароком встал так, чтобы в удобном случае выскочить следом за ним. И так и стоял, ожидая, что будет дальше.

Двое в капюшонах продвигались с передней площадки, в глубь салона, в его сторону. Борис чувствовал себя, как безбилетник, ожидающий, что вот-вот до него доберется контролер, а желанная остановка, на которой он может выскочить, все никак не наступала. И эта остановка — его последний шанс, чтоб его не оштрафовали за незаконный проезд. Правда, здесь речь явно шла о чем-то более страшном, чем штраф. Но предпринять хоть какие-то действия к своему спасению ему и в голову не приходило. Он даже пошевеливаться боялся.

Он вдруг подумал, что пока он бормотал про себя возвышенные стихи Эмили, у него была и энергия, и сила для действия, он бежал, прыгал, лез, и все тело было исполнено ловкости и уверенности. Он попытался вспомнить хоть одно четверостишие, но ничего не вспо-

миналось. Только одно и оставалось ему в таком состоянии духа: сжаться и ждать, как ждешь во время какого-нибудь массового стихийного бедствия, — когда от твоей личной инициативы почти ничего не зависит, — что с тобой может быть не более того, чем и с другими. С тайной фаталистической надеждой, что не может же ничего плохого случиться с таким большим числом людей, что это же противоречит каким-то высшим законам, в которые человек почему-то всегда в отчаянные минуты начинает верить. Ведь людей в толпе так много, и если будешь держаться большинства, то и с тобой ничего не случится, как и с остальными.

Но существа в капюшонах все приближались и приближались, осматривая и ощупывая пассажиров, словно власть имеющие, и никто не сопротивлялся, и ни с кем, и вправду, ничего плохого не происходило. А те, в капюшонах, шли все дальше и дальше. И вот они уже в середине салона. И тут великое сомнение и страх охватили Бориса. "А почему, собственно, я решил, что и ко мне отнесутся, как к другим? Но чем я выделяюсь? Я вроде бы и одет так, как все, и лицо, руки и ноги у меня, как у всех... Именем? Что имя? Пустой звук. Я же могу его и не называть!.. Скажу, что зовут меня Саша. А вдруг я одет как Шурик? Вдруг у Саш особые приметы?.." Но ни двинуться с места, ни придумать чего-нибудь спасительного он не мог, просто не в состоянии был. И только стихотворение ему удалось докончить.

"Поди узнай, который!.." — несколько раз повторил он в отчаянии. И тут появился последний куплет.

— Но что я жду?

Чего сижу?

Ужели я не вижу?..

Беду руками развожу,

А те все ближе, ближе...

Ему, однако, опять повезло. Внезапно на задней площадке, у ступенек, состоялся следующий разговор.

— Вы сейчас не сходите? — это рослый мужик обратился к существу в капюшоне. Однако капюшон не ответил, даже движением не среагировал на вопрос и уж, конечно, не посторонился.

— Вы что не слышите?

— Тебе что за дело! Стой, где стоял, — ответ был произнесен хриплым, грубым и наглым голосом.

— Я выхожу, сейчас моя остановка.

— Ничего с тобой не случится, если и лишнюю проедешь!

— А коли мне надо, что тогда?!

— Надо через переднюю дверь выходить! Правил не знаешь?

— Ах ты, гнида! — взорвался вдруг мужик. — А твои дружки как вошли? Через переднюю? Так через нее входить тоже нельзя, а только выходить можно.

— Ладно. Разболтался. Стой, где стоял, пока цел!

— Ты с кем связался? Офонарел? — шепнул кто-то, стоявший рядом с Борисом, рослому мужику.

Тот замер. А Борис подумал, что теперь потеряна его последняя надежда, последний шанс, и что он пропал окончательно. Но мужик, видно, замолчал, собираясь с духом. И взревел:

— Да что за заразы! Совсем от вас житья не стало! Мало, что жрать нечего! Теперь еще распоряжаться, откуда мне выходить!.. Да пошли вы все!.. Откуда хочу, оттуда выхожу!

Троллейбус остановился. Мужик, схватив капюшон за грудки, так шмякнул его о металлический поручень, что крыс-сыщик ослаб и осел. Тем временем дверь отворилась навстречу ливню, брызги и запах дождя залетели внутрь троллейбуса. Борис краем глаза видел, как двое в капюшонах, работая локтями, пытались пробиться к ним. Но уже в следующую секунду он выскочил за мужиком под такой густой ливень, что тут же потерял из виду своего спасителя. Но ливень так же, очевидно, укрыл и его самого. Вжавши голову в плечи, ничего не видя, только слыша, что троллейбус отъехал, он бросился в нужном ему направлении. И в два прыжка оказался перед деревянной дверью в многоэтажном каменном доме. Дверь располагалась на углу, и к ней были подходы с проезжей части и из переулка. "То есть, — успел подумать Борис, — если погоня, если нападут, то могут с этих сторон заблокировать выход, и тогда только или вознестись или под землю". Но размышлять было некогда, дождь лил, и Борис, промокший до нитки, рванул на себя дверь и вскочил внутрь. Дверь резко за ним захлопнулась.

Борис сделал шаг вперед, похлопывая себя по плечам и по рукавам пиджака, чтобы стряхнуть, сбить с одежды остатки воды. Но все равно он чувствовал себя насквозь промокшим и продрогшим. Прямо перед входом находилась раздевалка, отгороженная от остального помещения фанерной стенкой, в середине ее было окошечко, сквозь которое, видимо, принимались и подавались пальто. Слева от раздевалки виднелась дверь с двумя нулями — очевидно, клозет. Кроме этой двери слева ничего не было, глухая стена. Зато справа неся гул голосов, шло тепло и пахло чем-то тошнотворно сладостным, словно бы тухлостью какой. Там, собственно, и был основной зал Деревяшки. Борис повернул голову направо. Он увидел несколько человек с подносами, очередь, которая потихоньку втягивалась за деревянную стенку с декоративными рейками. За стенкой, как догадался Борис, был раздаточный пункт пищи, потому что с подносами, уставленными тарелками, люди появлялись с другой стороны стенки и направлялись к столам. Деревянные столы стояли в два ряда: ряд у окна и ряд покороче у стенки. Деревянные стулья выглядели массивными и походили на широкие табуреты с приделанными к ним спинками.

Гардеробщик, краснолицый, обросший бородой, смотревший на Бориса в окошечко, увидел, что он без плаща, а пиджак явно сдавать не собирается, нырнул назад, в темь раздевалки. Оттуда послышалось бульканье наливаемой жидкости и слова, произнесенные старческим пропитым голосом:

— Хошь не хошь, а выпить надо! Верно, Шурик?

И молодой, но тоже осипший уже голос подхватил:

— Точно. Обычай дорогой, что выпить по другой, — и голосок подхихикнул пакостно.

Борис вошел в зал. Народу было не так уж и мало, хотя странного. В самом дальнем углу, в ряду у окна, за последним столом сидела огромная черная кошка, в полном одиночестве, одетая в черное платье с короткими рукавчиками и черной пуховой шалью на плечах. Она, прихлебывая, пила чай с блюдечка, а перед ней лежала прямо на столе горка баранок и стояла глубокая розетка с вареньем. Время от времени она хватала баранку, окунала ее в розетку, затем слизывала каплющее с баранки варенье, а баранку сгрызала. За следующим в том же ряду столом сидели две кошачьих пары: два лукавых котика и две жеманных кошечки. Они строили друг другу глазки, и коты попеременно вкладывали в ротик своим подругам какие-то лакомые кусочки. Зато за ближайшим к Борису столом в левом ряду у стенки сидела компания довольно-таки драных котов, всклоченных, лохматых, оравших что-то сорванными голосами и покушавшихся временами затянуть песню. Если бы не их явные кошачьи морды, Борис решил бы, что они напоминают подгулявших лесорубов из какой-нибудь сентиментальной сказки, а то даже и просто леших. Рваные незаправленные в брюки рубахи, штаны до колен, босые лапы и похвальба своей могучностью... И еще за одним столом, у окна, сидело визави два чопорных кота-джентельмена, во всяком случае они были одеты весьма пристойно и даже элегантно: темные костюмы, темные водолазки и даже на лапах черные перчатки. Они чинно ели творог, запивая его молоком. У кота, сидевшего лицом к Борису, густые усы спустились вниз наподобие гуцульских, а физиономия была чрезвычайно мрачна. Второго Борис видел только со спины.

Остальные столы были заняты людьми. За двумя

или тремя столиками люди сидели, опустив глаза в тарелку, быстро съедали свою пищу и уходили, и их места занимали другие, зато некоторые столы были, видно, абонированы надолго. За этими столами сидело сразу по шесть-семь человек, они пили из стаканов какую-то белую жидкость и всюю веселились. Борис искал глазами Сашу. И, наконец, за четвертым столом в ряду, находившемся у деревянной стенки, он разглядел его. Саша сидел лицом к выходу, наверно, чтоб не пропустить Бориса, но был уже изрядно пьян. Во всяком случае смотрел он взглядом напряженным и уставившимся в одну точку, да при этом еще и довольно-таки мутноватым. И все же, несмотря на эти признаки опьянения, спина его была пряма, плечи развернуты и рыцарская сила и уверенность чувствовались во всей его повадке. Напротив него за тем же столом сидел еще один человек с небольшой головкой с пушистыми волосами, в свитере, плотно облегавшем его узкую спину. За следующим столом сидела разгульная компания людей, громко, невнятно и беспорядочно говоривших что-то.

"Значит, вот она какая эта Деревяшка! Удивительно только видеть столько котов сразу, когда знаешь, что их повсюду ловят. Хотя Старуха сказала, что здесь просто собирается нечистая сила в облике черных котов и пирует. Но Эмили говорила, что бывают тут иногда и Настоящие Коты, самые отчаянные их них. Но есть ли они здесь сейчас? И если есть, то кто?" Но не походил никто на сложившийся у него в уме образ отважных котов, скрывающихся от крыс, но из удали являющихся в Деревяшку с риском для жизни, только чтобы подразнить своих гонителей.

И тем не менее, из зала все равно несло лихостью какой-то, бездомностью и безбытностью. Это пьянило, возбуждало, как в детских домашних мечтаниях, когда, устав от постоянных наставлений и замечаний, воображаешь вдруг себя попавшим к пиратам или разбойникам, — короче, в некую взрослую вольницу, где нет каждодневных обязанностей и размеренности, можно ложиться спать в любое время, а не ровно в девять тридцать вечера, вставать, когда захочется, питаться, чем попало, даже пить вино, и уж веселиться круглый день, и все тут зависит только от твоей удачи и сме-

лости. Борис сделал шаг в зал. Желание попасть домой, вернуться к бабушке показалось вдруг ему весьма стыдным. Хотя появилась, он это сразу почувствовал в себе, робость новичка перед чужой нравящейся ему компанией, в которой, однако, совсем непривычные нравы и обычаи. Хотелось сказать: "Примите меня к себе. Я оправдаю ваше доверие". Но кому это говорить?..

За каждым столиком могло поместиться не более четырех человек. Но некоторые (те, где шла гульба) были переполнены, от других столов брались стулья, ставились прямо в проход, сидящие грудились, кучились. Поэтому Борис даже удивился, шагнув в зал и увидев, что около Саши и его напарника сохранились два пустых стула. Он медленно пробирался меж гуляющих, передергивая плечами от воды, время от времени скатывавшейся ему с волос за воротник, и от тошнотворного омерзительного запаха водки. Почувствовав этот запах, он сразу угадал причину и повышенной веселости компаний, и длинных тостов, произносимых за столом, к которым произносившие требовали повышенного внимания, не отвечающего их содержанию. И больше всего его испугало то обстоятельство, что, стало быть, Саша не где-то в другом месте выпил, а сейчас пьет, и значит, будет и его уговаривать выпить... И он почувствовал себя, как, вероятно, чувствовал себя во время праздников у бабушки Насти его отец — растерянным и беспомощным, потому что он не любил и не умел пить, а от него требовали, и он мучался, боясь обидеть отказом... Впору хоть назад поворачивать. Он и своих сверстников, выпивавших для куражу в туалете, сторонился, а водка и разгул взрослых мужиков просто испугали его. Но все равно: Саша должен ему сказать, что делать дальше, или, хотя бы, как выбраться отсюда. Борис приблизился, наконец, к нужному столику.

— А-а, привет, — узнал его Саша и, не называя по имени, указал на стул рядом с собой. — Садись. Не промок? — спросил он заботливо.

— Да не очень, — Борис сел рядом с Сашей, напротив худощавого мужичка, голубоглазого, с шутовским прищуром, с таким выражением глаз, будто он больше всех все на свете понимает, и, в отличие от Саши,

чрезвычайно подвижного, даже суетливого, с очень живой мимикой и, как вскоре выяснилось, постоянно каламбурившего.

— Это Саня, — сказал Саша, указывая на своего визави, — а это, — он указал на Бориса, — сам знаешь кто.

Саня привскочил:

— Здрасьте, здрастьте! Наслышан. И могу признаться, что полон самых сан-тиментальных и искренних чувств. Достойное юное поколение, новое пополнение, наша, так сказать, смена!

— Не балаболы! — оборвал его Саша и снова несколько заторможенно обратился к Борису. — Не промок? Если промок, то, может, согреешься?.. Ты чего на Саню смотришь? Это свой мужик. При нем все можно говорить...

— Не только говорить, даже шептать, — ввернул Саня, — я поверенный самых скандальных историй, и все они похоронены в моем сердце!..

Саша сделал жест открытой ладонью, как бы отстраняющий Саню. Был он крепче и плотнее и Сани, и Бориса. И если бы не пьяные глаза, то именно о таком, смелом, мужественном и добром старшем брате-защитнике, казалось, и мечтал Борис в детстве.

— Я рад, что ты пришел, — сказал Саша, наклоняясь к Борису, видимо, забыв свой первый вопрос, с трудом разлепляя губы и стараясь отчетливо выговаривать слова и строить фразы. — Ты нам нужен. Нам всем.

Он замолчал, словно собираясь с силами, а Борис терпеливо ждал, чувствуя себя неловко и неуютно, но тут встрял опять Саня:

— Да кому он три раза нужен! Пусть он лучше едет в сан-аторий, поправлять свое расстроенное болезнью здоровье! — он подмигнул Борису и добавил негромко. — Не обижайся, это я шутю. Дурак будешь, если обидишься!

— Закопайся! — вдруг грозно и громко крикнул на него Саша. — Не лезь, куда не понимаешь! Это ты никому не нужен, пустобрех бестолковый, а он нам очень, очень нужен, — и, положив руку на плечо Борису, добавил с поразившей того заботливостью. — Ты, может, голоден?.. Мы тут болтаем, а ты, может, голоден... А?

Ты скажи. А то мы мигом, — он попытался приподняться, но не смог, слишком отяжелел от выпитого.

— Ну это уже типичная сан-офобия, — пробормотал Саня. — Поесть для него это и я могу сообразить. Все равно без Сани никуда.

Тут только Борис заметил, что на столе ничего такого особо съестного и не было. Стояли пустые стаканы, на тарелках лежали недогрызанные корки хлеба, колбасные шкурки и огрызки, надкушенный соленый огурец. Дед Антон обычно сопровождал питье обильной и вкусной едой — селедка, лук, горячие, шипящие даже, жареные на масле котлеты... И тут, вспомнив это, Борис почувствовал, что голоден, ибо от Старухи он удрал без завтрака, да и перенервничал в дороге, да и дождь его все-таки полил, и он продрог и не прочь чего-нибудь горяченького. Хотя все странно — ведь он пришел говорить о в а ж н о м, ведь Саша сам его просил прийти, ведь это для них важно, он обещал "что-нибудь придумать", и тем более странно, что ни слова о деле. А еще взрослые мужики! Впрочем, подумал он, может, здесь так принято — не сразу приступать к делу, тогда подождем немного.

— Голоден, — сказал он. — А что тут можно поесть? Хотя очередь...

— Насчет очереди не беспокойся, — сказал Саша. — Это наша забота. А заказать можно мясной рулет со свекольной подливкой, селедку, сыра и компот. Ну и хлеба.

— Зачем компот? — спросил Саня и ткнул рукой под стол. — Питье и у нас есть...

Борис глянул на место, указанное Саней, и увидел поллитровую откупоренную бутылку, приставленную к ножке стола.

— Так надо, — оборвал Саню Саша. — Что кто хочет, тот то и пьет. Не хочу никакого насилия. Ну? — поворотил он свою тяжелую голову к Борису. Видно было, что он делал над собой усилие, чтоб не задремать, уткнувшись головой в стол. Движения его были замедленные и преувеличенно точные.

— Да все годится, — ответил Борис. — Только как же очередь?..

— Пусть тебя это не волнует. Сейчас все будет в лучшем виде, — он снова попытался приподняться, но

сел, не удержавшись на ногах, зато Саня вдруг подскокил и замахал рукой одноглазому молодому мужику в белом грязном халате, собиравшему на тележку грязную посуду. Тот катил тележку между столами, складывая на верх пустые тарелки и составляя один в другой стаканы, а вниз совал пустые пузатые бутылки, тайком, хотя и заметно, передаваемые ему сидящими за столами.

— Шурик! — крикнул ему Саня, махая рукой. Живо, верткий и громкий, он, разумеется, обратил на себя внимание человека с тележкой.

Кривой тут же подкатил к ним тележку. Но говорить Саша Сане не дал. Перегнувшись через стол и мощно пихнув его рукой в плечо, чтобы он сел, Саша сказал, повернувшись к Шурику:

— Рулет, сыр и компот. И хлеба. Быстро и чтоб в лучшем виде. Для нашего гостя, — он выговаривал фразы с паузой от затрудненного дыхания, его широкая и могучая грудная клетка напряглась объемно, а глаза глядели с пьяной требовательностью.

— Понимаю, — моргнув одним своим глазом, хихикнул Шурик, и Борис узнал хихиканье, донесшееся из гардеробной. — Молодой да ранний. И мало ест, да много пьет.

— Он не пьет, — оборвал его Саша.

— Понимаю, — не принял его серьезности Шурик. — Пить не пьет, а и мимо не льет, — и покатил куда-то свою тележку.

— И стакан пустой не забудь, а то оскандалимся, — громко шепнул ему вслед Саня.

Грохоча тележкой и не возвращаясь уже, Шурик кивнул все же, что понял, и исчез куда-то, скрылся за очередью, словно растворился. Странно все было, странно. Будто все происходило взаправду, то есть не то, что взаправду, а будто бы обычная текла жизнь, и никаких крыс не было, и не бегали они вчера с Сашей по каким-то лестницам, а потом не было Алека, Старухи, Эмили, не было Баллады о рыцарях... Разговоры ни о чем, хохот и веселье чужих компаний, а больше того расстроили его пьянство специально ожидавшего его Саши.

— Молодец, что пришел. Спасибо тебе, — уже несколько раз сказал Саша и несколько раз поцеловал его

пьяными губами в щеку, но больше ни о чем не говорил, а в ожидании Шурика как бы даже и задремывал — с каждой попытки все основательнее и основательнее. А Саня, не затыкая глотки, балагурил.

— Наличие нечистой силы в этом заведении, — говорил он, кивая на котов, разместившихся в разных концах зала, — означает, что собирается здесь только чистая публика, привилегированная... Ну и крысы, дорогой мой, нас посещают, как же! Пожрать они любят! Они здесь всегда бывали, в старину по подвалам, а нынче по залам. Потому что крысы были, есть и будут есть...

Но Борис испытывал почему-то чувство усталости от его непрерывных хохм, наверно, потому, что хотелось чего-то позитивного, а, как он убеждался, он не только не услышит от Сани про дорогу к Мудрецу, но что и Саша ничего не скажет, и даже про дорогу домой у них не спросить.

— Послушайте, — обратился Борис сразу к обоим.

Саша сразу тряхнул головой и повернул к нему настолько внимательное лицо, насколько он в состоянии был преодолеть сон. Но все же всем своим видом он пытался выразить повышенное внимание. Да и Саня тоже. Даже подпер рукой подбородок, чтобы лучше слушать, показывая этим жестом свою сосредоточенность. А Борис молчал в растерянности, не зная, как бы ему сказать, чтобы вежливо прозвучало, что он хотел бы послушать об их государстве, о том, что с ними происходит тут, а не выслушивать пустые шутки Сани и пьяное молчание Саши. Борис вспомнил, что не любил, когда отец подшучивал над его бездельем и пустословьем, это было обидно, и почему-то гораздо обиднее, чем от кого другого такое слышать. Видимо, потому, что от отца ждешь защиты, ищешь у него одобрения, поддержки, опоры, и оттого упреки особенно болезненны. Потому что равняешься на него и ждешь от него признания, а упрек как бы показывает дистанцию, откалывает в равенстве, на которое претендуешь. Но сейчас он чувствовал себя как бы вместо отца, как бы его представителем, ему вообразилась насмешливая отцовская улыбка, его язвительные слова, хотя тут же он подумал, что, быть может, язвительными эти слова кажутся только ему, а на других и впечатление не про-

изведут. И вслух он язвить не решился, а то, что сказал, прозвучало, как ему показалось, слабо и нерешительно:

— Мой отец всегда говорил, что беседа хороша только тогда, когда содержит обмен мыслями, а не хохмами и анекдотами. И что каждый разговор должен вести к делу, дело прежде всего.

— Лукоморья больше нет!

Все, о чем писал поэт — это бред! — выкрикнул (громче прочих слов эти слова из песни, певшейся за столом котов, похожих не то на сказочных леших, не то на лесорубов) толстый мохнатый кот в выбившейся из брюк рубашке и, казалось, готовый пуститься в пляс.

Саня поднял палец, словно предлагая прислушаться, а сам потом воскликнул насмешливо-удивленно:

— Отец? При чем здесь твой отец! Ну, конечно, ты еще у нас малявка. И без отца ни на шаг. Ну не сердись. Ведь я любя, ведь мы с моим другом Сашей и сами могли бы быть отцами. Только мы этого не хотим с моим другом. У нас свои дела. Он пьет, да и я не попусту прикладываюсь, — хихикнул Саня. — К тому ж и у нас отцы имеются, — бормотал он, — не как-нибудь! Вот у Саши отец он уж точно всем отцам отец, и то ничего сказать про Лукоморье не может, существует оно, или это все сказка, сказка и легенда! А уж приближен к верхам — дальше некуда! А твой отец знает что-нибудь про Лукоморье? Ничего? Так чего ж ты его вспоминаешь? Чему учил великий наш философ Сан-офонт, известный постоянными своими сварами с добрейшей женой своего учителя Сан-типой? Он утверждал, что мы свою голову на плечах имеем, а не родительскую. Держись за нас, за своих друзей, а уж мы-то тебе поможем да подскажем, что делать.

— Но ведь не подсказываете, — защищался от его напора Борис, не заметив даже, что уже принял Сашу и Саню в друзья.

— А ты не гони волну, не спеши, не торопись, лучше выпей пока с ребятами, вон Шурик и закуску тащит, все, что ты просил: и рулет, и сыр, и компот, даже селедочки притащил, вот смысленный человек, а ты говоришь!.. Нет, с друзьями не пропадешь! Так что сиди и отца не вспоминай. Выпей пивка лучше!

— Испей винца, позабудь отца!.. — захихикал одноглазый Шурик с тележкой и добавил тут же, видя, что

Борис отказывается. — Дивное диво, что не пьется пиво. Что за молодой друг у вас выискался, не пьет, а с добрыми людьми знается.

Саша вдруг через стол ухватил Шурика за руку, будто пробудившись, а во время речи Сани все вроде дремал, притянул к себе, так что тот изогнулся над столом, и сказал:

— Тс-с, — после чего отпустил его руку и откинулся назад на стул.

Зато Саня вдруг выхватил из-под стола бутылку, словно нож из-за голенища, налил полстакана пьянящей жидкости и протянул Шурику:

— На, держи.

Приняв взятку, Шурик тут же перелил содержимое стакана себе в глотку, поставил стакан на стол, многозначительно кивнул, приложил палец к губам и пошел, покатил свою тележку меж столов, вихляясь своим тощим телом, собирая грязную посуду и бормоча что-то весьма неразборчиво.

— Будем считать, что примененные к нему санкции окажутся действенными и заключенный вино-водочный ксантракт нарушен не будет. Эх, — Саня налил по полстакана себе, Саше и Борису, — надо выпить, чтобы нервы поуспокоились, а то я страсть какой нервный. Глаз да глаз нужен. А ты говоришь — отец! Что бы твой отец тут делал? Не знаешь? А скажи, почему ж, если твой отец такой умный и все знает, не подсказал он тебе, что в чужой монастырь со своим уставом не ходят, и не объяснил, куда чего идти искать, где это самое Лукоморье и что там делать, а пришел ты к нам и нашего спрашиваешь совета, как к нашему Мудрецу пройти? а? Что скажешь?

И Саша, и Саня уже приняли свою порцию, в глазах у Саши прибавилось блеска, а Саша, казалось, еще больше отяжелел и подобрел. Борис пить не стал, хотя и чувствовал лихорадочную дрожь в промокшей спине, и в другой бы раз, ради лечебных целей, и отпил бы глоток, но ему стало и за себя, и за отца обидно, он насупился и отодвинул стакан. Слишком явно несправедливо был Саня, сам даже не замечая этого. Его похвальба, что они с Сашей ему, Борису, помогут, хотя именно он пришел, чтобы помочь им, а от них только и требовалось, что указать того, кто покажет

или подскажет ему дорогу к местному Мудрецу, мудрецу этого крысиного царства-государства. А потом ему стало обидно за отца; конечно, похвалиться своим отцом неприлично, пусть он и знает его как самого умного, доброго и всепонимающего, но и Сане так нападать и насакивать тоже не стоило бы... Если бы он хотя бы догадывался, как отец говорит о "восхождении" человека, о превращении индивида в свободную личность, о том, что никакие обстоятельства не делают человека свободным творцом, что творец сам создает новые обстоятельства, и что самые высшие достижения, вся наука и культура складываются в конечном счете из свободных и самостоятельных деяний людей. Многих слов и терминов Борис не понимал, но мысль о самостоятельном и творческом отношении к жизни он усвоил. Но творчество есть дело, а они бездействуют...

— Выпей, я тебе советую, как представитель сан-инспекции, облеченный медицинским доверием, — подвигал ему наполненный стакан Саня. Саша положил руку на стол и спал, уткнув голову в локоть.

— Почему ты все время свое имя как часть разных слов вставляешь? — спросил Борис.

— А потому, что оно всюду подходит, — быстро ответил Саня.

— Тогда у меня еще один вопрос. Откуда взялось твое имя. Я понимаю, что Саша, Шурик, Алек — это все разные варианты или усечения имени Александр, так мне Саша объяснил. А Саня?..

— Тоже, то же самое, — подмигнул ему быстроглазый собеседник. — Все мы вышли из Александра. Все наши имена оттуда. Саша, Шурик, Алек, Сан и др.

— Что значит — и др.?

— Ну, все остальные. Знаешь, как говорят: и другие соответствующие лица. Сокращенно — и др. Но ты должен вчувствоваться: имя мое поважнее прочих будет. Сан — я. Саня меня зовут. Алек-Сан-др. Сан — сердцевина, суть, хребет Большого имени! Можно даже сказать, — тут он зашептал, — что Саша, как и Шурик, относится к этим — и др. Только ему ты этого не говори — горд, обидеться может, когда проспится. Все же из бывших рыцарей. Его счастье, что родитель егомышленным оказался и к царю Александру на службу

поступил. Говорю тебе: друзей держись и не пропадешь. А со мной легко, потому что я ни на кого зла не держу. Не случайно, Сан в середине, Сан — это гибкий хребет, это мост, соединяющий всех. Я и тебе могу услужить!..

— Как? — растерялся Борис под напором Санниного красноречия.

— Очень просто. Советом. Возвращался бы ты к себе лучше, сейчас по рюмочке, и домой. Жить хорошо, а хорошо жить еще лучше. А что лучше покоя и уюта, когда о тебе заботятся бабушка с дедушкой, все твои желания угадывают, кусок ко рту подносят, да в рот засовывают. Захоти — и ты дома. А?

"Откуда он знает про бабушку с дедушкой? И про болезнь Саша тоже знал... — не отвечая, морщил лоб Борис, пока не догадался с облегчением: — Э, да я ведь сплю, а что я знаю, то и мой сон знает. Надо проснуться..." Но сновидение было сильнее и влекло его дальше, да и, если честно, досмотреть ему хотелось, чем все кончится.

— Конечно, мы тебе поможем, если ты захочешь, — продолжал Саня, — надежнее и вернее нас людей нет, даю тебе честное слово! Мы не то, что вся эта котячья шантропа, где ни одна сан-инспекция не выявит, кто из них настоящий, а кто поддельный. Ты только посмотри на них, — он повел рукой по залу.

Борис невольно следом за его рукой обвел глазами сидевших за разными столами котов, начиная от огромной черной кошки, пившей чай, до двух котов-джентльменов, потягивавших молоко. И вдруг, взглядевшись во второго кота, сидевшего напротив кота с гуцульскими усами, поразился, что физиономия его с весьма залихватски закрученными усиками удивительно ему знакома. Только у того кота была белая грудка, белое пятно на морде и все четыре лапки тоже были словно одеты в белые перчаточки, а этот был черен как смоль, да и держался не по-кошачьи степенно. И Борис отвел глаза разочарованно.

— А настоящие среди них есть? — спросил он.

— Того никто не знает. Если б знать!.. — вздохнул Саня.

— И что тогда? — вдруг поднял голову Саша с локтя и уставился на Саню.

— Тогда? Как что тогда? Мы бы их к себе за стол

пригласили выпить. Почему не выпить с хорошими ребятами.

— Ну и тип ты, Сан, — Саша распрямылся, и видно было, что сон помог ему, и он немного пришел в себя. — Устроился посерединке, как самый настоящий хитрован.

— Сан — это сердцевина, это верно, — Саня двумя пальцами расправил свои усики и дернул головой игриво, — связующее звено. Чем тебе Саня не угоден? Давай налью, — скоморошничал он голосом и ужимками.

— Сердцевина? — грубым голосом переспросил Саша. — Да вовсе нет. Скорее, ты ни то, ни се.

— Ан нет. И то, и се.

— Ни то, ни се, — настаивал Саша, опершись ладонями о стол, словно готовый вступить в драку.

— И то, и се, — делал обиженный вид Саня.

— Ни то, ни се.

— И то, и се.

Борис обернулся. Никто не обращал на их стол внимания. Каждая из компаний жила своей изолированной жизнью. Правда, компании людей были посумрачнее, нежели кошачьи компании.

— Ладно, уймись, — оборвал вдруг Саша Саню, — в конце концов, это все равно. Что ни то, ни се, что и то, и се — все одно и то же. Со всеми ты хорош. Это тебя и спасает, — Саша рассмеялся, расслабился и откинулся на спинку стула.

— Опять все Саня да Саня... Давай лучше выпьем.

— Давай, разливай тогда.

Саня быстро наполнил стаканы.

— Если бы я не пил, — наклонился Саша к Борису, жевавшему не очень хорошо пахший мясной рулет, но так хотелось есть, что он старался не обращать на запах внимания; Саша дернул его за рукав и вынудил, в свою очередь, наклониться к нему, их головы сблизились. — Если б я не пил, — повторил Саша, — я бы знаешь, что тогда сделал?

— Что?

— Я бы их всех топором порубил. Вот бы что я с этими крысами сделал. Понял? Ненавижу я их! Неужели тебе этого никогда не хотелось — взять топор и гвоздить их по башкам!

Саша так сжал в ладони стакан, что Борис подумал, что он сейчас треснет. Но стакан уцелел, Саша опрокинул его содержимое себе в рот и поставил на стол, ожидая от Бориса ответа, с настойчивостью пьяного притягивая его к себе правой освободившейся рукой за грудки.

— Да я же их так особо и не видел, и не знаю про них почти ничего. Вот только тогда, на лестнице, да и потом пару раз мельком. Одно мне понятно, что это плохо, когда крысы правят людьми, — защищался и оправдывался Борис.

Саша отпустил лацканы его пиджака и сказал сквозь зубы:

— А я на них нагляделся. У родителя в гостях они бывают иногда. Осчастливливают! А впрочем, ты прав, увидеть их сложно, пока они сами этого не захотят. Они везде и нигде. Даже мы порой забываем об их существовании. А уж ты-то, небось, пока сюда не попал, и в глаза их не видал!.. Эх, если б я не пил!..

— Так чего же ты пьешь? Не пей, — сказал Борис.

— Легко сказать... Да все равно без Лукоморских рыцарей ничего не получится! Заклятье такое на нас!

— Да ведь для того я и пришел сюда, чтобы что-то сделать. Только скажите, как к Мудрецу вашему пройти.

— И правильно сделал, что пришел, — не отвечая прямо на вопрос, полуобнял его за плечи Саша. — Ты мне нравишься.

— И мне, — сказал Саня и быстро выдернул из-под стола бутылку с зеленой жидкостью. — Давай за него еще по маленькой.

Он разлил по стаканам резко пахнущее спиртное, и они выпили. Саня подцепил на вилку селедку и съел. А Саша шумно вдохнул в себя воздух и закусил маленьким кусочком хлеба. Руку свою он снял с плеча Бориса к непонятному облегчению того, все было как-то неуютно, пока рука на плече лежала. Саша обратил к нему покрасневшие и повлажневшие глаза, но сказать ничего не мог, только молчал, словно собираясь с мыслями, как из-за стола с подгулявшими послышался взрывной вопль песни:

Лукоморья больше нет —
От дубов простыл и след.
Дуб годится на паркет,
Так ведь нет!
Выходили из избы
Здоровенные жлобы,
Порубили все дубы
На гробы!

— Какая связь между гибелью дубов и исчезновением Лукоморья, знаешь? — вдруг спросил Саша.

— Не очень.

— Дуб — это дерево. А дерево — это символ жизни. Теперь понял? Ведь дерево, в отличие от камня и глины, — материал не просто природный, но органический. У него есть своя внутренняя жизнь. Как все живое, оно смертно. И как все живое, оно происходит только из живого. Спирт, что нас живит и убивает, он тоже из дерева. Я почему хожу в Деревяшку? Потому что для меня это название много значит. И для крыс тоже. Для крыс дерево может быть пищей, они считают, что дерево смертно, и это хорошо, что оно гниет, горит, что оно не на века, — вот что им страшно нравится. Погибли дубы, исчезло и Лукоморье. А для меня в дереве, в самом этом слове есть надежда, потому что дерево преходяще, но оно вечно, сколько ни срубай — все равно растет, в дереве есть надежда на возрождение. Ведь порой и сухой срубленный ствол прорастает зеленым побегом. Понял теперь?

При первых же словах Сашиной речи Саня пробормотал:

— Очень уж серьезно. Всюду символы, символы, — после чего повернулся к столу певших песню котов, тронул одного из них за плечо, попросил гитару и, сидя вполборота и к котам, и к Борису с Сашей, заиграл и запел:

Нету мочи, нету сил —
Леший как-то не допил,
Лешачиху свою бил
И вопил:
"Дай рубля, прибью а то!
Я добытчик или кто?
А не дашь, так я пропью долото!

Я ли ягод не носил? —
Снова леший голосил. —
А коры по сколько кил
Приносил!
Надрывался издаля,
Все твоей забавы для,
Ты ж жалеешь мне рубля,
Ах ты, тля!

Коты загоготали. Шум стоял ужасный, и в голове у Бориса аж звенело, тем более, что Саня орал песню, пока Саша говорил. Саня вернул гитару и снова сел к ним лицом:

— Веселые ребята эти лешие! Можно сказать, санитары леса!

— А... разве это лешие?

— А ты что думал? Настоящие Коты, что ли? Настоящих давно уж на самом деле нигде нет. Это Саша у нас оптимист, все надеется, что где-нибудь они еще сохранились. А я скажу: оставь надежду всяк сюда входящий.

Тут Борис заметил, что кот с залихватски закрученными усиками все время прислушивается к их разговору, а при последних словах Сани он даже начал приподниматься из-за стола. Но не успел он встать, как хлопнула входная дверь и в Деревяшку вошла женщина в накидке, держа в руках зонтик. И с накидки, и с зонтика стекала вода. Женщина сняла накидку и стряхнула ее, перекинула через руку и шагнула в зал. И Борис узнал Эмили. Сердце у него екнуло и подскочило в груди, и он почувствовал, что краснеет от радостной тревоги и приближающегося поворота судьбы.

Не он один узнал Эмили. Густоволосая и черноволосая, она шла слегка разлапистой походкой, широко улыбаясь, прямо к их столику. Плиссированная юбка, намочшая от дождя, липла к ногам, и казалась вошедшая такой молодой, свежей и прекрасной, что Борис чуть из-за стола не выскочил ей навстречу, чтобы обнять ее или хотя бы коснуться ее руки, — и почувствовал сразу, как сердце колотится сильнее, а дух становится бодрым и энергичным. Но вместе с тем — понял он в следующую минуту — была она странно своя в этом пьяном угаре и улыбалась не только ему, но и Саше, а возможно даже и Сане. Борис весь напрягся от ревности, но виду не подал, укорив себя, что права такого не имеет. Хотя, быть может, возникшая любовь и дала ему эти права.

— А вот и Милка к нам пожаловала, — воскликнул Саша.

Саня повернулся к ней навстречу:

— А! Красотка Милка! Мое почтение! Вот тебе стул, пока не электрический, и садись. Вот и ладненько. Ну, теперь все хорошие люди в одно место собрались, теперь можно и еще по маленькой выпить...

— Ну здравствуй, Милка, зачем пожаловала? — спросил Саша.

— Налейте-ка и мне тоже, — сказала она вместо ответа (поразительно и тревожно было для Бориса, что она, такая молодая, была более чем на равных с этими взрослыми мужчинами!), присела на стул рядом с Саней и обратилась к Борису: — Бабка злилась, черт знает как, что тебя упустила. Сначала все ворковала: "Где же мой сладенький? Куда же это он фонарик засунул? В сене, наверно, утопил, негодник! Да что он там копается? Не в паутине же он запутался! Пойди, внученька, поторопи его! Да и за фонариком присмотри, чтоб опять не обронил где по дороге". А когда я сказала, что и след твой простыл, я думала, она треснет от злости. А она ну кричать: "Я и печку уже затопила, и картошку к жаркому почистила, и специи разные, и советы, как себя вести, для моего вкусенького приготовила! Кто ж сманил? Куда? Заплутает, говорит, в незнакомой местности-то! А то, глядишь, и с плохими людьми свяжется, в Деревяшку ненароком забредет. Помочь гостю-то нашему надо. Если, говорит, от нас ушел, то пусть к своей бабуле, домой к себе, возвращается. Беда, говорит, внучка, будет, плохо ему придется, если на Настоящих Котов, упаси его от этого, наткнется. Да тебе он не сказывал ли, куда направился?" — спрашивает. А сама клюку в одну руку хватает, паука своего любимого в другую и на меня смотрит. Я тоже сдуру пошутить решила, говорю: "Он, бабушка, прозрел свой высокий удел и пошел выполнять свое предназначение". А она как закричит! "Заколдую ему путь! — кричит. — Алеку расскажу! Крысам донесу! А тебя прокляну, если узнаю, что ты ему Заклинательные Стихи читала!" Да что ты, говорю, бабушка, раскипятилась! Стихи я ему читала не Заклинательные, а свои, да и те, говорю, подзабыла. А она все равно рычит: "Дура! Дура ты! Дура ты проклятая! Свои! Свои! Что здесь твое! Все мое! Поэтесса ты несчастная! Беги, кричит, исправляй ошибку, найди его, и домой отправь, а то такой наговор состряпаю — никто не расколдует!" Я говорю, ладно, говорю, ладно, не сердись, постарайсь его найти. Зонтик подхватила и сюда — вас предупредить! Боюсь, рано или поздно старуха сюда тоже явится. Так что торопитесь! Эй, Саша, проснись!

Саша снова спал. А Саня в ответ на ее речь ляпнул:

— Ну если старуха сюда явится, то мне чего тут делать? Хм, мои функции в таком случае здесь никому не нужны.

— Ох, Сан, — вздрогнула Эмили, — от твоих шуток оторопь берет.

— А я свои шутки никому не навязываю, — сказал хамовато приятель Саши, — не хочешь — не бери. Давай лучше выпьем.

— Со свиданьем, — сказала Эмили.

— С досвиданьем, — ответил Саня.

Так, пикируясь, они выпили.

— Пойдите, — сказал Борис. Их пикировка, да еще в такой казавшийся ему напряженным момент, выглядела странной и нелепой, да и Эмили, певшей про утро туманное, так не шла роль выпивохи, тем более, что она-то бежала их предупредить, а теперь с Саней пьет; впрочем, может, все они такие, ведь Саша тоже его сюда звал, а теперь вот напился и опять заснул.

— Да мы и так никуда не идем, чего нам стоять? — сказал, прищуривая глазки, балагур.

— Но я-то хочу идти!

— А кто тебя держит?

— Эмили, — обратился тогда Борис к своей визави дрогнувшим голосом и серьезно так, чтобы пронять, потому что показалось ему еще с утра, что она, как и он, относится ко всему непросто, не только шутки для, — ну скажи ты им, чтоб они были серьезнее. Я ведь не для себя... Я понимаю, что они стесняются, что не могут провести меня к Мудрецу, я догадался и о том, что они и не знают никого, кто мог бы это сделать... Но, может, приметы какие есть? Чего ж так, без дела сидеть! Я бы и по приметам добрался. Только топографию вашего царства-государства объясните.

— Да ты все равно не разберешься! — воскликнул Саня. — Сумеешь ли ты пересечь Огненную Пустыню Духа и не утонуть в Потоки Сознания, не сверзнуться с Вершины Наглости и по Наклонной Плоскости не скатиться в Пучину Разврата? Пробраться Каменными Джунглями? Обойти Лес Невежества и не свернуть на Кривую Дорожку, да к тому же не утонуть в Трясине Лжи? Не попасть в Психологический Тупик? И переплыть Океан Страстей? Отбиться от Бумажных Тигров, миновать Рождественских Гусей, а самое глав-

ное — не поддаться Змею-Искусителю? Чтоб не покусал тебя Зеленый Змий и не источил Червь Сомнения... Не поддела на рога Сидорова Коза... А ведь еще надо перейти границу Дозволенного, разрушить все встречные Воздушные Замки и выйти на Правильную Дорогу, которая мимо Кладбища Надежд, минуя Гнездо Порока и огибая Провалы Памяти, приведет тебя на Нравственную Высоту, с которой ты увидишь Поле Деятельности, а на нем бьющий Источник Вдохновения. Напившись из него, ты должен найти Пуп Земли и Точку Опоры, и только после этого, не останавливаясь в Теплом Местечке, которое всегда может обратиться в Грязную Дыру, ты удостоишься лицезреть Мудреца. Понял, сколько трудностей?..

— Это в самом деле так? — спросил оторопевший Борис у Эмили. — Или это шутка?

— Да уж какие там шутки! — ответил вместо нее проснувшийся вдруг Саша. — То есть все, что говорил этот шут, — это вранье, но, подумай сам, если б было легко добраться, неужели бы мы ни разу не попробовали?

И тут Борис увидел, как из-за столика котов-джентльменов, неторопливо попивавших молоко, поднялся кот с заливчато закрученными усами и двинулся к ним. Эмили меж тем, с выражением чудной задумчивости, с каким она пела песню, произнесла тихо, но отчетливо выговаривая каждое слово, и фраза ее прозвучала веско и серьезно:

— Я никогда не устану поражаться, что существуют на свете мужчины, которые боятся риска, причем настолько, что даже другому человеку не дают возможности рискнуть.

— Конечно! — как о чем-то давно решенном, воскликнул Саня. — Риск — благородное дело. Это мы знаем. Есть упоение в бою и бездны мрачной на краю... Как же, как же!.. Если Саша рискнет, то и я не струшу.

И в этот момент, подкручивая усы лапой в черной перчатке, над их столиком склонился кот, опять показавшийся Борису удивительно знакомым. Кот обращался к Сане, но почему-то в свою очередь внимательно вглядывался в Бориса.

— Позвольте дослушать это замечательное стихотворение, — сказал кот, — потому что мне кажется, любез-

нейший, что вы не свои слова сказали, а произнесли именно стихотворные строки. И они меня поразили. Кому как не мне знать про упоение в бою и про то, как себя чувствуешь на краю мрачной бездны, скользя ночью по карнизу крыши. Прошу вас!

— А если я не помню, — огрызнулся Саня, и добавил, обращаясь к остальным за поддержкой. — И вообще, чур меня, чур, нечистая сила! Ха-ха!

— Полноте, милейший, — сказал кот, опираясь правой лапой о стол, — я не люблю пустячных слов. Просто я прошу вас и жду. Мой друг, он суров, он был против того, чтоб я к вам подходил, такое у него неверие в человеческую природу, но у меня есть причины сомневаться в его огульном приговоре. К тому же любовь к стихам и ко всему прекрасному, — он поклонился Эмили, — ведет меня как магнит железно.

Эмили вздрогнула и смотрела, расцветая на глазах, на подошедшего кота. Она даже невольно волосы свои попыталась привести в порядок, и позу невольно приняла более соблазнительную. И Борис тут заметил, что обнаженные по локоть ее руки и впрямь словно пуховые, а в тонких жилках, как эфир, струится кровь, а между роз ее щек, меж жемчужных, или, по-старинному, перловых зубов усмешается любовь, любопытство, кокетство и восхищение усатым котом. Это и кот заметил, подмигнул ей и спросил:

— Что уставилась на меня, милочка? Понравился или видела где?

— Понравился, — тихо произнесла красotka, не стесняясь, — я люблю все подлинное.

Кот подкрутил усики, а Борис почувствовал, что с этим соперником ему не совладать, но странно — и он испытывал восхищение, даже чуточку преклонение перед прищельцем, а вовсе не раздражение и неприязнь, несмотря на мгновенно затерзавшую грудь ревность. Ему тоже захотелось понравиться этому коту, настолько мужественным, ловкими обаятельным тот выглядел.

— Не буду скромничать, милочка, — сказал кот. — Хотя, как говорил восточный мудрец, казаться — труднее, чем быть, я имею в виду, быть подлинным, ибо казаться — это попытка выйти за пределы своей природы. И все же вернемся к стихам. Кто их сможет прочесть?

— Да, пожалуй, я, — ответил Борис, по-детски желая угодить коту.

И он прочитал:

Есть упоение в бою,
И бездны мрачной на краю,
И в разъяренном океане,
Средь грозных волн и бурной тьмы,
И в аравийском урагане,
И в дуновении Чумы.
Всё, всё, что гибелью грозит,
Для сердца смертного таит
Неизъяснимы наслажденья —
Бессмертья, может быть, залог,
И счастлив тот, кто средь волненья
Их обретать и ведать мог.

Читая стихи, он почувствовал, как его подхватывает вдохновение и воодушевление. Сердце заколотилось. Он жаждал риска.

— Божественно! — воскликнул кот. — Это слова подлинного Александра, настоящего, а не Саши и не Шурика.

— Царя? — выдохнула вопросительно Эмили.

— Я же сказал. Настоящего Александра. Поэта. Цари приходят и уходят, все изменчиво в этом мире, остается одна поэзия. Я сам не раз, — говорил кот, — гоним судьбой враждебной, бичом ее пробитый до костей, спасался в край поэзии волшебной; искал толпе неведомых путей, тайком пробирался на холм, где муз вдали гремела лира и отсиживался там, пока меня искали; помалу в грудь вливалась сладость мира, и, как роса от солнечных лучей, в очах моих слез иссыхал ручей. Уходят предатели, вруны, говоруны, Алеки и Шурики, остается Александр.

— И уж, конечно, не Саня, — снова хамовато буркнул Саня.

— Да уж, конечно, — ответил кот. — Впрочем, спасибо за стихи. Давно я не получал такого наслаждения, — тут он глянул на бледного Бориса, смотревшего во все глаза на Эмили, смотревшую во все глаза на него, склонился к Борису и шепнул: — Не бойся, она уже любит тебя. А полюбит еще больше. Только она еще этого сама не подозревает. И я тебе не соперник.

Но Борис ревновал, все равно ревновал, и к Котам еще больше, чем к Саше и Сане. И влюблялся все сильнее.

Кот тем временем поклонился всем присутствующим, положил лапу на плечо задремающего все время Саши и сказал:

— А вам, рыцарь, я бы советовал проснуться. Скоро могут от вас потребоваться славные дела. Да и на вас я бы крест не поставил, все же вы человек, а не крыс, — обратился он и к Сане.

И пока Саша тряс головой, отгоняя сон, обиженно сопел Саня, Эмили восхищенно смотрела вслед отходившему от их столика, радуясь такому знакомству, кот, мягко ступая по полу лапами, обутыми в красные полусапожки, вернулся к своему столику, что-то сказал своему приятелю, который сверкнул на них зелено-желтым глазом через плечо, и принялся опять за свое молоко.

— Во придуривается, — неуверенно сказал Саня.

— Заткнись, болван, — тихим голосом рявкнул Саша. — С детства ума не было, и потом не нажил. Ты что, не понял, к т о это? Удалось бы только вступить с ним в контакт. Может, он посоветовал бы, кто прочтет Борису Заклинательную Песню и проведет к Мудрецу. Не зря я так рассчитывал на Деревяшку. Дерево еще прорастет, вот увидите!

— Да, без Заклинательной Песни и без Мудреца нам никак, — согласился немедленно Саня. — Это необходимые условия.

Эмили молчала. А Борис смотрел на них, слушал, а сам вспоминал, ворочая в голове то те, то эти случаи из своей жизни, но ни один не подходил. И вдруг вспомнил.

...Примерно года три назад, не у бабушки Насти, а у себя дома, сидел Борис и читал "Дубровского", по школьной программе было надо, читал то место, где кузнец Архип спасает кота, примостившегося на крыше горящего дома. Как вдруг раздался звонок в дверь, он открыл и никого не увидел, только донесся откуда-то жалобный мяв. Выбежала мама, и вдруг внизу, у двери, они увидели пушистого черного котенка с белыми лапками, белым пятном на мордочке и, как они потом разглядели, белой манишкой на грудке.

Вокруг шеи котенка была повязан бант, а за бант за-
сунута записка: "Меня зовут Степа, Степан Аркадь-
евич. Я к вам пришел навеки поселиться". Выяснилось,
что котенок этот — подарок маминой приятельницы,
любившей пошутить (сама она пряталась этажом вы-
ше, оставив котенка перед их дверью). И котенок
Степа стал у них жить. Был он веселый и драчливый.
Гонялся за бумажкой, ловил мух и прятался за занавеску.
Это развлечение он особенно любил. Подлезет
за занавеску и мяучит, чтоб его искали, ходили и при-
говаривали: "Где же это Степа? Куда это Степка спря-
тался?" А пушистый хвост торчит из-за занавески и ше-
велится, и дергается — и вдруг: фр-р-р! — выпрыгивает
из-за занавески котяра, наскакивает на приблизившуюся,
ищущую его руку, но не царапает, не кусает, отска-
кивает, довольный и шумный, и начинает носиться по
комнате. Любил подкрадываться, если с ним играли,
постукивали рукой по стене или по полу; крадется,
глаза блестят, хвост по полу так и бьет, внезапный пры-
жок, и висит на руке, но и опять не царапает, не кусает.
Хотя и это умел делать неплохо. Однажды сосед, пол-
ный, очкастый и благополучный, вылитый Алек, сооб-
разил неожиданно Борис, затеял не то ударить, не то
отпихнуть, не то снисходительно потрепать по шерсти
гулявшего во дворе Степку. Но Степка тут ко всеоб-
щему изумлению с шипом впился в эту руку, укусил,
да еще всеми когтями по руке прошелся — и был та-
ков. Сосед злился, пошел в поликлинику на травмо-
пункт, там ему прописали прогревания, куда он боль-
ше месяца и ходил... Зато когда всей семьей они гуляли
на даче по лесу, Степа ходил с ними, и ходил, как со-
бака, вдоль тропки, то забегая вперед, то возвращаясь
неожиданно, словно охранял. Настоящий "кот в сапо-
гах", преданный хозяину. Любимый был кот. И вот
несколько месяцев назад исчез. Соседи говорили, что
видели, как ранним утром подманили его на запах
валерьянки кошатники, поймали и увезли, а там уж
известное дело — или усыпили, или убили. Всем был
хорош кот, а валерьянку любил, как алкоголик водку.
Она-то Степку и погубила. Борис очень переживал его
гибель, а сейчас вот снова встретил его, да в каком при-
чудливом обличе, и совершенно черного, только, конеч-
но, выражение своей Лукавой морды изменить он не мог.

"Значит, Настоящий Кот, или, по крайней мере, один из них — это мой Степа? — преисполняясь какой-то домашней уверенности, спокойствия и радости, но стараясь не показать виду, что знает кота, подумал Борис. — Вот почему он говорил, что он мне не соперник. Ведь мы друзья. Но как же он уцелел? Как спасся? И как попал сюда? Ничего себе новое знакомство!.."

Впрочем, и вправду новое. Кто бы мог даже предположить, что обычный домашний Степка окажется таким героическим персонажем, да еще в чужой стране, да еще таким знаменитым!

Тем временем за столом продолжалось что-то вроде спора. Борис прислушался. Говорили о его предполагаемом походе к Мудрецу. Говорил Саша:

— Да еще надо, чтоб Заклинательную Песню кто-то ему рассказал. Короче, нужны объективные условия, которых и в самом деле пока нет.

Борис немедленно включился в беседу:

— Но Эмили рассказала мне Заклинательную балладу о рыцарях!

— А, это... — презрительно махнул рукой Саша. — Но это же она с а м а придумала. Понимаешь, с а м а! Это все ерунда! Как ни обидно, но нужно еще ждать.

Саша привалился к столу и для убедительности стучал ладонью. На стук подкатил со своей тележкой Шурик и вопросительно на них уставился. Саша недоуменно на него посмотрел мутными все еще глазами, но, тут же спохватившись протянул ему смятую денежную бумажку и попросил сообразить еще закуски. Шурик мигом спрятал бумажку в кулак, потом подмигнул здоровым глазом и, заговорщицки наклонясь к столу, шепнул:

— Нацедите, мужики, мне еще немножко, старикану отнесу, ну, гардеробщику нашему, — и добавил, хихикая, — правду говорят, как ни биться, а быть, что к вечеру напиться.

Он и в самом деле уже едва держался на ногах, и казалось, что если бы не тележка, за которую он ухватился, то давно бы ему лежать на полу. Саня немедленно полез под стол за бутылкой и, оглянувшись ("Да никого нет, — сказал Шурик, — лей по-быстрому. Лей, не жалей!"), пустил из горлышка зеленатоватую струю в стакан Шурика.

— Хватит, хватит, — пробормотал тот, когда стакан наполнился на две трети, и, икнув добавил: — И так натянулся, как губка. Хоть выжми, — хихикнул и ушел, унося стакан под полой своего грязного белого халата.

— Давай сразу и нам, — сказал Саша. — Пока никого нет. Да и гостя не забудь. Пусть выпьет с нами, чтоб довелось ему услышать Настоящую Заклинательную Песнь из Настоящей Волшебной Книги, а не выдумку нашей юной подруги.

— А я и не навязываюсь, — отрезала Эмили.

— Я с вами не согласен, — натянуто улыбаясь, обрattился Борис к Саше и Сане, — Эмили мне прочитала замечательные Настоящие Стихи, — Борис всегда воспламенялся от стихов, как и положено "книжному мальчику" — так иронически называли его в школе учителя. Можно даже сказать, что если бы ему все время читали стихи, он ни на минуту не терял бы возвышенности чувств. Но благо и то, что при чтении и сразу после эта возвышенность в нем просыпалась, и он даже бывал готов на подвиг. Поэтому не мог не вступить за стихи, которые так взбудоражили его, что довели от домика старухи до Деревяшки. К тому же, после появления Степы, исчезнувшего, вроде бы погибшего, а теперь так чудесно-таинственно воскресшего Настоящего Кота, тоже, как и он, любителя поэзии, некоторое раздражение он испытывал против Саши, который, зазвав его в Деревяшку, так ничего и не умел ему сказать, хотя был взрослый, как и приятель его Саня, а ничего не знал, хуже него, чужого здесь, да еще и подростка. Тоже мне, а еще другом себя называет.

— Я не согласен, — повторил он для уверенности. — Я вам прочту несколько строф, и вы поймете, почему я считаю их Настоящими Стихами и почему они подействовали на меня как призыв, — и в такт ритму стихов поднимая и опуская вилку, он прочитал:

Но лишь тот, кто прозрел свой высокий удел,
Кто беде и опасности рад,
Тот в безлунную мглу пусть взойдет на скалу,
В полночь мрачную вперит свой взгляд.

Пусть душа не дрожит, пусть отважно глядит
Тот храбрец, что не ведает страх,
И, коль взором остер, он увидит костёр,
Что далёко мерцает в горах.

Пусть тогда по скалам устремится к горам,
Где огонь полуночный горит,
И когда подойдет, коль душа не замрет,
То невиданный пир он узрит, —

читал, захлебываясь словами, Борис. —

У костра за скалой все в броне боевой
Кругом рыцари чинно сидят
И, по кругу шелом, полный пенным вином,
Осушая, сурово молчат.

Вот один среди всех, чей сияет доспех,
А чело потемнело от ран,
И палаш боевой на цепи золотой —
Это доблестный витязь Руслан.

Пусть приблизится вновь, чья кипит в жилах кровь,
Тот храбрец, что стоит за скалой,
И раздвинется вдруг грозных рыцарей круг,
И усадят его меж собой...

— Ну и что, — прервал его Саша. — Я же не спорю, что это хорошие стихи, чудак ты человек! А заклинательность возникает всего-навсего от повторения словечка "пусть", это же элементарно просто, обычный поэтический прием. Но я-то тебе толкую о Настоящей Заклинательной Песне, о которой еще моя бабка рассказывала, задолго до Милкиного рождения! Понял? А Милка просто срифмовала то, что я ей рассказывал...

— Эй, не относитесь так небрежно и высокомерно к поэзии, — воскликнул кот, оказавшийся неожиданно опять у стола, и, подмигнув Борису, подкрутив свои мушкетерские усики и не ожидая от Саши ответа, обратился к сразу посветлевшей и ожившей с его появления Эмили: — А, кстати, милочка, почему тебя зовут Милкой? Ты что, Людмила?

— Нет, Эмили, — послушно ответила она.

— Впрочем, и он не Руслан, — кот кивнул на Бори-

са. — Но в этой истории, похоже, вы повязаны между собой до конца.

Эмили поглядела пристальнее на Бориса и улыбнулась ему удивленно, но начинавшийся так хорошо для героя разговор досадливо прервал Саня:

— Довольно скучно на вас смотреть. Что это мы все сидим и сидим, так все яйца отсидим и ничего не высидим. Давайте, наконец, выпьем. Да и ты гость дорогой, все же тост за тебя подымали. И не бойся. Одну выпьешь — боишься; другую выпьешь — боишься; а как третью выпьешь, уж и не боишься.

Борис поднес к носу стакан и тут же опустил: ударил такой тошнотворно-ядовитый запах, что заранее мутило и тянуло на рвоту.

— Не хочется чего-то, — сказал он.

— А мы хотим? — присловьем отозвался Саня. — Пьем ведь. А тебе и полезно. Как вошел, ничем не согрел душу.

— Противно.

— Да и нам не нравится, а что поделаешь! Терпим, а пьем!

"Выпил ли бы отец, чтоб не обидеть друзей?" — спросил себя Борис и, пересиливая, поднял стакан, слегка пригубив его.

— Вот это по-нашему, — начал было Саня, но в этот момент кот как-то неловко пошатнулся, толкнул Бориса, так что стакан у того из руки выпал, упал и разлился.

— Ах, извини! — всплеснул лапами кот, — какой я неуклюжий! Но, может, это к лучшему. Среди массы пословиц, что я знаю, есть одна, удивительно подходящая к этому случаю. Кто винцо любит, тот сам себя губит. А сколько печальных историй мог бы я порассказать на этот счет! Они, к сожалению, касаются и нас, котов. Да, да, знавал я одного кота, — тут он многозначительно посмотрел на Бориса, — так он так любил валерьянку, ну, словно настоящий пьяница. Она-то и послужила причиной его гибели, а кот был и учтив, и обходителен, храбр и разумен. И что еще? Могу я вам сказать, как этот кот искусно вел войну против мышей и крыс, какие, клянусь вам в том, выдумывал он хитрости, и как, ловчее многих, то, мертвым притворясь, висел на лапах вниз головой, то пудрил мукой, то пря-

тался в трубу, то под кадушкой лежал, свернувшись в ком, короче, герой был настоящий! И вот, пристрастие к проклятой валерьянке и стало причиной его гибели. И он, на запах валерьянки привлечен кошатниками схвачен и убит, и неизвестно, где он и зарыт, — кот страхнул слезинку, покотившуюся по его пушистой морде. — В память о нем отныне, — сказал он, переходя на обычную, не ритмическую речь, — я и мой приятель пьем только молоко.

ТАБАКА 10 СНОВА АЛЕХ

Никто ничего ему не успел ответить. Борис, сидевший лицом к входной двери, увидел, как она открылась и закрылась, а открывал и закрывал ее не кто иной, как Шурик, почти кланяясь и всячески пресмыкаясь перед существом, вошедшим с улицы в болоньевом плаще с капюшоном, по которому стекала вода. Дождь, очевидно, хлестал с прежней силой. Неожиданно кот, пристально вглядевшись в зрачки Бориса, словно в них отразилась эта сценка, а может, и вправду отразилась, буркнул:

— О, какой гость к вам пожаловал! — и через секунду уже сидел за своим столиком и, как ни в чем не бывало, пил свое молоко; как он ушел к себе, никто не заметил.

Вошедший тем временем скинул плащ и оказался Алеком, тем самым Алеком, с кем столкнулся Борис на лестничной площадке. Тот же темный костюм, та же жилетка, галстук, волнистые полосы и тяжелые роговые очки, из-под которых не видно глаз. Алек широкими, легкими шагами направился прямо к ним.

— Здорово, друзья, — сказал он, фальшиво улыбаясь и ставя на пол кожаный желтый портфель. И всем сразу стало неудобно.

— Ловко ты от меня, старик, удрал, — говорил тем временем Алек Борису. — Только куда здесь бежать-то! Только в Деревяшку, больше все равно некуда. Так стоило ли и бегать? Я тебе сюда и сам собирался предложить зайти. Ты б здесь Настоящего Кота, глядишь, обнаружил бы, ведь свежий глаз зорче, а царь бы тебя мигом домой отпустил, да с почетом, да с дарами. Клянись!..

— Ты лучше не клянись, а скажи — бутылку принес? А не то придется тебе на уголок бежать... За пустые эти разговоры: бежал не бежал, поймал не поймал... Магазин открыт еще. Нет лучшего хмеля, когда пьешь всю неделю. А мы с Сашей почитай ден восемь не просяхем, — валял дурака Саня.

— Ох, сопьетесь вы, друзья, — укоризненно сказал Алек, доставая из портфеля и ставя на стол точно такую же бутылку, как и выпитая перед тем, с маленьким заспиртованным зеленым змеенышем внутри.

— Пьяница проспится, дурак никогда, — отвечал ему немедленно Саня, а Борис подумал, что все же эти бездельные пьяницы ему гораздо милее Алека.

Саша угрюмо молчал, Эмили и вообще глядела в сторону. Словно не замечая возникшей напряженности, Алек спросил у Сани:

— Давно не виделась... Как ты живешь?

— Как все. Со всеми неудобствами, — простодушно ответил Саня.

— Не понял...

— Ну тогда не спрашивай, раз такой непонятливый. Тогда давай бутылку распечатывай. Не разучился еще за научными-то своими занятиями?..

— Да вроде нет.

— Ну и работай тогда.

— Не могу. Ты спрашивал, у меня бутылка ли есть? Есть-то она есть, да где мне присесть? Хотя бы, чтоб не стоя открывать, — стараясь попасть в тон Сане, сказал Алек.

— Подвинься, Милка, дай человеку стул поставить. Ну что ты сидишь, будто сан-тиметр проглотила?

Надо же понять, из какого крысиного говна Алек выбрался, чтоб прийти к нам и хоть на время посидеть по-людски.

Вместо ответа Эмили сжала губы, потом молча встала, провела неожиданно рукой по лицу Бориса, ласково и ободряюще на него посмотрела, повернулась и, по-прежнему не говоря ни слова, пошла к столу котов-джентльменов; только высохшая плиссированная юбка билась об ноги. Алек пожал плечами, сел на ее место, откупорил бутылку и разлил питье по стаканам.

Они выпили, причем Алек до конца свой стакан не допил, споловинил, вздохнул, отломил корочку хлеба, съел ее и пояснил:

— Не могу, желудок больной. Для здоровья вредно. Лучше уж на еду приналечь.

— Чего на нее ложиться? Ух, скорее надо есть, пока Алек не навалился. Да и ты пищу лучше ешь, а не ложись на нее, — моментально среагировал Саня, закусывая куском рулета.

Алек криво усмехнулся:

— А ты, старик, я погляжу, все шутки шутишь.

Потом повернулся, посмотрел долгим взглядом на столик котов-джентльменов, за который уселась Эмили, снова распрямился и сказал, дружелюбно положив свою руку на руку Бориса:

— По правде, всех котов я ненавижу. И не только моя личная неприязнь, хотя когда-то один из котов сильно мне руку повредил, нет, старики, это объективная реальность, что коты — самые хищные и коварные животные на свете. Это, так сказать, научный факт. И львы, и тигры, и пантеры, и леопарды — все они относятся к семейству кошачьих. А уж хуже домашних кошек, злее, коварнее ты и не найдешь.

— Да какие же это коты!? Тьфу, нечистая сила, — сплюнул Саня.

— Ну это мы посмотрим, — сказал Алек. — Через двадцать минут, — говорил он, глядя на ручные часы, — час Кота. Думаю, что крысы-стражники многое прояснят.

— А почему ты, — спросил Борис, чувствуя, что холодеет от его подлости, никак не прикрытой, — так не любишь котов? А крыс любишь. Разве они лучше?

Тем временем Саня вдруг дурашливо запел во весь голос:

— Час Кота, час Кота, час Кота, говорят, наступает!..

И ученый наш друг, он кота непременно поймает!..

Саша одобрительно и хрипло рассмеялся. Алек укоризненно покачал головой. Все на мгновение затихло в зале. Коты-джентльмены одновременно повернули свои чисто вымытые холеные физиономии к их столику и так же одновременно отвернулись. Даже лукавые котики и жеманные кошечки, даже большая черная кошка, кутавшаяся в черную пуховую шаль и в одиночестве попивавшая себе чай, встрепенулись, посмотрели на прооравшего песню Саню, но тут же снова вернулись к своим занятиям: котики и кошечки к игривым разговорам, а большая кошка к чаю с баранками. Борис почувствовал облегчение, что Степа предупрежден, и с симпатией поглядел на Саню, так ловко разоблачившего Алека. А коты, похожие на леших, тоже заорали песню:

Здесь и вправду ходит кот!
Как направо — так поет,
Как налево — так загнёт
Анекдот!
Но ученый сукин сын
Цепь золотую снес в торгсин
И на выручку один
В магазин!
Как-то раз за божий дар
Получил он гонорар —
В Лукоморье перегар
На гектар!
Но хватил его удар
И, чтоб избежать божьих кар,
Кот диктует про татар
Мемуар!

Теперь рассмеялся Алек.

— Слышал? — спросил он Бориса снисходительно-объясняющим тоном. — А ты спрашиваешь, почему я котов не люблю! Да из здравомыслящих людей их никто не любит. Коты ведь главные враги крыс. Ну и, как ты, старик, понимаешь, занимаясь крысами, не мог я

не уделить внимания и их исконным врагам, по научному называемым "фелидэ". Строение тела кошки можно считать известным всякому, о них и Брэм писал, да и каждый их где-нибудь да видел. Кошки представляют собой самый совершенный Тип хищника. Всякий привык видеть перед собою сильное и вместе с тем красивое туловище, но красивое, старик, говоря условно, по привычке; мне, например, кошки не кажутся красивыми. Обрати внимание на почти круглую голову, сидящую на толстой шее, умеренно длинные ноги с толстыми лапами, длинный хвост и мягкий мех, с окраской, близко подходящей к окружающей среде. Но нельзя, друг мой, забывать, что перед нами типичные агрессоры. Орудия для нападения достигают у котов большого совершенства, надо отдать им должное. Зубы у них являются страшно-смертоносным орудием. Клыки представляют длинные, сильные, едва изогнутые конусы, далеко оставляющие за собою все остальные зубы по своему разрушительному действию. А мелкие резцы, а сильные коренные зубы, снабженные буграми и остриями и хорошо прилаженные на обеих челюстях друг к другу!.. В полном соответствии с такой системой зубов находится толстый мясистый язык, особенно замечательный тем, что спинка его покрыта тонкими, ороговелыми, направленными назад острыми шипами, сидящими на неровных сосочках. Ты понял, старик, — говорил Алек, тиская руку Бориса и опять не выпуская ее из своих лап, — даже язык у них — оружие! Но зубы представляют, однако, не единственное оружие кошек: когти их являются не менее ужасными приспособлениями для схватывания добычи и нанесения смертельных ран их жертве или для отражения неприятеля в борьбе. Нога кошки — одно из самых ужасных орудий, какое только можно себе представить. Вот погляди!

Он отпустил руку Бориса, подтянул вверх рукав пиджака, расстегнул рукав рубашки, а Борис, пользуясь возможностью, быстро убрал свою руку со стола и спрятал ее в карман пиджака, затем глянул на руку Алека и увидел на кисти длинные синие полосы — заросшие шрамы, следы кошачьих когтей.

— Вот ведь что бывает, старик, — сказал Алек. — Ни за что, ни про что, просто на прогулке, дождался

удобного момента какой-то кот и полоснул меня когтями. И не испугался, меня, человека! Не случайно про них говорят, что характер большинства кошек представляет сочетание спокойной обдуманности, постоянного лукавства, кровожадности и безумной отваги. А жестокость, какова жестокость! Ты знаешь, как коты, так сказать, играют со своей добычей. В научных книгах говорится, а наука, старина, вещь объективная, что, подкравшись достаточно близко к добыче, вдруг, одним или несколькими прыжками кот набрасывается на свою бедную, несчастную жертву, какую-нибудь ни в чем не повинную птичку или мышку, вонзает ей свои страшные когти в затылок или бок, валит на землю и, запустив несколько раз свои ужасные зубы в ее тело, на некоторое время впивается в нее. Приоткрыв затем несколько рот, но не выпуская схваченное животное совершенно, — да вы слушайте, это прямо строгий, клинический анализ их поведения, и можете не ухмыляться, посмотрите лучше, как наш юный друг внимательно слушает, и вам того же советую, чтоб оболещений не было по поводу кошачьего благородства, — так вот, не выпуская жертву, кот внимательно присматривается к ней и тотчас же начинает снова ее кусать, коль скоро заметит в ней хотя малейший признак жизни. Как замечает великий Брэм, это не мои слова, ты, Саша, можешь свой иронический взгляд при себе оставить, а по словам великого естествоиспытателя, многие виды кошек во время пожирания добычи рычат или мурлычат и двигают кончиком хвоста; эти звуки, как полагают ученые, выражают одновременно и удовольствие и гневную жадность. Большинство же котов имеет отвратительную привычку долго мучить свою жертву, — говорил Алек самоудовольно-ученым тоном, развалиясь на стуле и высокомерно-покровительственно посматривая на своих собеседников, хотя одновременно в его интонации чудилась Борису и некая тревога, даже испуг. — Они предоставляют ей как бы свободу, дают ускользнуть, но в должный момент снова схватывают, снова кусают, затем опять отпускают и продолжают эту жестокую игру до тех пор, пока животное не истечет кровью.

Алек сидел такой сытый, ухоженный, посматривал

покровительственно на Сашу с Саней, был снисходительно-высокомерен и, судя по всему, доволен жизнью.

— И откуда ты такой умный взялся? — спросил Саня. — Все-то ты знаешь, все прочитал. Давай выпьем, хороший ты человек.

— Ладно, помолчи, — сказал Саша. — Пусть он говорит, что хочет, а мы и в самом деле выпьем, — от последней рюмки он опять слегка осоловел, но подставил стакан Алеку, с готовностью наполнившему его. — Я хочу сказать тост за нашего друга, — он положил руку на плечо Бориса и привстал, держа в другой стакан с зеленым пойлом, — за его ум, который у него есть, храбрость и находчивость, которые... — он помолчал... — у него тоже есть.

— Конечно, — подхватил Алек, — пусть он только с котами не связывается, и все для него хорошо кончится. Пусть на ученую карьеру нацеливается. Карьеру надо, старик, сейчас начинать, в молодости. Потом поздно будет.

— А это уж не твоя забота, — отрубил Саша. — И вправду умнее всех нашелся. Где это ты так ума поднабрался?

— А в крысиные университеты ходил, — с бесстыдным цинизмом отвечивал Алек. — Они как раз для умных, и пьяниц туда не пускают. Там всем наукам обучиться можно.

— Еще бы, — сказал Саня, — мы и не спорим, там, небось, даже высшую математику преподают!..

— Напрасно смеешься, — холодным, ледяным даже тоном заметил ученый, оправляя манжеты своей рубашки. — В математике они побольше нашего разбираются, надо отдать им должное. Да и ты помнишь, я полагаю, — обратился он к Борису, — ведь ты в отличие от этих пропойц все же хоть в школу ходишь, замечательную поговорку, должным образом оттеняющую роль крыс в математике, — следующую фразу он произнес распевно, выделив ее голосом. — Биссектриса — это крыса, она ходит по углам и делит угол пополам. Припоминаешь? Ну, разумеется. А если ты вспомнишь, я тебе рассказывал о симбиозе крыс и людей, и ты, я помню, соглашался со мной. И в математике этот симбиоз тоже оказался весьма

плодотворен. Мы математически взаимообогащаемся.

Но так как вид у Бориса был растерянный и обескураженный, Алек пояснил:

— Может, ты не понимаешь значения этого слова? Симбиоз, или по гречески симбиозис, означает сожительство организмов различных видов, обычно приносящее им взаимную пользу. Понял?

— Да я не о том, — возразил Борис. — Как же это получается? Коты обладают безумной отвагой, самые опасные хищники, а потерпели поражение от крыс? Крыс, про которых говорят, что они первыми бегут с тонущего корабля. Значит, они трусы, а — победили. Вот чего я понять не могу.

— Крысы — трусы?! — воскликнул Алек. — Ты плохо слушал меня. Крысы — великие путешественники и могучие бойцы. Они не боятся ни крови, ни грязи, ни хвори. Но они мудры и понапрасну не желают гибнуть!

— Он прав, — Саша выпил стакан, поставил его на стол и мотнул пьяной головой; черты его лица — и так нечеткие — от выпитого спиртного словно расплылись, смазались, а может, это казалось Борису от угара, шума и чада Деревяшки, от головной боли и дурноты, опять охватившей его. — А ты не прав, — погрозил Саша пальцем Борису. — Плохо ты Сеттон-Томпсона читал. Крысы — это воители. У него в книге рассказывается, как бросили одного крыса с вырванными резцами в клетку к четырем гремучим змеям на корм. Так он убил всех четырех, хотя и сам погиб, — Саша опустился на стул, уткнул голову в руки и неожиданно громко захрапел. Видимо, питье подействовало окончательно. Саня тоже клевал носом, с трудом удерживаясь на стуле. Борис остался с Алеком один на один. Он напрягся, не вынимая рук из карманов.

Но Алек вроде бы и не думал хватать его за руки.

— Вот видишь, — назидательно сказал он, — до чего доводит невоздержанность в спиртном. Полная победа зеленого змия. А ведь в одном классе когда-то учились, и тогда они в отличниках у нас ходили. Да-а, вот как можно себя потерять.

— Но ты же сам им принес и наливал! — возмутился Борис.

— А что мне оставалось делать? Без подношения они за стол к себе никого не пускают, — Алек говорил, а Борису мерещилось, что по зале зазмеился молочный влажный туман. И фигуры людей, котов, предметы словно поплыли в этом тумане.

— Вот они все на меня нападают. Идею научной карьеры пытаются опорочить. А что они сами могут тебе предложить? — говорил Алек.

— Дружбу, — неуверенно ответил Борис.

— Пустую довольно-таки дружбу. Дружбу пьяниц. Что ж, ты так с ними всю жизнь и просидишь в Деревяшке? С Саней выпьешь, а с Сашей закусишь. Это разве для тебя выход? Нет, это не карьера.

Борис опустил глаза. "При чем здесь карьера? Разве он не знает, что карьеризм — это нехорошо. Нам еще в школе об этом говорили. Не нужна мне никакая карьера", — в пятнадцать лет и вправду такие вещи решаются просто. Но в чем-то Алек был точен. "От них, — Борис посмотрел на Сашу с Саней, — помощи и в самом деле не дождешься".

— Что же, — спрашивал Алек, — они тебе так и не сказали, как и где Мудреца найти?

Борис растерянно молчал, не зная, что ответить.

— Ну адрес-то и я тебе сообщить могу, — продолжал Алек. — Дом четырнадцать, корпус четыре, квартира шестьсот пятьдесят восемь. Но не в адресе штука. Пути к нему нет, вот что. Мудрец, одно слово. Все мудрит. Как бы, однако, сам себя не перемудрил. Ни с кем из этих, — Алек кивнул на Сашу с Саней, — не встречается, к себе никого не принимает, вроде бы тихий такой. А сам тайну какую-то знает. Тем и опасен, понимаешь? Вот бы нам с тобой к нему в доверенность войти, тайну эту узнать, тогда нам никто здесь не страшен, а? Мы бы с тобой главными людьми стали... А? Может, он тебя примет... если путь разведать... Только где там! Все пути-дороги заворожил. Что скажешь?

Борис пожал плечами. Опять кружилась голова, да так, что тянуло на рвоту, от навалившейся слабости на лбу и на всем теле выступила испарина. Он никак не мог понять, как, впрочем, и в первую свою встречу с Алеком, почему он слушает его, почему не скажет прямо, что считает его негодяем и прислужником

крыс. Конечно, эффектнее встать из-за стола и уйти, но идти в общем-то некуда, а сказать стоило. Но он не говорил. Тогда он подумал, что, может, и правильно он поступает, таится, чтоб не рассекретить, что он будет делать. Хотя, по правде, он-то как раз и не знал, что делать, знали все окружающие, а он только приглядывался да вертел головой во все стороны, как озадаченный щенок.

— А, может, ты хочешь домой вернуться? — ласково вдруг спросил Алек. — Так это можно устроить. Может, это для тебя, старик, и вправду лучший выход. Отоспишься, поправишься.

"Что это они меня все домой спроваживают? Не то я им мешаю, не то испытывают..." — подумал Борис.

Между тем разговор между котом Степой и Эмили закончился, она кивнула головой, он поцеловал ей руку. Она встала, отодвинула стул и решительными шагами направилась в сторону Бориса и Алека. Алек это словно почувствовал — вздрогнув, обернулся и тут же снова повернулся к Борису. Столько ярости было во взгляде идущей к их столику юной девушки, резкости и порывистости в движениях, что, казалось, дай ей возможность — разнесла бы вдребезги Деревяшку и ее обитателей: Алек даже на мгновение съезжился. Она поглядела, усмехнувшись сухими губами, на храпящего Сашу, на кемарившего Саню и пробормотала:

— Совсем совесть потеряли... С кем бы ни пить, лишь бы выпить. Даже с отъявленным подонком!

Борис подумал, что она не совсем права и слишком ригористична, ведь Саня предупредил котов, а Саша тоже готов был это сделать, но она тем временем подошла к глядевшему на нее робко Борису, наклонилась вдруг и поцеловала в голову:

— Я верю в тебя, — шепнула она помягчевшим и нежным почти голосом. — Ты будешь настоящим Рыцарем. Не знаю, как это произойдет и когда, но это будет. Хотя ты и так — сам по себе. Я же понимаю, что ты — Борис.

И тут же резко бросила Алеку:

— А тебе не видать меня как своих ушей! Запомни это!

Алек уже собрался, иронически и снисходительно улыбнулся:

— Тебе бабка что говорила? Могу напомнить!

И, отчетливо выговаривая слова, произнес:

— Всё, что противится, —

Как-нибудь губится.

Смирится строптивца:

Стерпится — слюбится!

— На меня ее заклинания не действуют! — отрезала Эмили.

— Ничего, подействуют, как время придет.

Эмили рассмеялась коротким и сухим смехом. На месте Алека Борис бы испугался — столько ненависти и силы было в ее смехе и взгляде. Это уже была Ойле, хищная птица.

— Этому не бывать, заруби себе это на своем крысином, все вынюхивающем и выслеживающем носу! Я тебе не Саша и не Саня, меня так просто не возьмешь! Всё. Пока. А с тобой, — сказала она Борису, — судьба мне подсказывает, да и они говорят, — кивнула она на котов, — мы еще когда-нибудь будем вместе. Только нелегко тебе придется, да и мне не сладко.

Ойле пошла к двери, не оборачиваясь.

— Ничего, найду на тебя управу! — крикнул Алек.

Она не обернулась. Хлопнула дверь.

Борис сидел потрясенный. "Все они тут друг друга знают, и какие сложные, перепутанные между ними отношения. Я попал сюда, и все взбаламутилось. Наверно, поэтому они и хотят, чтоб я домой вернулся. Все успокоится, мать осядет, и все будет по-прежнему. Но самое ужасное я сейчас услышал. Что Ойле-Эмили, так получается, невеста Алека! И этот прислужник крыс хочет на ней жениться! Но этого быть не должно!"

— Она твоя невеста? — глухо спросил он.

— Разумеется, — ответил уже успокоившийся Алек. — Не за этих же пропойц ей замуж выходить. К тому же старуха хочет со мной породниться. Да и ты будь разумен. Если уж не хочешь домой, то во всяком случае ни к чему тебе с этими пьяницами связываться! И уж от души советую тебе — избегай всех похожих на котов. Можешь ведь ненароком и на На-

стоящих нарваться. А крысам это не понравится. Понимаешь? Я ведь тебе добра желаю. Я ведь чувствую, что в тебе есть какая-то сила. И крысы это тоже оценят. С ними, ей-ей, можно договориться. Клянусь тебе!

Но в этот момент, перекрывая утомительно-однообразный гул ливня на улице, шум и гам Деревяшки, кто-то сильно и тревожно застучал, почти забарабанил в окно. Все замерли и затихли.

Алек встревожился. Борис понял, что не ждал он этого барабанного боя в окно. Лицо его подергивалось, и сквозь снисходительную важность отчетливо проглядывал испуг. Это было видно, хотя по комнате полз белый туман. Но и лица, и фигуры разглядеть было нетрудно, они только будто плыли в побелевшем, молочном воздухе. Саня на стук в стекло открыл один глаз, но тут же снова закрыл, продолжая кемарить. Саша храпел по-прежнему, ничего не слыша, уткнув лицо в тарелку с остатками мясного рулета. Шурик, сверкая глазом и катя впереди себя тележку с погромыхивающими пустыми тарелками, кинулся на кухню, где тележку и оставил, а оттуда со всех ног к двери. Коты, похожие на леших, заговорили тихо между собой, а потом забулькали остатками питья. Борис повернулся посмотреть, что делают коты-джентльмены, как он их про себя окрестил, и вздрогнул — прихватив свои стулья, они примостились за их столом, отодвинув в сторону Алека и продолжая прихлебывать из тонких стаканов молоко. Да, это был Степа, только весь черный, без белых пятен на груди и на морде, и его приятель с гуцульскими усами, мрачным взглядом,

и тоже совершенно черный. Были они рослые молодцы, покрупнее Алека, с элегантными манерами, одетые в хорошо пошитые костюмы, в мягких сафьяновых полусапожках красного цвета, — только что коты.

— Ты не прав, — буркнул мрачный, продолжая разговор, — крышами мы бы еще спокойно ушли.

— А он? — кивнул на Бориса Степа. — Мы должны помочь.

— Никогда не поверю, — сказал обидно мрачный кот, — что среди этого человеческого сброда нашелся хоть один, который осмелился на Поступок! Ну, не считая Мудреца, конечно, — добавил он с пиететом. Степа, не обращая внимания на Алека, глянул на Сашу с Саней.

— М-да, грустная картина. Сонное царство, — проворчал он. — Не брались бы пить, раз не умеют, а ведь эти еще из лучших.

Алек сидел оторопело. Коты разговаривали, словно его и не было тут, не скрывая своей кошачьей принадлежности. Но все же, пригладив свои волнистые волосы, Алек нашелся что сказать:

— А я, например, слышал о странном пристрастии некоторых видов кошек к сильно пахучим растениям, скажем, к валерьяну или кошачьей мяте. Конечно, это, может быть, говорит о том, что обоняние у них развито очень слабо, так как животные, одаренные тонким обонянием, отнеслись бы с отвращением к подобным запахам. Коты же и кошки, как бы одурев, с упоением катаются в этих растениях. Я ни на кого не намекаю, просто это факт, засвидетельствованный наукой.

— Что ж, уважаю мужество и в противнике, — заметил Степа, — но о котах я тебе сейчас постараюсь кое-что пояснить поадекватнее, а пока скажу моему мизантропическому другу, что не следует все же терять веру в человечество. Вот Эмили всего-навсего человек, я полагаю, хотя и Старухина внучка, а постучала в окно, предупредила нас. Уверен, что ее кавалер окажется не хуже! К тому же Настоящих Котов отличает преданность старым друзьям.

Сумрачный кот иронически хмыкнул и, не скрывая своего недоверия, а то и презрения, посмотрел на Бориса, но промолчал. А Степа обратился к Алеку:

— Хочу тебе напомнить об одном из самых ужасных

орудий, какое только можно себе представить, — и он поднял лапу в черной перчатке, как бы занеся ее над головой Алека, но продолжал мурлыкающе: — Не обращай внимания, что она в перчатке, ведь ты же знаешь, что одним ударом своей ужасной лапы и стремительностью прыжка коты повергают на землю животное, которое далеко превосходит их ростом. А ведь ты не очень-то и крупен. Поэтому слушай меня внимательно. Я тебе кое-что расскажу о кошачьем семействе, чего, может быть, ты и не знаешь. Конечно, и у котов, как и у людей, есть свои слабости. Я сам рассказывал о пристрастии одного молодого высокоодаренного кота к валерьянке, пристрастии, погубившем его. Но надо ли над этим смеяться, как только что позволил себе ты? Коты, с их врожденной ловкостью, всегда выкрутятся из самых плачевных ситуаций, хотя их враги и будут думать, что кот погиб, да, да. А порой и друзья так будут думать. Но кот может, запомни это, — говорил кот, похожий на Степу (или сам Степа?), не опуская угрожающей лапы, — свалиться как угодно и при этом всегда умудрится прикоснуться к земле ногами и встать без значительного потрясения на мягкие подошвы своих лапок.

— Это верно, — угодливо, но стараясь не потерять своего достоинства и вместе с тем попасть коту в тон, согласился напуганный котовой лапой Алек, — Я сам сколько раз это наблюдал. Мне ни разу никогда не удавалось заставить кошку удариться спиной об стол или стул, как бы близко я не держал ее в этом положении над ними...

— Пришиби эту гниду хорошенько, а то я это сделаю, он даже не соображает, что говорит, настолько исподличался, — и мрачный кот, покусывая свои гусиные усы, привстал со стула.

— Это был всего-навсего научный эксперимент! — заверещал Алек.

— Тихо! — воскликнул Степа, зажимая ему лапой рот. — Твои крысиные друзья сейчас явятся, и потому ты уж помолчи! Но мне бы хотелось, чтоб они как пришли, так и ушли, и никого не нашли. Ты понял? Я, конечно, не братец Макс, великий и могучий Макс, Главный Кот, хотя, как говорят, и чертовски похож на него, но уж постоять за себя и за друзей сумею.

А ты ведь не хочешь, чтоб тебя постигла кара, а? И только с целью предупреждения возможных подлостей я кое-что хочу тебе рассказать из кошачьей истории. Тебе как ученому это будет полезно. Кот, как уверяют исследователи и историки, был самым священным из всех священных животных, почитавшихся египтянами. В то время, как другие животные обоготворялись только отчасти, коты одинаково чтились всеми подданными фараонов. Геродот рассказывает, что при пожаре в доме египтяне прежде всего старались спасти кошек и только затем уже приступали к тушению его. Смерть же кошки сопровождалась трауром, в знак которого обрезывались волосы на голове. Каждый, запомни это Алек, кто убивал кошку или кота не только с намерением, но даже случайно, подвергался смертной казни. Диодор был свидетелем, как одного несчастного римского гражданина, случайно убившего кошку, лишила жизни египетская чернь, несмотря на то, что власти, из страха пред могущественным Римом, приняли все зависящие от них меры к тому, чтобы успокоить народ. Трупы кошек искусно бальзамировали и погребали с церемониями. Среди набальзамированных животных чаще всего встречаются тщательно обернутые в полотняные пелены мумии кошек. Интересно ли тебе?

— Интересно, — лязгнул зубами трусливый Алек, поправляя очки, чтобы только не видеть двух кинжальных кошачьих взглядов, устремленных на него.

— Я так и думал, что ты любознательный и понятливый, — сказал с ласковой ужимкой Степа, — и тебе уже нет нужды рассказывать, как кузнец Архип тащил из огня кошку, заперев в горящей избе людшек вроде тебя. Это все в романе под названием "Дубровский" изложено, да, впрочем, мой друг может изложить эту историю лучше меня. Это его бабку тогда из огня спасли в селе Кистеневка.

— У меня есть правило не разговаривать с ублюдками и ничего им не рассказывать, — сурово и злобно отозвался мрачный кот. — И напрасно ты, друг мой, шутишь насчет моего происхождения, я и по сей день горжусь своим кистеневским происхождением. Недаром мои предки закалились и воспитались в огне крестьянского бунта.

Коты шутили и переговаривались, и вроде бы были уверены в себе, хотя и напряжены, но чувство тревоги не покидало Бориса. "Сейчас что-то должно случиться", — думал он. И вправду, дверь вдруг затряслась. Шурик, притулившись и прислушивавшийся у двери, получил распахнувшейся дверью удар по голове и упал, а в Деревяшку хлынули крысы. Именно хлынули, хотя, когда они все вошли, их оказалось не более двенадцати. А то, что это были крысы, Борис догадался по их наглым властным ухваткам, несмотря на то, что были они в плащах с капюшонами, скрывавшими лицо. И странно: тревога и боязнь тут же исчезли, возникло спокойствие холодного наблюдателя, рожденное яростью попавшего в ловушку без выхода.

Переступив через валявшегося на полу Шурика, они полукругом, не торопясь, двинулись, охватывая залу в полукольцо. На сей раз и в самом деле все затихло, да так, что тишина стала слышна до звона в ушах. А вошедшие скинули с головы мокрые капюшоны и, как Борис и ожидал, оказались крысами, похожими друг на друга словно братья родные — рост в рост, голос в голос, волос в волос. Серые, длинношерстные, длинномордые, усатые, они остановились, раскачиваясь, покачиваясь, и, как в балете, делая броски всем телом то вправо, то влево, имитируя баскетбольные движения, запели:

Вьются нити —
Все молчите!
Все сидите!
Не шумите!

Они пели, как крысы из любимого бабушкинского "Щелкунчика" Гофмана, и было в этом пении то, что не чувствовал Борис при чтении книг, — презрение ко всему не крысиному и ничем не останавливаемая жестокость, не останавливаемая потому, что она не считает себя жестокостью, а считает нормой. От их пения открыл глаза Саня, увидел крыс, побелел и в их сторону бросился. Не переставая раскачиваться, они выхватили из-под плащей длинные тонкие мечи и направили на него острия:

Ты куда? Сиди покуда,
Лязг мечей внимай!
Не ищи добра от худа...

Но Саня перебил их, стараясь просочиться между мечей:

— Да мне в сан-узел! Узел имени Сана. Дураки вы что ли совсем? В сан-узел человека не пускать, когда у него живот схватило и пучит!

Но нахальство ему не помогало, наталкивался он только на острия мечей, и глумливые слова, как хлысты, гнали его назад:

Обобьешься, обомнешься!
Ты живот напрасно пучишь!
А метнешься, так нарвешься,
По балде мечом получишь!

— А почему они в рифму говорят? — шепнул Борис Степе. — Они тоже стихи сочиняют?

— Ритмически организованная речь, даже с рифмами, — наставительно, но тоже тихим голосом ответил кот, — это еще не поэзия. В данном случае ритмически организованная речь служит просто для лучшей согласованности действий.

Саня понуро вернулся на свое место, а мрачный кот выдохнул:

— Ты по-прежнему уверен, что он из лучших?

Добрый Степка кивнул головой и шепнул в ответ:

— Конечно, он не плохой!

— Ты слишком добр к этому народишку, — прошипел угрюмо его приятель, — а я так думаю, что все они спились до конца. Все жду, когда они хрюкать начнут, как свиньи.

Крысы с обнаженными мечами сделали несколько шагов вперед:

Не вертитесь,
Не шепчитесь!
А молчите!
И дрожите! — пели они.

Потом они остановились и потребовали:

— Алека сюда!

— Иди да помни, — ласково, еле слышно напутствовал его Степа, — помни о лапе кота и о могучем прыжке.

Алек стал, жалко и криво улыбаясь, передернул плечами и пошел к крысам, приглаживая волнистые

свои волосы, поправляя очки и подрагивая испуганно задом. Он шел, крысы ждали, а Борису казалось, что все, что происходит здесь, уже когда-то в его жизни было. Что уже когда-то сидел он за таким столом, а откуда-то извне надвигалась опасность, но он почему-то не боялся, а все вспоминал понравившуюся девушку и хотел доказать своим собеседникам, особенно одному, мрачному мизантропу, что, несмотря на его обидные слова, он, когда придет его время, проявит себя с самой лучшей стороны. "Явление ложной памяти, — подумал Борис. — Так называется, когда тебе кажется, что с тобой сейчас происходящее уже происходило". А Алек тем временем подошел к крысам, шаркнул ножкой и, сняв очки за дужку, стал вполборота и обвел рукой зал:

— Все спокойно, ничего подозрительного не замечено, — сказал он. — Людишки: Шурик, Саша, Алек, — он полупоклонился, — Сан и др. Нечистая сила: домовые, лешие, водяные, ведьмы, русалки, водяницы, кикиморы и марухи.

Крысы удовлетворенно и благосклонно ему кивнули и, засовывая мечи в ножны под плащи, стали пятиться к двери. И тут сидевшая в дальнем углу черная кошка в черном платье и черной пуховой шали вскочила, сбросила с плеч шаль, на правом плече у нее оказался огромный паук с выкаченными на стебельках злобными глазками, выхватила из-под стола клюку и воскликнула во весь голос:

— Марухи!.. Но ты ничего не сказал о Старухе!

Крысы остановились и так сильно толкнули Алекка, что он отлетел назад и приземлился за своим столиком.

— Вот чертова Старуха, — буркнул Степа. — Как же мы ее проглядели, — и он резко пхнул в бок Сашу: — Проснитесь, рыцарь!

— А? Что? — разлепил тот мутные глаза.

— Говорил я тебе, что надо уходить! — мрачный кот зверовато оглянулся по сторонам.

А кошка ударила клюкой в пол и вскричала:

— Под полом, под полом ходит барыня с колом! Кто бел горяч камень Алатырь изложет, тот мой заговор переможет!

Что тут началось!

Черная кошка, или, как уже всем стало понятно, Старуха, в Старуху и превратилась, длинную, тощую, одетую в черное платье и черный платок, из-под которого вылезали белые лохмы волос, с сухой и, похоже, шуршащей как бумага кожей. В руке она держала поднятую вверх клюку, а по клюке быстро карабкался паук, через минуту оказавшийся на потолке и немедленно поведший свою паутину к столику, за которым сидел Борис и коты. Два жеманных котика оказались совсем не котами. Один — молодым, чешуйчатым драконом (не замеченным Алеком), с треугольной мордой, похожий на варана; из пасти у него валил дым, а минутами высвечивалось пламя, когда он тяжело вздыхал. Другой, напротив, был вылитый водяной, как его рисуют в сказочных книжках: с густыми перепутанными волосами, рожками, вылезавшими из-под волос, и весь в зеленой тине, с одежды его капала на пол вода. Себеседницами у них были две юные не то водяницы, не то русалки (различать их Борис не умел), и тоже все в тине, застрявшей и облепившей их длинные волосы. В зале запахло разогретым летним болотом. Коты, похожие на леших, лешими и оказались, — лохматыми, седыми, рогатыми, с большими когтетыми лапами. Они тут же затаили песню "Светит месяц, светит ясный", а один из них, не переставая, бормотал одну и ту же фразу: "Отчего я сед? Оттого, что чертов дед". Среди них затерялись двое вполне симпатичных, маленьких домовых, с почти человеческим обликом, только лица у них были покрыты белой шерстью. Девушки за этим столиком были все сплошь почему-то зеленого цвета и различались только своей стрижкой: были с косами, были лохматые, а были даже с коротким ежиком; очевидно, их-то Алек и назвал кикиморами, ведьмами и марухами.

Все в зале пробудились и задвигались. Саша и Саня тоже трезвели на глазах и вопросительно смотрели на котов. Степа и его приятель, единственные из всех котов оставшиеся котами, медленно поднимались из-за стола. Крысы, тоже медленно, двинулись полукругом к их столику, выставив вперед мечи. Борис вздрогнул и оцепенел: выхода не было. И услышал тихий, уверенный голос.

— Спокойно, — сказал Степа. — Надо подниматься,

Боря. Пойдешь с нами, — движения кота из плавных вдруг сделались стремительными. — Не бойся, мы тебя не оставим. Сан! — резко выкрикнул он. — Держи Алека! Саша! Баррикаду из столов! — и, откинув полу пиджака, он выхватил левой лапой длинный, тонкий кинжал. То же самое сделал и мрачный кот.

— Я с ним пообнимаюсь, — заорал Саня и накинудся на Алека. Но тот увернулся, вскочил, однако Саша, несмотря на недавний пьяный сон, оказался проворнее. Он ухватил мощной рукой Алека за шиворот и швырнул в объятия Сани. Коты стояли спина к спине, быстро оглядываясь. Паук завис совсем было над головой Степы, но тот мгновенным ударом острого кинжала перерубил нить, и паук свалился на пол. Мрачный кот с силой наступил на него ногой и растер по полу. Старуха взвизгнула. Люди полезли под столы. В правой лапе у мрачного кота оказался кистень на цепочке, который он начал яростно вращать над головой.

— Скорее! — крикнул Степа. — Теперь скорее! Уходим через кухню! Борис, шевелись, шевелись, поверь мне, пора! А ты спрячь кистень, не время героизмовать!

— Они не пройдут! — прорычал мрачный кот и еще сильнее закрутил кистенем. — Наконец-то я схвачусь с ними в открытую. Я долго сдерживался, но моему зароку вышел срок!

— Это тебе еще предстоит! — оборвал его Степа. — За мной!

Алек и Саня валялись по полу, мешая крысам двигаться. Саша опрокинул стол, за которым они сидели, а теперь, расшвыривая леших, домовых и кикимор, валил второй стол, устраивая баррикаду из столов и стульев. На время тыл был защищен.

Борис рванулся, чтобы встать.

* * *

Но чья-то рука легла ему на лоб, удерживая.

— Не тянись, сынок, не тянись. Я сама тебе дам, что хочешь. Не вставай только. На, попей, — голос бабушки Насти звучал совсем рядом. Он открыл глаза и вместо дыма, тумана, острых лезвий и искаженных лиц всевозможных страшилищ увидел ее беспокой-

ный взгляд и бородавку на правой щеке, с тремя росшими из нее волосками. И почувствовал вдруг, что был он в напряжении, а сейчас успокоился. — И куда ты все тянешься, тянешься, — говорила бабушка Настя, убирая в сторону стакан и, приподняв ему голову, переворачивая подушку, — кричишь все время! Это дед тебя давеча напугал крысами, вот ты с ними все во сне и воюешь. И девку какую-то с иностранным именем поминал, вроде не то она тебе, не то ты ей стихи читали. Бред это у тебя, Борюшка, одно слово, бред, — бабушка Настя как всегда, что в данный момент думала, то и говорила, безо всяких воспитательных задач, и за это Борис любил ее еще больше. Но сейчас все его раздражало, и даже бабушкина простота, из-за которой она не понимает, что с ним происходит. — Ну да доктор тебе хорошие лекарства прописал, поправишься, и бред этот пройдет. А ты еще вот чайку с малинкой попей, пока проснулся. А то ночью все отказывался, все бежал куда-то. А когда болеешь, надо тихо лежать.

— Да нет... бабушка... я должен... меня ждут... только я не пойму, кто у них рыцари... — бормотал Борис несусвятицу. — Крысы там, крысы...

— Крыс много, — согласилась бабушка. — Весь подвал загадили. Котэ на них нет. Уж и мышеловки, Борюшка, не помогают. И в соседние подпола понабегали. Перед соседями неловко. Дед уж их решил незнамо чем травить, да боюсь, Борюшка, как бы мы сами ту отраву не съели. Опасаюсь я этого. Разбросают по полу, а внизу-то тёмно, и не заметишь, как она в еду просыпется. Нет, я против отравы, — советуюсь, доверительно шепнула бабушка.

Борис откинулся назад на подушки, которые были так высоко поставлены, что он полусидел-полулежал. Лоб, лицо были в испарине, спина мокрая, ногам потно и жарко под ватным одеялом. Доски подпола были опять открыты, и внизу, чертыхаясь тихо, бродил дед Антон. "Бабушка зубы мне заговаривает, а помочь ничем не может, — почему-то с неприязнью и огорчением думал Борис. — А маму с папой не зовет. Где они?" Но, по правде сказать, видеть сейчас ему хотелось не маму, а отца, слишком для него была решительная минута! И хотелось не маминой твердости и прямолинейной решительности, а мужской рассудительной

мудрости, придающей внутреннюю уверенность. Пусть отец и сердится на него..."А я улыбнусь совершенно спокойно и не покажу виду, что тяжело болен. Просто я расскажу ему мой сон и спрошу, как бы он поступил на моем месте и что сей сон значит".

— А где папа? — спросил он.

Бабушка вздохнула.

— Ох, Борюшка, никак дед не дозвонится. Ведь сам отец локти кусать будет, что не приехал, особенно когда гнев на сына имел. От гневного сердца потом раскаяния больше. На гневливых на том свете воду возят. Да и не в том дело. Сын ведь маленький, а он большой! Вот пусть и рассудит по-людски, хорошо ли сердиться на того, кто меньше тебя!..

— Я не маленький! не маленький! не маленький! — закричал Борис и закрыл глаза. И тут же почувствовал тошноту и почувствовал, что куда-то его тянет, и он снова проваливается в черноту. Хотел открыть глаза, но не успел: чернота засосала его, и он, не удержавшись, таки провалился.

* * *

Алек, вырвавшись из рук Сани, метнулся к Борису и, хрюкая, вереща, хрипя, шипя, попердывая и хлюпая носом, ухватил Бориса за щиколотки ног. Ноги как железом оковало. Борис дернулся, но встать не мог. Он наклонился, чтоб оторвать от себя руки Алека. Но, изловчившись, Алек ухватил его за волосы. Саша обернулся и, увидев происходившее, бросился к ним.

— Пусти! — рявкнул он и, рванул Алека за шиворот, потянул его на себя, но тот не разжимал лап и уронил Бориса вместе со стулом. Саша запыхался, пот струился у него по изрытому складками лбу, и весь он словно плыл в тумане. И все же ему удалось разжать руки Алека.

— Беги! — крикнул он.

Борис вскочил, но, как уже у него было, он почувствовал, что в этом тумане все движения его — как в замедленном кино (которое иногда показывали им на уроках физики, биологии, физкультуры, чтобы они могли подробнее разглядеть необходимые процессы).

Он мог наблюдать себя и окружающих как бы со стороны, как посторонний зритель, а не как участник. И двигался он плавно, неторопливо, словно и не надо спешить. В такую замедленную секунду умещается, оказывается, ужасно много. Он видел, как сидящие под столами люди баррикадируются стульями, портфелями, сумками, словом, всем, что у кого есть. Водяной разлил по полу огромную лужу. А дракон, оперев о стол передние лапы, хищно смотрит на приближающихся к нему котов. Крысы разметали баррикаду из двух столов, но Саша кинул им навстречу Алека, опять задержав их ненадолго и рыча:

— Это я еще могу!

Лешие, домовые и кикиморы с марухами сгрудились у окна, не принимая ни чьей стороны. А Старуха, ударив клюкой, сопя от злобы, кричала:

— Паука мово убили! Сладенького увести задумали!

И вдруг гаркнула, как командир артиллерии:

— Огонь!!! — и ухмыльнулась, приговаривая: — Огонь не вода — охватит, не выплывешь.

Дракон открыл пасть, и оттуда хлынуло пламя, встав стеной и перегородив проход к кухне. Чудище шумно вдыхало и выдыхало, поддерживая огонь. Борис впервые видел, как дракон огнём дышит, полымем пышет, но зрелище это не потрясло его, хотя пламя рвалось не только из драконьей пасти, но и из ноздрей, а дым валил из ушей. Но он был как зачарован, двигался плавно и медленно-медленно. Степа повернулся, схватил его за руку и потащил за собой. Пламя опалило их.

— Не бойся! Прыгай! Пронесет! Главное — скорость! — молил Степа, дергая его за руку.

— Скорее! — кричал им из-за пламени мрачный Степин приятель.

А Борис почему-то и не боялся. Он прыгнул, замутившись, и погрузился в огонь, который обнял, охватил его со всех сторон. И на мгновение его обуял ужас, что он тут и останется, и сгорит. Но инерция движения пронесла его и, опаленный, но живой, он очутился по ту сторону огня. Следом за ним из огня выпрыгнул Степа. И он, и его приятель побросали кинжалы, прикрывая лапами от огня свои усы. Усы были целы, но оружие пропало.

— Бежим! — Степа дернул Бориса за руку.

— Опять бегство? — спросил Борис.

Угрюмый кот еще больше нахмурился, в свете огня видно было, как позлобнело выражение его глаз, сплюнул, но плевок испарился от жара. А Степа вместо ответа волок Бориса за собой, втолковывая ему на ходу:

— Если б ты был один, ты — крысиная добыча, двое — это, твоя правда, бегство, но трое — это прорыв!

И вот они на кухне. Массивная, четырехугольная, посередине помещения вделанная в пол плита, огромные сковороды и кастрюли, на которых и в которых запросто может поместиться человек (Борис даже подумал, может, они здесь спрячутся, но нет, их путь лежал дальше), очаг, ухваты, вертела, топоры для рубки мяса, дрожащие повара в белых халатах, толпящиеся все в одном углу, поднос с чистыми тарелками, брошенный кем-то из них на пол, осколки. У стены мойка посуды — три лохани, в которые льется из кранов горячая и холодная вода: в первой совсем грязные тарелки — черновая обработка, смывающая остатки пищи, в другой уже их моют, а в третьей споласкивают, а потом протирают мокрым, грязным полотенцем. Жара, духота и вонь стояли тут несусветные.

Борис чихнул, закашлялся, наклонился и его неожиданно вырвало прямо на пол. И тут же морок и навяжение кончились. Он снова почувствовал, что все его движения, его тело, его желания и стремления принадлежат только ему, что он сам себе хозяин. И он вырвал руку из Степиной лапы, собираясь дальше двигаться самостоятельно. Замедленная киносъемка окончилась, предметы перестали плыть в тумане, встали на свои места.

— Когда же это ты все-таки выпить успел? — с интересом спросил вдруг Степа, глядя на него.

— Я только пригубил раз, — повинулся Борис.

— Ну хорошо, что все кончилось! Прекрасно! Хватите топоры, друзья, и дальше, за мной!

— Не учи ученого, — буркнул мрачный кот, поднимая самый большой топор. Борис последовал его примеру.

Тяжелый мясницкий топор оттягивал руку, но тя-

жесть была приятна. Это была тяжесть оружия, защиты. С топором в руках Степа бросился к выходу, Борис за ним, следом второй кот. Из зала доносились злобные выкрики налетевших на огонь крыс. Потом гудение пламени прекратилось и послышался топот крысиной побежки. Но они уже сквозь кухню выскочили в длинный коридор. Степа захлопнул за ними дверь, в лапах у него появился ключ, очевидно, подобранный им на кухне. Он засунул его в замок и трижды повернул. Дверь теперь была заперта.

Они двинулись быстрым шагом по коридору. Коридор был узкий, так что Борис и Степа шли рядом, а угрюмый кот чуть поотстав. Коридор вел куда-то под уклон, вниз. Мимо буфета, куда шарахнулись случайные встречные людишки, мимо громадных напольных весов, стоявших в заглиблении стены, мимо набросанных друг на друга пустых деревянных и картонных ящиков, развалившихся кучей, они трое вошли, почти вбежали — сквозь проход, перекрывавшийся массивной стальной дверью — в продолжение коридора. Массивная дверь со стальными засовами была сейчас откинута к стене, открывая дорогу. Степа и второй кот бросились к двери, пытаясь задвинуть ее, перегородить путь преследователям, дверь словно нарочно была для этого создана, ее мощные засовы казались несокрушимыми. Но то ли она от долгого употребления заржавела или сломалась, то ли была с секретом, которого они не знали. Борис попытался помочь, но и втроем они не могли одолеть дверь. И они

побежали дальше, мимо гардероба для служащих, мимо подсобных помещений, не освещенных и пугающих своей темнотой, дальше, по суживающемуся и снижающемуся коридору. Сзади послышался треск, грохот, а затем топот быстрой побежки. Это крысы взломали запертую кухонную дверь и теперь преследовали их, почему-то тонко и пронзительно пища. От их писка ломило в ушах и отдавалось совершенно непереносимой болью в голове.

Борис бежал, держа топор в опущенной руке и думая, что как же им не повезло, что не удалось закрыть массивную, со стальными засовами дверь! Хотя в какой-то момент ему почудилось: еще маленькое их совместно усилие и дверь заскрипит, закрываясь, как и бывает во сне, когда пора просыпаться и надо отделаться от преследующих тебя врагов — сразу все двери закрываются, оружие разит без промаха и без пощады, а враги рассыпаются и исчезают. Но, видно, не пришла еще пора просыпаться. И вот он бежал следом за Степой, задевая то рукой, то плечом холодные стены коридора. Стены были выкрашены жабье-зеленой масляной краской и казались еще более холодными, потому что были ко всему прочему почему-то влажными, словно откуда-то сверху сочилась вода. Борис посмотрел под ноги и увидел, что каменный пол коридора тоже покрыт тонкой пленкой воды, как и они, бежавшей куда-то под уклон. "Неужели дождь сюда просочился?" — с удивлением думал Борис, поднимая глаза к потолку. Но потолок был сухой, пыльные и потому неярко горевшие лампочки, болтавшиеся на длинных шнурах через каждые десять метров, вполне позволяли это разглядеть.

Пронзительный крысиный писк усилился до такой степени, что захотелось бросить топор и упасть на пол, зажимая руками уши. Но на котов, видимо, этот писк не действовал. И когда Борис уронил топор и прижал-таки ладони к ушам, бежавший сзади мрачный Степкин приятель молча подобрал Борисов топор и толкнул этим топором его в спину, понуждая бежать дальше. И вдруг Степа остановился и повернулся:

— Ага! Где-то здесь, мне кажется...

Кошачий приятель его кивнул, а Борису сказал сурово и презрительно, протягивая топор:

— Держи. Такие хлюпики, как ты, должны по домам сидеть да бабушек с мамочками слушаться, чаек с малиной пить и в пуховые платки кутаться, а не лезть туда, где и без них могли бы обойтись. И где от них все равно никакого проку не будет.

Борис принял топор и ничего не ответил, потому что кот вроде бы был прав и попал в точку, но одновременно и не прав, как казалось Борису, но неправоту его он мог доказать только делом. А потому он постарался перевести разговор.

— Откуда здесь столько воды? — спросил он, обращаясь к Степе. Произнося эти слова, он невольно почувствовал некую странность ситуации. Он, когда-то Степкин хозяин, уж во всяком случае старший, привыкший покровительствовать маленькому котенку, обращался к нему за моральной поддержкой, как если бы он теперь был младший, а Степка — старший. Не его ли, Степку, тискал он совсем недавно, приговаривая: "Ах ты, котячья мелкота!", а тот довольно урчал и мяукал, призывая продолжить игру, когда Борис оставлял его в покое. А нынче перед ним стоял Настоящий Кот, обаятельный, как Д'Артаньян, судя по всему, могучий воин, который при этом, стараясь не уронить авторитет Бориса, отвечал деликатно и уважительно, как бы даже советуясь с ним:

— Н-не знаю. Возможно, они водяного подключили. Иначе действительно, откуда столько воды. Да, пожалуй, ты прав. А сам-то ты как думаешь, а?

— Не знаю, — неуверенно ответил Борис.

— Разумеется, водяного, — решительно заключил третий их спутник. — Очень похоже на то. То-то сами они встали.

И тут Борис заметил, что и вправду писк прекратился, да и вообще никаких звуков со стороны их преследователей не доносится. За неловким для него разговором он не сразу это ощутил.

— Хорошо бы успеть! — сказал стремительным голосом Степа. — Пока ров не наполнился. А то хоть Старуха и говорит, что огонь не вода — охватит, не выплывешь, порой из воды выбраться оказывается много трудней. Ибо никогда не знаешь, что ждет тебя на том берегу.

Произнеся эти малопонятные слова ("Какой ров? Куда плыть? Какой тот берег?"), Степа подкрутил усы, усмехнулся, подмигнул Борису и, бросив решительное "Ждите!", скрылся в затемненную часть коридора, откуда вскоре и крикнул шепотом:

— Нашел! Скорее сюда! Только по стенке — в середине капкан!

Они шли вдоль стены, прислонясь к ней спиной, пока мягкая кошачья лапа не взяла Бориса за плечо:

— Дай руку, — сказал Степа. — Чувствуешь перила? Держись за них и вниз, за мной. Нам надо сейчас спуститься по Служебной Лестнице, она для спуска вниз всегда открыта. Свет зажигать не будем. Там, внизу, что-нибудь придумаем.

Перила были железные и ужасно холодные. Еще холоднее, чем стена. Ступени под ногами были плоские и позванивали, как металлические. Борис не удержался, наклонился и потрогал пальцами: они и были металлические. Топор тяготил руку, хотя и придавал уверенность, но Борис знал, что это пока еще они не встретились с врагами. Потому что на самом деле он и представить не мог, что он, Борис Кузьмин, ученик девятого класса, своей рукой, своим топором сможет разрубить кому-нибудь голову. Или даже, не убивая, просто ударить так, чтобы разрубить чужое живое тело. Ему казалось, во всяком случае надеялось, что все ограничится взаимными угрозами, и крысы, увидев их вооруженными, отступят. Пока, правда, отступали они.

Степа уверенно шел вниз, они следовали за ним. Не случайно бабушка Настя (думал Борис, держась цепко за перила, чтоб не оскользнуться на мокрых железных ступеньках) всегда говорила, что коты все ходы и выходы во всех домах и дворах знают, потому как они и есть настоящие домовые и хранители очага, а все остальные, кто домовыми прикидываются, — нечистая сила. Поскольку же до сегодняшнего дня Борис не очень-то представлял себе, как они выглядят, домовые эти (а в детстве и вообще путал с домоуправами), да и в слове слышалась дымчатость, то пушистые дымчатые коты и стали им отождествляться с домовыми. А потом и вообще все коты независи-

мо от расцветки. А теперь он и сам убеждался, что коты все щели знают.

Спуск в темноту казался бесконечным, топор уже выскальзывал из уставших пальцев, а в спину шептал второй кот:

— Неужели нельзя не топать так, словно ты на параде!

И действительно, когда он прислушался, он понял, что слышит только шум своих шагов и своего дыхания: коты в своих сапожках ступали совершенно беззвучно. Но только Борис решил идти на цыпочках, хотя это было и труднее, как наткнулся на Степу, присевшего на корточки и всматривавшегося во что-то, что было впереди.

— Стой. Тихо... Не падай... — Степа придержал Бориса лапой, когда тот от неожиданности чуть не перелетел через него.

Слышно было, как стекала по ступенькам вода. Но Степа смотрел не вниз, а вперед. Второй кот не споткнулся ("Ах да, коты ведь видят в темноте", — подумал Борис), а остановился на ступеньку выше Бориса.

— Она? — спросил он.

— Похоже, она, — ответил Степа.

— Тебе видно? Или мне тоже посветить?

— Пожалуй, подбавь огоньку.

И тут Борис, пораженный, заметил, что глаза у родовитого кота из Кистеневки зажглись, как две желтые фары у автомобиля, и он направил их огонь туда, куда смотрел и Степа.

— Посторонись, — пробурчал мрачный кот, пробираясь к приятелю.

Они вдвоем смотрели вниз, а теперь, при свете их глаз, Борис тоже видел деревянную, тяжелую, окованную железом дверь с широкой щелью внизу. В эту щель вливалась вода, стекавшая по ступенькам из коридора. Наверху послышался писк крыс, пробежавших мимо Служебной Лестницы и не заметивших её.

— Ишь помчались! — буркнул мрачный, не сводя глаз с двери.

— Может, у них есть другой ход в подвал? — шепотом высказал предположение Степа.

— Черт их знает! Во всяком случае ров они наполнили, я думаю.

— Н-да, г-мая. И все же другого пути на карниз иначе, как через подвал, нет. Стало быть, надо рисковать. Ничего, огонь силен, вода сильнее огня, земля сильнее воды, человек сильнее земли... Так ведь люди говорят? Что, Борис, скажешь?

— Не знаю, — снова робко сказал тот, чувствуя себя маленьким и потерянным, — я ведь не знаю, ни как нам идти, ни куда. Может быть, раз они, крысы то есть, пробежали мимо, мы можем вернуться и проскочить мимо оставленных часовых, наверно, их там немного, и на улицу, под дождь, а под дождем вряд ли кто нас найдет...

Коты переглянулись, и огонь их глаз поприутих.

— Говорил я тебе! — мрачный кот в сердцах махнул лапой, как бы отметая Бориса в сторону. — Все они одним миром мазаны. Сам теперь видишь, что этот сученок с первых же шагов испугался. Пошли выведем его к чертовой матери — и ходу!

— Почему ты так зол и несправедлив? — не выдержав, обиженным и жалобным голосом спросил Борис, обращаясь скорее даже к Степке за сочувствием, нежели к угрюмому его другу. — Зачем ты тогда вообще мне помогал? Не проще ли было бросить меня крысам на откуп? — теперь он и впрямую обратился.

— Затем, — ответил тот решительным и важным тоном, — что я здесь еще что-то делаю, поскольку этот мир еще не окончательно анафеме предан. Хотя и проклят во многом. И не для тебя я делал, а чтобы самому себя уважать.

— Похвальное желание, — еле слышно иронически пробормотал Борис.

— Понимаешь ли, — тронул его за руку Степа, — тут все не так просто, как тебе кажется. Я же тебе уже говорил, что это не бегство, а прорыв. Убежать было бы проще простого. Возможно, что тут и твое предложение подошло бы. Но у нас ведь другая задача и цель. Да и ты, мне казалось, тоже мог домой вернуться, а — остался...

"От неловкости, от неудобства, от стыда — бежать, когда от тебя ждут помощи, — вот почему я остался,

а не от храбрости и не потому, что была у меня какая-то Высокая Цель", — подумал Борис.

— Убегай, — продолжал Степа, — мы на самом деле пробираемся к Мудрецу. А он-то как раз и скажет тебе, как добраться до Лукоморья и Лукоморских Витязей. Но если я ошибся, и ты хочешь домой, только скажи, и уж мы тебя отсюда выведем. Ведь ты из тех людей, что можешь и вправе выбирать свою судьбу сам, — он наклонился к его уху и шепнул: — Помнишь, как бабушка Настя приговаривает? Бог по силе крест дает, — и чуть громче добавил. — А хватит ли у тебя силы, отваги и желания, решай сам. Если ты к Мудрецу, тогда мы попробуем как-нибудь одолеть эту дверь.

"Лучше бы попроситься домой", — уже в который раз подумал Борис и в который раз ему стало стыдно этого желания и, поглядев на сурово мерцавшие желтым светом глаза котов, он, вместо ответа, протолкнулся вниз и с силой пихнул плечом дверь. Скрипнули петли, и дверь неожиданно распахнулась, да так резко, что Борис чуть не свалился вовнутрь. Но коты не дали ему упасть, удержав за пиджак.

Плечом к плечу, сжимая мясницкие топоры, вошли они все трое в открывшуюся дверь. Но дверной проем был узкий, и получилось, что коты вошли первыми, отеснив Бориса плечами себе за спины, как бы прикрывая его собой. Этот произвольный жест почему-то вдруг ужасно растрогал Бориса. Но враги, однако, не ждали их, притаившись за дверью. Перед ними открылось пустое и просторное помещение с утоптаным, хотя и захламленным земляным полом, по которому шел желобок для стока воды, и с высоким потолком. Под самым потолком нависали толстые параллельные балки. Наверху было и два оконца, из которых падал внутрь несильный свет с улицы, позволявший хоть что-нибудь разглядеть, пусть и в самых общих очертаниях. Извне доносился далекий шум дождя, а впереди, внутри помещения, слышался явный гул несущегося куда-то потока. Они сделали еще несколько шагов, и Борис увидел, откуда этот гул: все помещение наискось от края до края перерезал ров, полный быстро мчавшейся воды, и обойти его было явно невозможно.

Степа закрыл за ними дверь, привалил к ней какие-то доски и железки из подножного хлама, чтобы она не так просто открылась, и подошел к воде. Они за ним. Ширина рва была метров десять-двенадцать, но для прыжка все же многовато. Вода неслась стремительно, с завихрениями, взбрызгиванием пены; щепки, небольшие доски и бревнышки, промелькивавшие перед глазами, рассказывали о силе и скорости потока. И при этом ни лодки, ни мостка.

— Я не переплыву, — сказал Борис, отшатываясь.

— Отпугивает, а? На это и расчет, на впечатление. А глубина в нем всего по пояс. Только держись, чтоб течением не сшибло, — Степа, не переставая говорить, поднял вверх топор, расставив руки для балансирования, и вошел в воду, напряженившись и изгибаясь всем телом, чтобы устоять на ногах.

Вода у берега доходила ему до колен, и выше пояса действительно нигде не поднималась. Борис шагнул следом. Берег был глинистый и мерзко скользкий, так что он чуть не поехал на зад, поскользнувшись, но удержался. Войдя в воду, он снова чуть не упал. Вода и в самом деле сбивала с ног, да и дно было скверное, каменистое, а кроме того усеянное и какими-то железными трубами, с зазубринами, старыми, ржавыми, царапучими. Башмаки заклинивало меж камней, железки цепляли и рвали брюки, мутная пена била в лицо, когда он изгибался близко к воде, стараясь удержаться на ногах, бревна и доски ударяли его, сбивая с пути, и невольно он переступал все дальше по направлению потока.

— Дай руку, — крикнул ему Степа, едва он только влез в воду.

— Я сам, — ответил Борис, и теперь жалел об этих словах, сказанных сгоряча, ибо его отнесло уже довольно далеко от котов, а он добрался пока только до середины рва. И на каждый шаг вперед приходилось шага три-четыре в сторону. Вдалеке слышалось чертыханье кистеневского кота и шутки Степы. Ноги устали, но поплыть Борис не решался: во-первых, мешал топор, который он и подумать не мог бросить, во-вторых, опасался, что вплавать его отнесет еще дальше, вообще неизвестно куда.

Но всему бывает конец, и вот, избитый, изодран-

ный, измочаленный, он добрался до обрывистого, скользкого и глинистого берега. Забросив наверх топор, цепляясь за что ни попадя обеими руками, впиваясь в глину пальцами, весь мокрый, вымазавшийся в черной, жирной, противной грязи, дурно пахнущей сероводородом, Борис вскарабкался на берег и растянулся на земляном полу перевести дух. Коты были от него метрах в двадцати — не меньше и, видимо, тоже только что едва выбрались на берег.

Но не успел он даже вздохнуть облегченно, сбрасывая с себя усталость, как кто-то неожиданно ухватил его за руки и за ноги и потащил вперед и куда-то вбок.

Рот ему заткнули тряпкой, заклеив сверху чем-то липким, чтобы он не вытолкнул кляп языком. Бежали быстро. Тащили его четверо, пятый сопел сзади. Тащившие спотыкались о камни и деревянные, разбросанные по земляному полу, переворачивая его на ходу то лицом кверху, то вниз, ударяли о выступавшие углы стен, пыль и мусор летели ему в глаза, но он все равно видел то кучи хлама, то чугунные, ржавые до коричневых трубы, то потолок (иногда высокий, иногда низкий) с обвалившейся штукатуркой. Они миновали так уже несколько подвальных помещений, соединенных между собой проходами. Волокли его, как он разглядел, четыре крыса, длинномордые и усатые, трое — рослых, здоровых, а один поменьше, но тоже усатый. Наконец, хлопнула и растворилась дверь какой-то подсобки, низкой, заставленной недвижимыми механизмами, с нависшими широкими трубами, изгибами своими перегораживавшими поперек комнату. Они почему-то вошли туда с осторожностью, сначала пролезли сами и следом протащили Бориса под изогнутым коленом ржавой трубы, больно ударив плечо о железяку и ободрав кожу на лице. И, бросив его на кучу мусора за трубами, захихикали, весьма собой довольные.

— Тише, тише, — шепотом сказал один.

— Кот на крыше, — шепнул в ответ другой.

— А котятя? — спросил третий.

— Еще выше, — ответил четвертый, самый маленький.

Эта детская считалочка еще больше развеселила

их. Они зафыркали и захрюкали, хотя и весьма приглушенно. Но тогда пятый, отличавшийся, на взгляд Бориса, от остальных только большими размерами, указал маленькому лапой в сторону двери, словно понуждая его к какому-то действию. Света в этой подсобке не было, но сквозь дверной проем его проходило достаточно, чтобы Борис мог видеть жесты стоящих между ним и дверью. Маленький согласно кивнул головой, но перед тем, как пролезать сквозь переплетение труб, вдруг спросил, очевидно продолжая начатый еще до пленения Бориса разговор:

— А львы — тоже кошачьей породы?

Вместо ответа командир выхватил меч и сердито кольнул им спрашивавшего, погоняя его к двери. Тот метнулся, проскользнул под трубой и принялся возиться, чего-то мастера у распахнутой настежь двери. Командир же в задумчивости ковырялся мечом в куче мусора, на которой распластанный остальными тремя крысами лежал Борис, и, несмотря на боль в спине и в плечах, все приподнимал голову и вглядывался, пытаясь разобраться, что же строит у двери крысеныш, пока неожиданно не догадался, что вход в подсобку превращен в ловушку. Стоило войти в дверь, как задевалась протянутая незаметно почти на уровне пола веревка и сверху на вошедших обрушивалось массивное стальное лезвие, просто своей тяжестью способное убить любого. Ловушка была выключена, когда они входили, а теперь крысеныш ее зачем-то снова налаживал. "Шутка наподобие гильотины", — промелькнуло у Бориса в голове.

— Борис! — услышал он вдалеке приглушенный зов Степы.

— Борис! — повторил раздраженный голос второго кота. — Куда этот сученок задевался? Струсил и смылся?

Они явно искали его и шли по пятам.

Крыс-вожак наклонился над ним и сорвал со рта его липкий пластырь, вытащив кляп. Одновременно острое лезвие кинжала одного из крыс пропороло ему рубашку и майку и режущее уткнулось в кожу груди. Все это уже совсем перестало напоминать игру в приключения, в которой ничего страшного с тобой не может на самом деле случиться.

— Борис! Отзовись! Это мы! — кричал Степа.

— Эй ты, — шепнул ему вожак, — подай голос, что ты здесь.

Пахло крысами до отвращения. Борис никогда раньше не знал, как пахнут крысы, но тут понял, что это именно тот запах — запах трусости, коварства и отчаянной жестокости. И молчал. Он молчал потому, что отчетливо представил, как бегут коты на его голос и попадают в смертоносную ловушку.

— И что тебе коты сдались! — снова шепнул главный. — Они же все равно обречены, со смертью уже обручены. Ведь вы давно окружены, да и кому они нужны! Этакая беспризорная сволочь, — вдруг прошипел он совсем не в рифму. — Какое тебе дело до них! Это наши дела, наша война. А чего тебе зазря пропадать! Подай голос. И мы тебя мигом домой отправим, к мамочке, к папочке.

И опять шальная и подлая мысль посетила его: "А ведь если и в самом деле?.. Я ведь не здешний. Лучше я вернусь домой, к отцу, он уже, наверно, на меня не сердится, мы будем беседовать, а про это никто и не узнает, это будет моя скверная тайна. Я никому про нее не скажу. И все будет хорошо, будто ничего и не было. Только одно: если я их позову сейчас, значит я все же вмешался и оказался на определенной стороне..." Но пока он размышлял таким образом, колеблясь между подлостью и благородством, крыс-вожак, поторапливая его, отдал приказ:

— Кольни его. Но не сильно, пусть не орет, а позовет, вскрикнет так, будто ногу подвернул. Ты понял? — обратился он к Борису. — А хочешь, кричи, как там у вас говорится, — и он, гнусавя издевательски, зашипел:

— Давай-ка, повторяй-ка! Несет меня крыса, за далекие леса, за синие горы. Котику-братику, выручи меня! Ну!

Борис слышал его слова, но слышал и то, как чертыхнулся где-то совсем рядом мрачный кот, а потом сказал:

— Надо еще в зале его посмотреть. Они мне за Бориса заплатят!

И тут он почувствовал сильнейший укол в область

сердца. Казалось, еще небольшое усилие — и он будет проткнут насквозь. Он бы и вскрикнул, если бы не впился зубами в собственное предплечье — только бы не закричать! "Предать тех, кто ищет меня, струсить, еще не начав борьбы, — этого я себе никогда не прощу!" Ему и в голову почему-то не приходило, что борьба уже идет. Но все думалось, что он беспомощная, страдательная жертва.

— Дожать?

— Доткнуть?

— Доколоть?

— Добить?

Наперебой спросили четыре крысы, в том числе и вернувшийся маленький крысеныш. Крики котов заглохли в отдалении.

— На зуб попробовать!.. — взвизгнул не то всерьез, не то в шутку крысиный командир.

Но сейчас же четыре пасти впились Борису в плечо, в руку, в бедро и в икру. Он невольно охнул. Это было страшнее, чем любой самый страшный сон.

— Отставить! — тут же приказал командир. — Мы живым должны его доставить. Сам император был проситель, чтоб целым был доставлен этот псевдопобедитель. А потом его будут мучать и казнят.

— А потом, а потом

Будет сварен суп с котом, — радостно подхватили крысы.

— Ну кота еще надо поймать. Нам не удалось — делают другие! Наша задача почетнее — доставить пленника императору. Пойди, — он пальцем ткнул в крысеныша, — успокой дверь и посмотри, свободен ли проход по Каменным Джунглям до Кривой Дорожки.

— А если там засада? — пискнул крысеныш.

Крысы прекратили галдеж и верещанье и испуганно переглянулись. Крысеныш, которому выпала почетная роль стать первой жертвой, задрожал лихорадочной дрожью. Крысы вытащили мечи и испуганно принялись вглядываться сквозь переплетение труб в освещенное пространство дверного проема. Но оттуда ни тени, ни звука. И тут внезапно поблизости от выхода залаяла собака. Тявк ее совершенно очевидно обрадовал крыс. Они перестали напряженно вглядываться в дверь, расслабились, успокоились.

— Собака императора, — сказал один.

— Преследует котов, — подхватил другой.

— Готовы в путь! — воскликнул третий, шевеля усами.

— И я готов, — согласился четвертый, крысеныш.

Но предводитель крысиного отряда был осмотрительнее. Он отстранил крысеныша, державшего Бориса за правую ногу, ухватился за нее сам, а того отправил на разведку пути.

— Раз готов, то и посмотри, нет ли где котов. Когда проверишь путь до Кривой Дорожки, позовешь нас.

— Да ведь собака... — начал было крысеныш. — Да значит можно всем вместе...

Вожак вместо ответа опять ткнул в него острием меча, и крысеныш, не возражая больше, заскользил под трубами, потом долго возился у двери и, наконец, скрылся в дверном проеме. Некоторое время слышалось шуршание, потом легкий шум не то съехавшего, не то скатившегося с кучи щебня тела. Снова шорох побежки, замирающий вдали. А затем наступила полная и тягостная тишина. Борис чувствовал, как острые коготки все сильнее и злобнее впиваются в его тело. Крысы, видно по всему, сильно нервничали.

— Если он не вернется, то тебе, Победитель, плохо придется. На части тебя разорвем и сожрем, — шептали они.

Борис закрыл глаза. От страха и усталости, избитости и израненности он совсем ослабел. Ему и хотелось, чтобы коты попытались его выручить, но страшило, что их попытка может оказаться безуспешной и что они просто сорвут зло на крысеныше-разведчике, а его за это разорвут на части крысы.

Время тянулось и тянулось.

— Эй, — послышался вдруг издали писк крысеныша, а остальные крысы даже радостно привскочили, — все спокойно! Можно идти!

— Вперед! — приказал командир крыс, а Борису ухмыльнулся сквозь усы: — Жаль мне тебя! Плохо ты кончишь, Победитель!..

Борис не отвечал. Он соображал, качаясь в цепких лапах и отрешившись от всего земного, почему его прозвали Победителем Крыс, даже не поинтересовав-

шись, что он может, что не может, что умеет, а что не умеет, а он так легко с этим прозвищем согласился, будто и вправду заслужил его.

"Три ступеньки вниз,
Там живет Борис —
Председатель дохлых крыс!" —

вспомнилось ему, и он подумал, что просто захотелось ему избавиться от насмешливой дразнилки и почудилось, что легко как в сказке, как во сне, получится доброе дело, доблестный подвиг, и жалко было лишаться нетрудного успеха. А может, речь-то шла не о нем. А тот, Настоящий, еще придет, а он — самозванец. Его вот схватили и волокут, как куль с мякиной, как мешок с картошкой (такие прозвища были у него в детском саду за его неуклюжесть), а того, Настоящего, им бы, небось, схватить не удалось. Царапина от кинжального укола и крысиные укусы кровоточили и болели, лицо тоже все было разодрано о ржавые трубы и горело, кровь запекалась на нем коркой. Он презирал себя, что даже не сопротивляется, что не умеет драться, не умеет вскочить, вырваться из лап этих злобных существ, выхватить кинжал или меч у кого-нибудь из них и не понарошке, а взаправду воткнуть его в чужое тело, пронзить кожу, миновать ребра и погрузить внутрь этого чужого тела режущее орудие, а сделав это, вырвать оружие наружу, и ударить им другого, третьего, да еще увернуться от их ударов. У него несколько раз возникало желание проделать все это, но останавливал страх за свою неумелость, неуклюжесть и жалостливость: даже если он вырвется из их лап, то все равно не сумеет воспользоваться мечом.

Крысы тем временем волокли его какой-то новой дорогой, мимо куч каменного щебня (это место они, по-видимому, и называли Каменными Джунглями), и снова Борис бился и обдирался о железки арматуры, краны, ржавые ободья колес, трубы.

— Поворот за следующей кучей, — сказал предводитель.

И в этот момент скатились с одной из куч две струйки щебня. И Борис сначала почувствовал, догадался, что будет, а потом и увидел, как спрыгнули, или,

точнее, сбежали сверху две фигуры и два страшных удара мясницкими топорами разрубили головы шедших сзади крыс. Они рухнули, не пискнув. Двое передних обернулись, выронив Бориса, так что он тяжело ударился головой о камень и потерял сознание. Когда он очнулся, четыре крысы лежали зарубленные, коты стояли, опершись о топоры, а перед ними, весь дрожа, сидел пятый крыс, крысеныш-разведчик, умоляюще приложив лапы к груди.

— Надо отпустить, како обещали, — сказал Степа.

— Ну еще бы! Конечно. Честным надо быть во всем, — хмуро пробурчал второй кот, похлопывая по рукоятке топора левой лапой без перчатки. — Мне и маскировка была наша противна. Сколько раз я тебе говорил, что постыдно скрывать свои белые пятна. И для меня, разумеется, существует Слово, данное даже врагу. Но одно дело — настоящий враг, а другое — гад, гаденыш, подлый до глубины костей, который тут же продаст нас, только мы его отпустим.

Крыс только жалобно скулил.

— Нажалелись в свое время! Хватит! — мрачный кот распрямился и оторвал топор от пола, продолжая поглаживать его рукоять другой лапой. — С детства мне рассказывали мои бабка с дедом о топоре — страшном оружии угнетенных. В селе Кистеневка, откуда родом мои предки, мужики, заткнув топоры за кушак, уходили в леса, и этих, вооруженных простыми топорами мужиков боялись регулярные войска. Но до сего дня пользоваться этим жестоким и беспощадным оружием мне не приходилось...

— Ты к чему это клонишь? — спросил Степа, который, нагнувшись над лежащим Борисом, осматривал его порезы, ссадины и ушибы.

— Пощадите! — пискнул крысеныш. — Помилуйте, — молил он.

— Ну-ка, друг мой, дай-ка сюда топор, — Степа резко выбросил вперед лапу и цепко ухватился за топориче, которое сжимал кот кистеневского происхождения. Так они и стояли, уставившись друг в друга глазами.

— Ладно, будь по-твоему, — мрачный кот разжал лапы, но не успел Степа положить его топор на пол около кучи щепня и снова склониться над Борисом, как его приятель взмахнул кистенем, прикрепленным к цепочке, и крысеныш схватился за голову, зашатался и упал, скрючившись, один раз дернулся и окостенел.

— Зачем ты это сделал?! — закричал Борис, приподнявшись на локтях. — Ведь он же попросился! Он же не хотел, чтоб его убивали!

— А-а! Спасенный очнулся!.. Жалетель!.. Если б не мое знание иностранных языков, тебя бы уж волокли Кривой Дорожкой. А там бы в Гиблом Местечке или на Кладбище Надежд тебя бы и покончили, жалеть бы не стали. А ты, вместо спасибо нам, жалеешь гада, гнуса, предателя, который, свою шкуру спасая, своих друзей предал.

— Все равно нехорошо, раз мы ему обещали, — сказал Степа, сплюнув себе на лапу и смазывая царапины Бориса своей слюной, так что боль, зуд и жжение сразу проходили, прекращались. — А что это? — спросил Степа, наткнувшись на порез на груди.

— Да они тыкали, чтоб я закричал и вас позвал, — угрюмо пояснил Борис, не удовлетворенный объяснением Степиного приятеля: жалобные, молящие глаза крысеныша, полные страха, слез и ожидания неминуемой смерти, не выходили из памяти.

Степа одобрительно посмотрел на него, потом на приятеля:

— Ничего не скажешь! Молодец!

И принялся смазывать кровоточивший еще порез, приговаривая:

— Я понимаю и уважаю твои чувства. Но пойми и нас. Друг мой был не прав, потому что нарушил Слово, но у него были все основания опасаться предательства. Вот ты-то промолчал, когда тебе угрожали, — польстил ему Степа, — а крысеныш предал.

— Тогда почему же ты сам его не убил? — спросил Борис.

Степа поднялся, провел лапой по усам, в тусклом свете висевшей высоко под потолком электрической лампочки кот казался погрустневшим, печальным и задумчивым.

— Знаешь ли ты, — ответило н, — что такое выжженная душа? Она рождается в великих несчастьях, когда гибнут твои близкие и друзья, которых ты не можешь защитить, когда ежеминутно попираются честь твоя и достоинство, а ты вынужден молчать и делать вид, что смиряешься, когда, наконец, ты всю жизнь вынужден прикидываться не тем, кто ты есть на самом деле, потому что твоя подлинность для тебя может оказаться смертельно опасной. Ты понимаешь меня? Не забывай и того, что перед тобой кот, то есть боец, решительный и беспощадный. Я так не умею, но мне есть чем утешиться. Мой утешитель — это поэзия. Если тебя интересует, — тут Степа приосанился невольно, — могу тебе сказать, что и я был таким же. Утрачена в бесплодных испытаниях была моя неопытная младость, и бурные кипели в сердце чувства, и ненависть, и грезы мести бледной. Но здесь меня таинственным щитом святое провиденье осенило: поэзия, как ангел-утешитель, спасла меня, и я воскрес душой. С тех пор мне знакома жалость. Но осуждать моего друга я никогда не буду, потому что понимаю его.

— Но он же был такой несчастный и одинокий, — повторил Борис, имея в виду крысеныша.

Мрачный кот, уже подобранный свой топор, сказал отрывисто:

— Это он среди нас оказался одиноким. Но на самом деле одинокие — это мы, а крыс тысячи, десятки тысяч.

Степа кивнул:

— Это верно. И прежде, чем мы двинемся дальше, пока заживают и затягиваются твои раны, я поведаю тебе одну историю, которая случилась со мной, уже после того, как я сбежал от кошатников, если ты помнишь об этом печальном эпизоде в моей биографии. Помнишь? Ну тогда слушай. Я путешествовал, как — г-мяу — часто мне приходилось в те поры, спасаясь от преследователей, и вот попал я в Зеленую страну. И все там было зеленое: трава, кусты, деревья, что, быть может, и хорошо, но еще зелеными были и небо,

и облака, и вода в реке, крепостная стена вокруг города тоже была изумрудного цвета, а дома в городе стояли, как маленькие изящно выточенные изумруды. Но, что удивительно, там и люди были тоже зеленого цвета: глаза, волосы, кожа. Представляешь? Даже кафе там называлось "Прозелень". Поначалу все это выглядело весьма привлекательно и даже оригинально, но, сам понимаешь, все приедается, и ежедневно вкушать зеленые фиги с зеленым маслом тоже надоест. И овладевала мной, прошу простить дурной каламбур, зеленая тоска. Захотелось чего-то и в самом деле оригинального и необычного. И вот сижу я в "Прозелени" как-то и в который раз предаюсь унынию, что не найдется в городе ни одного человека, что не носил бы зеленого костюма, зеленых перчаток, зеленых башмаков, зеленых шляп, зеленых очков, и цвет кожи и волос у кого-нибудь были хотя бы красного или синего цвета. Пью я зелено вино, гляжу в окно, где на зеленом лугу зеленые дети запускают в зеленое небо зеленого змея, и думаю, что даже очень симпатичный цвет можно превратить в цвет, вызывающий тошноту. И вдруг — о счастье! — я вижу, как входит в кафе человек голубого цвета, весь-весь голубой, и садится за столик, который тоже начинает сразу отсвечивать синим цветом. Я бросаю официанту зелененькую и бегу в его угол, а под ним и в самом деле даже стул голубой, глаза у него голубые-голубые, костюм голубой, волосы, кожа. "Ох, думаю, наконец хоть один решил стать оригинальным в этой стране, хоть один в знак протеста — пусть это и нелепо — но выкрасился в другой цвет". Подсаживаюсь к нему. "Позвольте, говорю, пожать вашу мужественную руку. Откуда вы такой?" А он: "Откуда? Откуда? Из Голубого города — вот откуда! У нас все голубое до неестественности: и трава, и небо, и деревья, и дома, и цветы!.. Вот и хожу сюда. Здесь, среди зеленых, хоть душу отведешь!" Тогда-то я и понял условность и относительность оригинального одиночки. Всегда надо искать из какого он города. А настоящая оригинальность — ох, это дело крайне редкое!

Степа вздохнул. Тем временем второй кот нашел где-то заржавленную лопату и молча принялся рыть в куче щебня углубление. Он был взлохмачен, оборван, грязен и угрюм. Борис чувствовал, что прав в своем

осуждении, и вместе с тем какое-то ощущение вины перед этим котом охватило его. И чтобы хоть что-то сказать, чтобы перевести как-то разговор, будто и не было у них никаких разногласий, Борис спросил:

— А откуда здесь все же собака взялась?

— А ты что, не понял? — удивился Степа.

— Иностранные языки знать н а д о , — мрачно отозвался второй кот, ударяя лопатой по щепню. — Язык — это оружие в жизненной борьбе. Тебе, да вот е м у , — он кивнул на Степу, — повезло, что я с вами.

— Он все языки знает: и крысиный, и собачий, — пояснил Степа. — Крысы и решили, что раз собака, значит, нас нет. А это он лаял.

Борис смотрел, как Степин приятель сумрачно провёл лапой по гуцульским своим усам, черную перчатку он снял, и, несмотря на грязь, видно было, что кончики лап у него белые, как и у Степы. Не в силах шевельнуться и помочь Борис смотрел, как коты разгребают кучу щепня и мусора, захихывая в образующиеся ямы трупы крыс, а потом заваливают снова щепнем и утрамбовывают. Темный потолок, тусклое светлое пятно в его середине (свет от лампочки), переплетение толстых и тонких труб, кучи щепня и хлама, трупы убитых крыс, их кровь, казавшаяся в полутьме подвала черной, спертый воздух, собственные дрожащие от слабости и усталости руки, — все это привело Бориса в подавленное состояние духа. Словно бы они навсегда были обречены здесь находиться, потому что повсюду крысы, выхода нет, и скоро они и сюда явятся. Крысиный командир ведь сказал, что подвал окружен. Назад не вернуться, да и впереди явно, что верная гибель. И коты, молча работающие коты, это ведь из-за него они погибнут! Пусть лучше уходят, а его оставят! Но в этот момент Степа отбросил лопату и протянул Борису руку.

— Вставай. Пора идти. Держи топор. Крысы, я полагаю, перекрыли все выходы. Но мы пробьемся. Главное, пройти Извилистую Яму. Кривой Дорожкой идти нельзя. Там ловушки и посты на каждом шагу и каждом повороте, — он глянул на приятеля, тот согласно наклонил голову. — Как пройдем Яму, там будет прямой путь на карниз. Обычно он свободен, потому что слишком широк. Слишком много надо войск, чтобы

нас задержать. Да и пространство там большое, а крысы боятся открытого пространства. А по карнизу мы как раз и выйдем к окну Мудреца.

— Зачем ты все это говоришь? — спросил Борис, поднимаясь тем не менее. — Я все равно ничего не понял и не запомнил. Да и вообще, зачем вы со мной связались? Какой из меня Победитель Крыс!.. Я же только для вас обуза. Лучше бросьте меня здесь и пробирайтесь к Мудрецу сами. Я же не из этого города, — напомнил он им Степин рассказ.

— Что я тебе говорил! — воскликнул мрачный кот. — Эпоха богатырей прошла. Давай и вправду вернемся. Не из этих людишек делаются Настоящие Витязи!

Степа отрицательно покачал головой.

— Ты можешь вернуться, если хочешь, — сказала она. — Конечно, нынче нет богатырей. Но кто знает, как они в старину появлялись! Может, так же вот, через слабость. А тебе, — обернулся он к Борису, — я еще раз скажу. Ты тоже свободен выбрать свой путь. Никто тебя не неволит. Но то, что можешь сделать ты, мы, коты, не можем. Людские дела должны решать сами люди. Ты говоришь, что ты не из этого города. Но кто тебя сюда звал? Зачем ты сюда попал? Почему не вернулся к себе, когда мог? Этого я не знаю и не понимаю. Если дойдем до Мудреца, возможно, он объяснит.

Борис робко посмотрел на котов. Степа стоял, подкручивая усы и ободряюще подмигивая ему. Зато его приятель как всегда был угрюм, достав из кармана кистень на цепочке и поигрывая им, он высматривал что-то впереди. От него ни совета, ни ободрения не дождешься, это Борис понимал, и все же хотелось ему заслужить симпатию мрачного кота.

— Если вам кажется, что я должен... то есть, если я смогу, не буду вам в тягость... и не погублю вас своим присутствием... — этого Борис больше всего боялся, что от его неловкости, неумелости, неуклюжести может произойти какая-нибудь катастрофа, — я, конечно, иду... я хочу попытаться, хотя не знаю, смогу ли я...

— Вот и хорошо, вот и решили, — сказал Степа, а второй кот поморщился на робкие речи Бориса, и Степа спросил его: — А ты что решил? С нами? Или в свое Укрывище?

— Вы без меня не пройдете Извилистой Ямой. Там

каждый топор может понадобиться. Особенно такой, как мой. А если они и в самом деле откроют казармы и выпустят на открытое пространство войска?..

— Ну тогда и ты нам не поможешь.

— Однако и помехой я тоже не буду, — рассмеялся сухим и раздраженным смехом второй кот.

Борис уже стоял на ногах. Раны, укусы, царапины зажили, словно их и не было, хотя усталость так и не прошла. А впереди, судя по словам котов, была еще дальняя и трудная дорога.

— Ну пошли, — сказал он. — Пока ноги двигаются. Я только одного не пойму, — обратился он к Степе, взваливая топор на плечо, — как же так получается, что в маленьком подвале, подсобном помещении маленького кафе и река оказалась, ну поток, во всяком случае, и масса комнат, и дальние проходы, искусственные горки, какое-то открытое пространство, а теперь я слышу, что и казармы тоже где-то здесь расположены?

— Ты забываешь, что крысы — подвальные, подпольные жители, — Степа вдруг нервно зевнул, обнажив пасть, полную острых клыков, как тигр в зоопарке, которому досаждают посетители, но он бессилен их прогнать, и только нервно и злобно зевает, обнажая клыки. — Мы только краешек их мира задели и увидели. А это целый мир под землей. И он принадлежит им. Нет такого места на земле, куда бы не было тайного хода из крысиного подземелья. Здесь их обиталище, их сокровища, их казармы, их войска, их дети и жены, их запасы. А какова общая площадь их подземного царства, даже мы не знаем. Но кое-какие пути здесь и нам известны. И гораздо больше, чем полагают крысы. Впрочем, сам увидишь. Хвалиться не буду. Я, конечно, не братец Макс, хотя и чертовски похож на него, а всего лишь известный тебе Степа, но за что я берусь, то делаю.

И они пошли.

Первым, как и раньше, пробирался Степа. В середине ковылял Борис, одуревший, с трудом двигавший ногами и спотыкавшийся на каждом шагу, замыкал группу мрачный кот, время от времени подхватывавший и ставивший Бориса на ноги, когда тот падал. Помещение с тусклой лампочкой осталось позади. Да и оконца пропали. Темнота была бы крошечная, если б не го-

ревшие желтым светом глаза котов. Согнувшись почти вдвое, они пролезали под чугунными толстыми трубами, а порой перелезали через них, затем очень долго шли вдоль тонкой, холодной, похоже, водопроводной трубы, держась за нее рукой, чтоб не сбиться с пути, по лицу били свисавшие откуда-то сверху провода, то скрученные жгутом, то царапучие, оголенные, оборванные. Потом нечувствительно проход начал сужаться, а потолок задираться все выше, пока труба не ушла в сырую, влажную и податливую землю. Борис невольно въехал в землю рукой по самую кисть и остановился. Степа взял его за плечо.

— Мы уже в Яме, — шепнуло он. — Теперь осторожнее.

Края Ямы были выше их голов, путь в ней был извилист, за каждым поворотом могли скрываться враги, могли они и сверху обрушиться. У каждого угла Степа замедлял шаги, так что Борис каждый раз налетал на него, настороженно вслушивался, всматривался. Одна-ко крыс нигде не было.

Но только Борис успел удивиться их отсутствию, как они появились. И не то слово — появились. Они посыпались сверху, словно вытряхнутые кем-то из мешка. И их, этих крыс, было не две, не три, а по крайней мере десятка полтора. Они сразу разъединили троицу путешественников, вклинившись между ними.

— Бей наотмашь! — крикнул шедший сзади мрачный кот, а впереди послышалось яростное мяуканье Степы.

— Пробивайтесь вперед! — заорал потом и он. — Там просторнее-е!..

Но и здесь уже было достаточно широко для полного размаха топором. Крысы припоздали напасть на них в самом узком месте Ямы, где у них было бы явное преимущество. В почти кромешной темноте, в глубокой извилистой яме начался отчаянный бой, бой почти вслепую, почти наощупь, бой, основанный на чутье и интуиции. Борис послушно двинулся за Степой, удар меча распорол на левом плече ему пиджак, рубашку и рассек руку. Увернувшись, он бросился следом за какой-то темной фигурой, летевшей к выходу из Ямы. Яма вдруг кончилась. Фигура вскарабкалась вверх по откосу и остановилась, повернулась, и Борис увидел горящие желтым светом как фонари глаза Степы.

Тогда он опустил топор и, опираясь на него, как на палку, тоже выбрался наверх. Ноги дрожали, заболело разрубленное плечо. Наступила слабость, и он присел, почти упал на кучу сырой земли. Перед ним простиралось довольно широкое пространство, что-то вроде Подвальной Площади. "Крысы боятся открытого пространства", — вспомнил Борис. Но как бы опровергая эти слова, на площади, как две тучи, щетинясь мечами и копытами, стояло два крысиных полчища, поджидая их.

— Дай-ка я слюной тебе плечо смажу, — склонился над дрожащим от усталости, боли и перенесенного потрясения боя заботливый Степа. Был он весь в крови, лапы казались распухшими: непонятно, чем он дрался, то ли топором, то ли лапами. — Видишь? — спросило н. — Теперь тебе понятно, кто здесь одинок. Тот крысеныш был не одинок, просто среди нас он был как из другого города. Это они нас поджидают.

— А где?.. — начал было Борис, имея в виду отсутствие второго кота. Он не договорил, Степа его понял с полуфразы.

— Подождем еще. Эти еще нас не заметили. Они думают, что мы в ловушке.

— А может, надо идти помочь?..

— Он и сам выберется. Подождем. Сиди, не шевелись, — сказал он через минуту, — а я пройду по краю.

Он двинулся по краю Ямы, ловкий, изящный, осторожный, будто и не он выдержал только что жестокий и кровавый бой. Своей походкой, крадущейся, с легкой припрыжкой и приседанием, замиранием и залеганием на месте, напоминал он сейчас Борису того маленького котенка Степу, игручего и подвижного, который любил залегать, таиться, а потом неожиданно наскакивать то на занавеску, то на бумажку, перекрученную и привязанную за ниточку. Только здесь все серьезнее. И точно: вдруг неожиданный прыжок вниз, в Яму, глухая возня, крысиный писк, и вот уже на поверхность выбрались оба кота. Второй, несмотря на задержку и явные трудности боя, был оживлен и доволен, глаза светились, а длинным языком, который он выбрасывал в разные стороны, он облизывал свою физиономию, доставая едва ли не до глаз.

— Ого! — воскликнул он, увидев крыс.

— А вы говорили, что они открытого пространства боятся... — сказал Борис, — а вот их сколько!

— Поодиночке — боятся, а так кого же им бояться, когда их много.

— Разве что нас! — хмыкнул Степа и спросил Бориса: — Белых пятен у нас не заметно?

— Только на лапах.

— Это дело поправимое, на то перчатки есть.

Они замолчали, глядя на две крысиных колонны, две армии, два отряда, две черные тучи, которые все увеличивались за счет крыс, выскакивавших, выпрыгивавших, выбегавших из каких-то боковых проходов. Внезапно два прожектора, как две светлые руки, зашарили по краям Ямы, ища котов и Бориса. От этого неожиданного света, направленного в их сторону, Борису показалось, что крысиные тучи стали еще темнее, что они разбухли до предела.

— Сейчас грянет, — невольно пробормотал он, как про грозу.

— Надень перчатки, живее, — шепнул Степа приятелю, а Борису: — не всякий гром бьет, а и бьет, да не по нас.

— Ты что задумал? — шепнул мрачный кот. — Сейчас придется грызть им глотки и ломать хребты. Но и нам отсюда не уйти.

— Это почему же? — спросил Степа.

Лучи прожектора скрестились на них. Крысы зашевелились и стали надвигаться. Казалось, какая-то липкая тягучая масса покрывает метр за метром, захватывая эти метры навсегда, как пролившийся — только не из пузырька, а из бочки — клей.

— Покажем им себя, — сказал Степа и распрямылся во весь рост.

— Эй! — крикнул он, обращаясь к крысам. — Стойте! Перед вами Настоящие Черные Коты. Коты, Приносящие Несчастье. Вам всем несдобровать, если мы перейдем вам дорогу!

Крысы заколебались, но остановились. Между двумя их отрядами оставался еще проход, но он с каждой минутой уменьшался, поскольку отряды разбухали и увеличивались от все новых подходивших крыс.

— А, я понял, — пробурчал второй кот.

— Вот именно, — сказал Степа. — Все зависит от на-

шей скорости. Потом они уже не перешагнут того места, где мы пробежим, — объяснил он Борису, — но постараются не дать нам это сделать. Слушай, мы постараемся бежать так, чтобы разделить их, я впритирку к левому отряду, а он — к правому. В середине останется проход для тебя. Иди и не бойся. Они не посмеют даже лапы просунуть через черту, которую мы проведем своим бегом. Понял?

— Понял, — ответил Борис, хотя понял не все, но одно ему было ясно, что времени для подробных объяснений нет.

Степа заливчато приосанился, над головой его взвился пушистый черный хвост, на физиономии появилась дерзкая и хитрая усмешка, он махнул лапой и рванулся с места. Через секунду второй кот нагнал его, и они врезались в еще остававшийся узкий проход. Их бег словно двумя ровными линиями чертил коридор между крысиными отрядами. В них полетели копы, кто-то попытался броситься им наперерез, но был смят яростным напором бега и мощными ударами кошачьих лап.

Борис бежал следом за котами. Его словно что-то подняло и несло. Усталости, напряжения, страха он совсем не испытывал. Он бежал сквозь строй крыс, их сопенье, крихтенье, пыхтенье, смрадное дыханье, причмокивание, лязганье зубами, слюноглотанье, звяканье мечами, угрозы, удушливый запах, оскаленные пасти, — все это окружало, сопровождало его во время бега. Но ни одна лапа, ни один меч, ни одно копые не пересекло черты, проведенной котами. И вот, наконец, он вбежал в тоннель, а Степа, пропустив его, перебежал крысам дорогу, закрыв тем самым для них вход, и вскоре догнал Бориса в глубине тоннеля. В этот момент Борис с размаху стукнулся плечом о выступавший из стены большой камень и невольно болезненно вскрикнул.

— Ага, это здесь, — бросил Степа, не обращая внимания на его вскрик, — помогите мне! Пока они не опомнились, нам надо исчезнуть. Настоящих Черных Котов давно и не осталось, — говорил он, с помощью второго кота выворачивая камень. — Потому и разрешено нечистой силе являться в этом облике. Это мы их на понт взяли.

Камень вывалился, они все втроем влезли в образовавшееся отверстие и, насколько могли аккуратно, приладили камень на прежнее место. В темноте (или при свете кошачьих глаз? — Борис и сам уже не понимал этого) он разглядел верхушку приставной лестницы, уводившей куда-то вниз. Они стояли на краю обрыва и путь был только один — по лестнице, опять куда-то в неизвестность, Коты полезли первыми, Борис за ними. Спустившись, они очутились в сравнительно небольшом помещении, из которого, однако, вел куда-то еще один проход, сразу бросившийся в глаза Борису. Он уже начал привыкать к этому бесчисленному переплетению всевозможных подземных ходов, выходов, проходов, о которых трудно было даже подозревать, стоя на улице, на твердой поверхности. Коты сложили лестницу, и Степа первым, согнувшись, шагнул в проход. Борис снова оказался в центре. Путь был недолг, но труден. Идти приходилось, нагибаясь почти вдвое. За шиворот сыпалась сырая земля. Земля была и в волосах, каким-то образом даже в правое ухо попала. Было трудно дышать. Отплевываясь, Борис лез следом за Степой.

И вот пол стал утопан, кто-то тронул его за плечо, Борис, не разгибаясь, поднял голову, и с удивлением увидел стоящего прямо Степу, высокий потолок, просторную комнату. "А не останови меня, я бы так и шел, согнувшись в три погибели", — подумал Борис и с трудом распрямил спину. Комната очень напоминала подпол, сделанный дедом Антоном. Земляной утрамбованный пол, вдоль земляных, но тоже утрамбованных стен, вделанные в них — деревянные, широкие, струганные доски-полки, на которых стояли банки, бутылки, маленькие бочонки, а также лежали завернутые в промасленную пергаментную бумагу какие-то продукты.

— Здесь и отдохнем, — сказал Степа, — перекусим, поспим. Но прежде — мыться. Вон в углу рукомойник и ведра с водой.

Борис отправился к рукомойнику, висевшему над тазом, долго мылился, тер щеткой руки и прочищал ногти, потом плескался, потом причесывался, вытряхивая из волос землю. Он чувствовал себя и посвежевшим и одновременно вдруг уставшим. А коты совершали туалет в другом углу подпола. И когда они вы-

шли на середину комнаты, к врытому в землю столу на четырех ножках, они снова выглядели как джентльмены, правда, потрепанные и помятые жизнью, но тем не менее аккуратные, подтянутые, с лоснящейся на физиономии шерсткой.

— Ну, а теперь у ж и н , — потирал лапы Степа, с удовольствием поглядывая на полки. — Чего мы себе сварганим? а? Перед последним рывком неплохо бы хорошенько подкрепиться.

— Хорошо подкрепиться всегда неплохо, — ответил второй кот.

Но несмотря на шутку, он чего-то не договаривал, был напряжен и, казалось, его стоворчивая улыбка скрывала некое собственное решение. Он провел лапой по гуцульским своим усам и сказал:

— А нынче и впрямь ужин прежде всего.

И они взялись за ужин. Была здесь и колбаса, и окорок, и копченая рыбка, "копчущка", и масло, плавающее в холодной воде, была икра и белорыбца, была даже жирная семга, ну и, конечно, хлеб, и белый, и черный — на любой вкус. В витых толстых бутылках были разнообразные напитки, легкие, сладковато-горчащие, вселяющие бодрость и силу. А на закуску разлил Степа по стаканам густую белую жидкость и проурчал, облизнувшись:

— А вот и венец всего — Настоящее Молоко. В ваших магазинах такого не найдешь, — он подмигнул Борису.

А тот вспомнил, что когда появился у них в доме котенок Степка, он поражал всех тем, что отказывался от молока, регулярно покупавшегося для него в магазинах. "Странный кот", — говорили родители. Но когда тем же летом поехали на дачу и, договорившись с молочницей о ежедневных трех литрах молока от ее коровы, первый раз принесли это молоко домой и поставили на стол на веранде, Степа словно с ума сошел. Он вскочил на стол и ходил около бидона с молоком, терся об него, задира хвост, выгибал спину, искательно заглядывал всем в глаза и урчал, и мурлыкал, глядя на бидон, словно разговаривал с ним. И стоило налить ему в блюдечко принесенного молока, он принялся лакать его с такой жадностью, что все разговоры о коте, не любящем молока, — редком феномене приро-

ды, стали звучать иначе: о коте, любящем Настоящее Молоко.

Они выпили молока с белым хлебом, и эта еда, этот обильный подкрепляющий ужин в кладовой, скрытой в самом центре крысиного царства, чувство вольности и равенства с Настоящими Котами, возникшее у Бориса, — все это напоминало ему отчаянные мушкетерские пирушки в осажденной Ла-Рошели. Кругом враги, а они, пробравшись в один из вражьих тайников, пируют после боя, отдыхают, но готовы к новым сражениям. Чувство умиления и благодарности, дружеской верности и сентиментальных излияний охватило Бориса. Это чувство пересиливало даже желание сна, тем более, что Борис думал, что не уснет от возбуждения, которым была пронизана каждая клеточка его тела.

Но готовые сорваться с его уст лирические признания были прерваны Степой, буркнувшим:

— Баста. А теперь спать.

Он вышел из-за стола, достал с полки сверток одеял, расстелил их прямо по полу, и первый бухнулся на спину, положив лапы под голову, потянулся сладко и сказал:

— Да, чудеса все-таки иногда еще бывают. Как мы лихо проскочили — просто замечательно! Никогда бы не поверил, что такое возможно, если б с самим не случилось...

Второй кот, не вставая из-за стола, на Степину жизнедающую речь недовольно нахмурился:

— Почему же они нас пропустили? Как по-твоему? Я до конца так и не понял. Хотя то, что понятно, — не по мне!.. Такое просто нигде и никогда невозможно. Такое — невероятно!

— Да а, — потянулся, зажмурился и вздохнул Степа, — такое только во сне и бывает.

На эти слова его приятель вдруг стукнул лапой по столу:

— Вот именно. В чужом сне. И мне это претит. Я этого не хочу. Понял? — Коты разговаривали через голову Бориса, помимо него, будто его тут и не было. — Я всегда ходил сам по себе. Я к этому привык. И привычек своих менять не намерен. И прислуживать никому тоже не намерен. Я не желаю жить в чужом сне.

Поэтому я предлагаю: вывести его через Лаз на улицу и пусть дальше делает сам, что знает. А к карнизу я его не поведу.

Степа приподнялся на локте:

— Здрасьте — здорово живешь! Я хоть и не братец Макс, но тоже люблю свободу, и уж не меньше тебя. Ну а в чьем сне мы живем, я не знаю. И в чьем бы ни жили — обещания надо выполнять. А бросать друга в беде — уж и совсем не по-кошачьи. Интересно, что бы на это сказали твои предки из Кистеневки! а?

Кот молчал. А Борис заговорил, потому что, хотя и испытывал неловкость, что ради него столько делается, после плена и сражения в Яме чувствовал себя в праве разговаривать с котами на равных, не стесняясь своей неопытности, уж во всяком случае, что касается его собственной судьбы.

— Я тоже хочу сказать. Я хочу сказать, что я очень благодарен вам, но и то, что ничего я от вас не просил. Я не знаю, кто в чьем сне живет. Но просить о помощи и о снисхождении ко мне — уж наверняка не буду. Тем более, что мог убедить, насколько это бесполезно. Может, я несправедлив, не мне, которого ты спасал не раз, это говорить, но ты убил крысеныша, которому обещал жизнь. А он был не так чтоб и опасен. Что он значил, когда их сотни и тысячи! А слово надо было сдержать. И после этого опыта просить я тебя ни о чем не буду. Я вас и не просил ни о чем, так что нечего меня попрекать. Это нечестно. Это был ваш выбор, — Борис отвернулся лицом к стенке, чувствуя, что горло от обиды жгали неожиданные слезные спазмы, он даже слово теперь не мог выговорить.

— Типичная речь для такого, как ты, который все пытается свалить на чужие плечи и ни за что не хочет нести ответственности. Вы, де, сами захотели меня спасти, вы и расхлебывайте.

— Я ничего похожего не говорил! — выкрикнул через силу Борис.

— Значит, думал. Никогда не поверю, чтоб не думал так, — мрачный кот зло рассмеялся. — Все вы, людишки, одним миром мазаны. Да и вообще, мы здесь живем, а он здесь случайно, — глаза его сверкали в полутьме подпола, усы топорщились.

— А теперь послушайте меня, — вдруг серьезно и су-

рово прервал их перепалку Степа. — Пусть он здесь случайно. Но всегда должен найтись кто-то, пусть случайно вытолкнутый в наши обстоятельства, кто не побоится противостоять Злу. Крысы — Зло. И Борис их не испугался. Он может и не устоять, а может и устоять. И мы ему в этом помогаем. И тогда, если он устоит, возникнет надежда. Надежда на то, что и другие люди, и Саша, и Саня, и все эти Шурики перестанут быть рабами крыс. И если это и его сон, то пока, по крайней мере, сон этот не плох, — он примирительно улыбнулся. — А теперь я хочу вам предложить и в самом деле поспать. Утро вечера мудренее. Ведь часто бывает так: вечер плач, заутра радость.

Мрачный кот пожал плечами и, не говоря больше ни слова, улегся между Степой и стенкой подвала, прикрыв, притушив свои глаза. Борис упрямо постоял еще минуту, но потом тоже лег с другой стороны, положив голову на сгиб руки. Он подумал было, что не сможет уснуть от усталости и обиды, однако только закрыл глаза, как сразу же уснул. Сны ему, правда, снились тяжелые.

Сны были не только тяжелые, но и странные какие-то. Ему снилось, что он лежит на постели, разостланной на сундуке, глаза у него закрыты, но прямо сквозь веки он видит бабушку Настю, сидящую за столом, под лампой с абажуром, с книгой в руках. Книгу она держит перед собой стоймя, и Борису видно заглавие — "Над Тиссой", роман о шпионе-оборотне, подменившем собой убитого его сообщниками честного парня. А теперь он, Борис, тоже что-то вроде такого же шпиона... или не такого?.. Во всяком случае, не оборотня, это крысы — оборотни!.. Интересно, осудила бы его бабушка Настя или нет? За что? За то, что он вмешивается в чужую жизнь, ведь она против всякого вмешательства и всякого действия. Борис долго смотрит на нее, не отрывая глаз, и засыпает. И понимает, что засыпает. И ему снится в этом новом сне печальный отец. Печальный, но одновременно и грозный, и решительный. Он не то звал его к себе, не то посылал куда-то, где страшно, но вместе с тем это почему-то значило, что и к

себе. И Борис шел, спотыкался в тумане о какие-то выбоины, но шел, так ему хотелось заслужить одобрение (и тем самым прощение) отца. Откуда-то донеслись угрозы, страх толкнул его бежать, казалось, что кто-то хватает его липкими, цепкими руками, страх пронизывал каждую часть его тела, обессиливал, но он все равно бежал, и вдруг страх исчез. Он видит себя в доме Старухи, но как-то необычно видит: будто он разговаривает вечером со Старухой, а также видит и Эмили, сидящую на втором этаже перед зеркалом, собирающуюся в гости. А потом, когда у сарая он любезничает с Эмили, он видит, как в доме Старуха кипятит котлы кипучие, точит ножи булатные... А потом опять бежал, бежал через железнодорожную линию, а кругом шастали по всем дорогам и искали его вооруженные отряды крыс, о чем он во время бегства и не подозревал. И вот хлынул ливень, но теперь он откуда-то знал, что ливень этот пущен по приказу крысиного императора, чтобы кроме Бориса людей на улице не осталось и легче было бы его найти и выявить. И снова, даже во сне, тоска и отчаяние охватили его. Однако и троллейбус ему приснился тоже, и Деревяшка, и то, что он полагал своей заслугой — отказ от питья спиртного, — оказалось заслугой Степы, то отвлекавшего его, а то и просто опрокинувшего его стакан. Но не успел он рассердиться на Сашу с Саней за то, что спаивали его, как увидел их в борьбе с крысами, вломившимися в Деревяшку, увидел перевернутые столы, опрокинутые стулья, сшибающие крыс с ног мусорные урны, разбитые тарелки... И Алека видел он, но теперь он не боялся его и не ненавидел, а... жалел. Потому что видел он, что мечется Алек между всеми, между ним, котами и крысами, и хочет определиться, а не получается у него — хочет быть и солидным, и ученым, и достойным, а как в этой ситуации этого добиться — совсем неясно. И вот Борис удрал с котами, а борьба, оказывается, продолжалась (все это он видел во сне), летели на пол стаканы, бутылки, разливалась по полу красная жирная подливка, в которой скользили крысы, хрустели под ногами выпавшие из разбитых бутылок заспиртованные зеленые змееныши.

А потом другая картина: опять Саша, Саня и Эмили, и кухня какая-то, напоминающая дачную, стол,

на столе бутылки, стаканы, опять пьянка-гулянка. И будто и не было ничего, лица красные, на заднем плане еще какие-то девицы и мужики маячат, вроде бы веселье, и слова бессвязные, неразборчивые, только одно словечко "бормотуха" Борис и смог разобрать. Как понял он, так они напиток свой называли. И очень ему захотелось спросить кого-то, что это такое. Тогда-то каким-то усилием воли сделал он так, что оказалась перед ним (или он перед ней?) бабушка Настя, все за тем же своим столом, но это он не в старый свой сон вернулся, а она из старого в новый перекочевала и на мысленно заданный им вопрос обстоятельно принялась отвечать: "Потому, Борюшка, бормотуха, что, выпив ее, начинают люди бормотать так невнятно, что похоже это не на человеческий язык, а на крысиный. Ее крысы нарочно для людей делают". Сказала и исчезла, потому что ее место заняла Эмили с гитарой. Сидела она, склонив голову к гитаре, почти щекой прижимаясь к ней, а глаза мрачные-мрачные. У Бориса даже сердце защемило. А она отложила гитару в сторону, встала, подошла к окну, и Борис увидел ее глазами колодец, Старухин домик, и крыс, бродящих вокруг забора, но пройти во двор не решающихся. И Борис догадался, что стража это, оцепление. А во двор Старуха вдруг вышла и принялась на веревке выстираннй подвенечнй наряд развешивать. Эмили совсем погрузнела и от окна отошла. А дальше во сне пошла и вовсе несуразица, ему совсем непонятная. Дом, высокий, в окружении бетонных колонн, меж них вьется винтовая лестница, а по ней, грязные, изодранные, бегут два кота и он, Борис, а потом он пытается с лестницы пролезть сквозь эти колонны куда-то, и Степа его проталкивает, и снова туман, все закрывающие клубы тумана, и ощущение пустоты внизу, пустоты и глубины, и сразу как-то он в кабинете оказался, в мягком кресле, на стенах картины висят, книги повсюду, и какой-то человек над столом склонился. И чудится Борису в этом человеке нечто мучительно близкое и родное, но почему-то не решается он его окликнуть, будто робеет. А дальше и вовсе какие-то скалы, и по ним сбоку словно черта проведена, извилистая, вверх ведущая, и ясно, что это тропинка, а по ней путник движется по-над пропастью. И он с удивлением и замиранием сердца узнает

в путнике этом себя. А потом странное кружение и мелькание в глазах, и скачущие лошади, и он тоже верхом на лошади, в руках меч, ножны шлепают по бедру, меч тяжелый. И вдруг он уже на ногах, и кто-то его обнимает, радостно бьет по плечу, это Саша? Саня? он не может понять... Борис открыл глаза и увидел, что лежит рядом со Степой на одеяле, расстеленном прямо на жесткой земле, а над ним потолок погреба.

Степа потянулся и зевнул.

— Ну наконец-то растолкался, — сказал он, сам при этом не вставая, а потягиваясь и жмурясь. — А я вот лежу и не сплю, все думаю. Удивительная ситуация в жизни — сон. Ведь половину жизни проводишь во сне. Что ж, значит ли это, что во сне мы не живем? Да и что есть сон, а что явь? Быть может, наша дневная жизнь нам как раз снится, а ночью мы соприкасаемся с мирами как будто иными, а на самом деле что ни на есть реальными. И в этом сонном царстве, конечно, сонном, днем-то, к сожалению, мы не спим, это я только предположил, так вот, в сонной действительности то, чего не было, что хотелось или могло, становится былью. Сон, он сродни поэзии. А знаешь ли ты, что есть поэзия? Я тебе скажу.

Чудесный дар богов!

И пламенных сердец веселье и любовь,

И прелесть тихая, души очарованье —

Поэзия! с тобой

И скорбь, и нищета, и мрачное изгнанье —

Теряют ужас свой!

И неважно, чей сон, мой или твой. Я тебе снюсь или ты мне. Ведь во сне тоже можно видеть сны. Во всяком случае меня этот сон устраивает, ибо я в нем существую. Никто же не знает, иль вся наша и жизнь ничто, как сон пустой, насмешка неба над землей!.. Помнишь, чьи это слова?

— Конечно, — отвечал Борис, удивленный поэтическим направлением утреннего разговора и тем, что нигде не видно второго кота. Его место было пусто.

— Великий Александр! Надеюсь, он окажется прав и победит Александра крысиного. Победит, потому что в его мире допускается поэтическая вольность, условность жизни. А император ух как против всяких сно-

видцев и поэтов. Он считает, что его царство — это единственно возможная реальность, и тех, кто в этом сомневается, старается уничтожить. Он так тебя и испугался, потому что ты появился из сна, в нарушение всех его запретов и декретов, а значит, к тебе непременно должна притянуться Заклинательная Песня, а там и того хуже, глядишь, и вправду Лукоморье и Лукоморские Витязи оживут и явятся.

— Я не пойму что-то, — слабым голосом сказал Борис. — Так, стало быть, это все и в самом деле сон? Тогда почему же мы сражаемся, бежим, откуда эти раны, кровь?..

— Ах, откуда же я знаю, — сказал Степа. — Я же не Мудрец. Я только думаю, что это так кажется, что сон можно направить, куда хочется, что им можно управлять. Но ведь и про жизнь так кажется, и на самом деле, это она нас ведет, куда хочет.

— Ну хорошо, — продолжал спрашивать Борис, по-прежнему лежа, не вставая, хотя и удивлялся, что они так вот валяются, никуда не идут и где-то второй кот пропал, а от этого чувство тревоги и какая-то обида на него, — тогда скажи, почему ты веришь в спасительность поэзии?

— Опять теоретический вопрос, — вздохнул кот, — а в теории не силен. Но ладно, ладно, ради тебя попробую ответить. Мне кажется, что в любом мире, и сказочном в том числе, существует высшая энергетическая, если пользоваться ученым языком, точка, — и это поэзия. Она спасает служащих ей от всех бед. Но если в бодрствующем мире, в действительной жизни поэт спасается только духовно, то в сонной, сказочной, то есть самой по себе уже духовной, поэзия оказывается материальной силой. Вот тебя же ведет вперед Заклинательная Песнь.

— Какая такая Заклинательная?..

— Но лишь тот, кто прозрел, свой высокий удел,

Кто беде и опасности рад, — процитировал, усмехаясь, Степа.

— Как так?.. Но это же Эмили сочинила... Да потом я почти и не вспоминал последнее время эти строки, просто почти забыл... И Саша с Саней говорили, что это не Заклинательная, раз Эмили ее сама сочинила...

— Эмили сама сочинила, но ведь и ты сам идешь!..

А то, что не повторяешь эти строчки про себя каждую минуту и кажется тебе, что ты их забыл, — ну и пусть. Это только так кажется. На самом же деле они подтолкнули ведь тебя, направили, а дальше уж сам должен...

Кот замолчал, молчал и Борис. Потом спросил:

— А где же твой приятель?

— Должно быть, сбежал, — с неохотой ответил Степа. — Ему не хочется быть в чужом сне. Придется нам вдвоем добираться.

— Ладно, — согласился Борис, потому что ничего другого не оставалось ему делать. Эта комната с земляными стенами, земляным утоптанном полом, на котором они лежали, подложив только одеяла, все это обширное, как ему поначалу показалось, пространство, теперь виделось ему ловушкой, из которой надо как можно скорее выбираться. — Что же мы тогда валяемся и разговоры разговариваем?! Я-то думал, что мы твоего приятеля ждем. Надо идти.

Он встал на колени, уперся ладонями в пол, готовясь вскочить на ноги, но вид вальяжно развалившегося Степы охладил его.

— Пойдем, успеем еще, ты не торопись, — Степа потянулся, совершенно по-кошачьи изогнувшись всем телом. — Почему и не понежиться, не расслабиться перед последним рывком? А уж, потом идти и не останавливаться, потому что будет нелегко.

Он вдруг внезапно вскочил на ноги, и лампочка без абажура, висевшая на длинном шнуре, замигала и загорелась вполнакала, стало сумрачно. Степа схватил топор и замер.

— Неужели они открыли Лаз? — прошептал он. — Эх, жаль мрачный друг мой удрал, как бы он пригодился нынче.

— Здесь я, здесь, — слышался угрюмый голос, и из отверстия в стене, ранее Борисом незамеченного, вывалился мрачный кот, измятый, изодранный, весь в земле. Впрочем, красные полусапожки котов давно уже от земли были черными. Вразвалочку он подошел к столу, с усмешкой посмотрел на Степу. — У своего подопечного бояться выучился? Опустит топор. Совсем было вас оставил, да вот вернулся, — слушая его, Степа принялся собирать на стол всякую снедь, пока вто-

рой кот мылся и говорил. — Совсем уж было свернул к выходу, да что-то мне подозрительное показалось у отводки Лаза, что к карнизу ведет. Вот я и вернулся. Хотя и нет у меня желания принимать участие в подвигах этого как бы Победителя Крыс, но никто не может сказать, что потомок кота из Кистеневки бросил кого-то в опасности. Да, не в моих правилах оставлять друзей в беде. Даже кот ученый, твой пресловутый братец Макс, мне в этом не откажет.

— Н-да, г-м я у, — сказал Степа, — бедный Макс работает как вол на цепи: идет направо — песнь заводит, налево — сказку говорит, весь день в трудах, нам и то легче. А шутка ли заботиться о всеми оставленных и забытых витязях, где-то на краю света, у Лукоморья. А он все поддерживает в них надежду, что явится Борис, что спадет с них заклятье. А мы? Неужели же ему не поможем? Всего-то последний рывок остался. Разумеется, для нас, а ему, — он кивнул на Бориса, — путь еще не близкий.

Они закусили перед дорогой, выпили молока, все движения котов были слаженны, видно было, что, несмотря на размолвки, они прекрасно понимают друг друга. Ушишки Степины топорщились как всегда молодцевато и были даже слегка закручены. Отхлебывая молоко и глядя на ставших деловитыми котов, Борис чувствовал, что его охватывает беспричинно хорошее, даже веселое настроение. Их деловитость и бодрость словно переливались в него.

— Ну, в перед, — сказал Степа, вставая. Они быстро прибрали со стола. Степа даже сполоснул посуду и расставил все по местам.

— Я — первым, — мрачный кот решительно встал во главе их отряда, держа топор за топорище у самого лезвия, что придавало коту совершенно разбойничий вид. — Какие-то я там шорохи слышал, и помню отчетливо, где.

Степа пожал плечами:

— Как желаешь...

И они нырнули в проход, который коты называли Лазом. И действительно, если в других переходах еще хоть как-то можно было идти, пусть и согнувшись в три погибели, то здесь можно было только лезть, пролезать, ползти. "Теперь понятно, — думал Борис, —

почему кот явился такой грязный и земляной. Как, оказывается, трудно ползти! Надеюсь, там впереди нет обрыва или ямы какой. А то так один за другим и рухнем вниз, не успев опомниться. Глаза совершенно землей засыпало, ничего не разберешь. Но я доверяю тому, кто впереди меня и на чьи сапоги я все время натыкаюсь, я доверяю ему, потому что Степа доверяет ему. Хотя он и пытался нас бросить. Вот развилка, но мы ползем направо. Интересно, долго еще так пресмыкаться как червю? А наверно, страшно ползти первому — глаза запорошены, ничего не видно. Понятно, почему у червей нет глаз, все одно — темнота кругом. Ох, как устали и болят руки и ноги, просто сил больше нет. А если, скажем, землетрясение или даже домотрясение, то Лаз этот запросто засыпет, и уж нам никогда отсюда не выбраться! А мы все ползем и ползем. Ужасно долго и медленно. Скорее бы! Интересно, как там Степа, не отстаёт?.. Хотя вряд ли. Это у меня такое ощущение, будто мы ползем уже миллион лет и все к центру Земли. А он-то этот ход небось лучше всех, лучше даже крыс знает. Видят ли коты в такой темноте? Или тоже закрывают глаза, чтоб земля не засыпалась?" И вдруг Борис вывалился из дыры куда-то, точнее сказать, впереди идущий кот выдернул его из отверстия, как морковку из земли. Поставил на ноги и прошипел в ухо:

— Отряхивайся давай, только тише! Тихо-тихо!

Послышался легкий шорох. Борис, страхнув с лица, с ресниц землю, открыл глаза и увидел Степу, выскользнувшего из того же отверстия, отверстия совсем почти не заметного, сливавшегося с остальной землей, потому что находилось на уровне человеческого роста, даже выше, и не всякий мог сообразить, что здесь нужно задрать голову и искать ход, дыру, Лаз. Коты стояли, склонив друг к другу головы, и шептались, время от времени поднимали головы и прислушивались. Но ничего, кроме тишины, не было слышно. Борис огляделся. Они опять были в подвальной комнате, с высоким потолком, зарешеченным маленькими окошками, слегка освещавшими сверху помещение, на полу валялся всякий хлам: железные скобы, ручки дверные, рваные шины, просто куски толстой резины, башмаки без подметок и оторванные каблуки, грязные бре-

зентовые рукавицы, ватник, выпачканный масляной краской, пустые картонные коробки, это только то, что под ногами. А дальше виднелось примерно то же самое. Словно здесь работали строительные рабочие, кончили дело, побросали все и ушли. Сама комната была широкая, но продолговатая, и ясно было, что путь их лежит сквозь дверь в дальнем углу. Больше дверей и проходов никаких не было видно. "То есть для наших врагов, подумал Борис, это вроде бы как тупиковая комната. И здесь нас никто не ждет и искать не будет".

— Ну и что? — спросил Степа.

— Следующая — проходная. Ее не миновать, откуда бы мы ни шли. Там наверняка засада. Когда я полз в полной тишине, то шум и шорох доносились откуда-то отсюда. Но здесь — никого. Значит, там.

Коты заговорили довольно громко, так, что Борис мог слышать все их слова.

— Но отсюда же они нас ждут, — сказал Степа.

— Ясное дело...

И тут из комнаты, названной котом проходной, послышался детский плач, взхлеб, с обидой рыдал кто-то, будто его били, обижали, мучали.

— Это ребенок! — воскликнул Борис и сделал шаг вперед, сжимая топор, хотя внутри у него непонятно почему все заглодело. Но наткнулся на кулак мрачного кота.

— Ребенок? — повторил тот. — Вот я сейчас ему бестолковку раскокаю, этому ребенку! — он отложил топор и вытащил из кармана кистень на цепочке. Намотав цепочку на руку, он скользнул вперед.

— Эй! ты только посмотри, — шепнул ему вдогонку Степа, удерживая Бориса. — Ты разве не знаешь, — обратился он потом к нему, — что крысы могут принимать любые обличья. Вот как их главарь принял обличье настоящего императора, проник во дворец, а там настоящего и загрыз. Но об этом еще долго никто не знал, пока крысы повсюду власть не захватили. А ты говоришь — плач ребенка! Вполне может быть, что это они нас заманивают.

— Но почему? Мы же и сами туда шли! — удивился Борис.

— Почему? Мы засиделись, долго не появлялись,

а они не знают, где мы, испугались, что мы знаем другой путь на карниз, им не известный, вот и выманивают, на жалость берут. Такой вариант объяснения тебя устраивает? Впрочем, вот и наш друг. Сейчас мы все подробно узнаем.

Но мрачный кот был как всегда не особенно разговорчив.

— Наш прием против нас, — сказал он. — Вот ведь переимчивые подлецы! А ты знаешь, кто за беби надрывается? Алек. Вот сученок. И около него еще двое крыс. Передовые, наверно. Они нас совсем из другой комнаты ждут. Там и засада, видимо. Только мы бы на их крик выскочили, они бы нас с тыла и прижали. Ну, что будем делать?

— А сам проход к карнизу открыт?

— Этого я не знаю. Трое на дороге сидело, потому уж, извини, не подошел поближе посмотреть...

— Ладно, не злись. Все равно другого пути нет.

— Тогда наше дело — труба. Не думаю, что они проход не перекрыли. Не такие они дураки.

— Эх, — сказал Степа, — труба, знать бы, где тут труба расположена! Но мы не знаем, и нам путь только один — вперед!

— Какая труба? — спросил Борис.

— Сплетни это все, — отрезал мрачный кот.

— Кто знает, — пробормотал Степа. — Говорят, что был тут такой ход в старину — через медную трубу к лестнице. Люди для себя сделали. О ней и крысы ничего не знают. А люди ее проложили, чтоб спускаться вниз в экстренных случаях — для починки всевозможных своих коммуникаций. А крысам она и без нужды была. Только люди и могут про нее помнить.

— Что тогда говорить!.. — сморщился Борис. — Тогда вперед, — хотя очень ему хотелось ускользнуть по трубе.

Но не ему одному. Видно, и котам тоже.

— А, может, этого сукина сына Алека потрепать, — предположил, не двигаясь с места, Степа.

— Можно попробовать, — неожиданно для Бориса, ожидавшего от Степиного приятеля большего ригоризма, ответил второй кот. На трубу и он возлагал надежды.

И они скользнули к проходу, коты, а Борис следом.

Ему казалось, что он такой же теперь, как они, ловкий и стремительный, так же движется бесшумно и удар у него, наверно, такой же могучий. Во всяком случае ощущал он в плечах мощь и силу. И вообще, он с ними на равных, важная часть могучей боевой группы!

Рывок был и вправду стремительный, хотя и молчаливый. Крысы, так и не увидев нападавших, рухнули под ударами двух топоров, их мечи перешли к котам, а Алек был схвачен, скручен и отнесен в тупиковую комнату. Там его отпустили, бросив на землю.

— Убить его, гадину, без пощады! — сказал мрачный кот, заноса топор. — Хотя бы потому, что он нас видел. Опять выдаст.

— Не выдам! Клянусь, не выдам! Можете поверить, — толстое лицо Алека, перемазанное в земле и слезах, дрожало студнем, очки были разбиты, и он сжимал их в руке, волнистые когда-то волосы лежали на голове сальными, грязными прядями, он явно хотел держаться с достоинством, но слишком боялся, и от этого выглядел таким несчастным, что Борис его даже пожалел.

— Старик, спаси! — вдруг бросился к нему Алек, хватаясь за него вялой, слабой и потной ручкой, так не похожей на его прежнюю цепкую лапу. — Спаси старик, — говорил он, торопясь и глотая знаки препинания, — ведь мы друзья конечно насильно мил не будешь но я всегда хотел быть тебе другом я же мог тебя догнать тогда однако я тебя пожалел подумал что пусть лучше Старуха его крысам продаст чем я ты с самого начала показался мне симпатичным своей положительной сдержанностью для меня как для ученого это самая симпатичная черта вот я и положился на старуху я же не знал что тебе Эмили поможет а тогда крысы взяли послали меня в Деревяшку а что мне оставалось делать а разве ты бы на моем месте не пошел будучи в моей ситуации ведь у меня защита докторской через месяц но ведь и в Деревяшке ты помнишь я удержался и не выдал вас когда крысы пришли а что ты можешь обижаться что я с Эмили помолвлен так это уже давно было тебя тогда еще не было да и кто знал что ты уцелеешь во всех этих передрягах...

— Что с Эмили сейчас? Где она? — перебил его Борис, вспомнив свой странный сон.

Алек тут же торопливо бросился говорить:

— Старик я не виноват это старуха ее заколдовала такие у нее есть заклятья но не страшно клянусь не страшно я бы не позволил но я и против этого заклятья тоже протестовал можешь мне поверить хотя так нам всем спокойнее она просто теперь со двора не может выйти а так с ней все в порядке ей даже кажется что это она сама не хочет никуда выходить и ни во что вмешиваться к ней еще и приятелей ее нагнали Сашу там Саню подружек ее чтоб ей скучно не было они там сидят и развлекаются ни о чем не думают время себе проводят пока тут у нас с тобой заваруха кончится и они песни поют на гитаре бацают водку с зелеными змеями попивают ничего интеллектуального ты же сам понимаешь и знаешь им цену этим пьянчугам но Эмили они не обижают можешь мне поверить и за нее не беспокоиться и крысы на двор тоже не заходят они все вокруг расположились но незаметно так что ты и не заметишь если к ней пойдешь это для тебя старичок ловушка но старик клянусь честью заверяю тебя ничего плохого они тебе делать не собираются напротив просто они хотят предоставить тебе последний шанс вернуться домой чтоб ты здесь не мешался потому что иначе им придется с тобой поступить как-нибудь иначе но мне про это и думать не хочется я-то думаю что ты достаточно умен и не упустишь такого случая что же касается меня...

Но тут коты перебили его речь.

— Что же касается тебя, — сказал Степа, — то ты, однако, большой мерзавец. И хватит уже, поговорил. Теперь отвечай на вопросы, если хочешь цел остаться, ведь "большинство котов, — проговорил он голосом Алека, передразнивая его слова в Деревяшке, — имеют отвратительную привычку долго мучить свою жертву прежде, чем расправиться с ней". Где здесь труба?

— Какая труба? — искренно удивился Алек.

— Медная. Не тяни, отвечай быстрее.

— Клянусь, не знаю.

— Ой, берегись!..

— Да он, небось, не знает, — вмешался мрачный кот со зловещей улыбкой на морде. — Откуда ему знать? Ведь он крыс, а не человек. Он уже давно окрысился.

— Думаешь? — переспросил как бы в задумчивости Степа. — Ну тогда и разговор с ним будет другой.

И он вдруг сильно уколол Алека мечом, отнятым у крыс. Тот, вскрикнув, отскочил, но наткнулся на меч Степиного приятеля. На него было жалко и гадко смотреть. Борис услышал мурлыкающий смех обоих котов, которые веселились, как дети, покалывая Алека остриями мечей то в бок, то в спину, то в грудь, то в бедро, то в шею, то в задницу, а он крутился, визжал от боли, но не решался выскочить из страшного круга и бежать, боясь, что коты его догонят и просто-напросто зарубят. Поэтому он даже пытался подхихикивать заискивающе, надеясь, что коты ограничатся своей жестокой шуткой и не растерзают его. Вот так Степа, вспомнил Борис, играл на даче с пойманными мышами. И Борису все тогда казалось, что он поиграет, помучает, а потом отпустит, но не тут-то было! И сейчас, как он догадался вдруг, произойдет то же самое...

— Отпустите его! Пожалейте! Ведь он же человек! — не выдержал Борис, обращаясь к котам.

— Да нет, он крыса! — отвечал расшалившийся Степа, а его приятель только молча ткнул Алека мечом, так что тот взвизгнул сильнее обычного, но сквозь визг и слезы выкрикнул:

— Человек я! Человек!

— Да нет, крыса!

— Челове-ек!

— Крыса!

— погоди, если ты человек, то должен знать, где труба, — сказал суровым голосом мрачный кот.

Алек судорожно посмотрел по сторонам.

— Ну что делать, если я не знаю! — воскликнул он. — Откуда же я вам возьму эту трубу, если не знаю, где она!

Коты переглянулись в некоторой растерянности. непонятно было, что делать дальше. Внезапно послышался тихий шорох, они все резко обернулись и увидели выскочившего из-за дальней, составленной из обломков асфальта кучи довольно здорового крыса, теперь удирающего во все лопатки. Степа рванулся было за ним, но остановился, потому что хвост крыса мелькнул в проходе и исчез. Ситуация складывалась невеселая.

— Заигрались! — сказал опомнившийся Степа. А второй кот с садистическим выражением на физиономии просто взмахнул мечом:

— Для начала я его покалечу, — пробормотал он.

Но Алек как-то ухитрился подкатиться прямо к ногам Бориса, обнять их, вцепиться в них ("совсем как в Деревяшке, — подумал Борис, — только цель другая"), умоляя о защите, и Борис успел схватить кота за кисть лапы, в которой тот держал меч.

— Хватит! Спасибо вам, что вы мне помогаете, спасаете, но ведь должна быть и справедливость. Мне неловко вам такое говорить, получается, что я вас осуждаю. А у вас свои обычаи. И не мне в них мешаться. Я не знаю, во сне все происходит или наяву, но похоже и вы этого не знаете. Но кровь я уже видел, и убийство видел, и похоже, что они настоящие. Как же можно убивать человека за то, что он чего-то не знает. Я этого не допущу, — он чувствовал, что голос его грозно растет, становится раскатистым, а сам он тоже стал грозно пухнуть и увеличиваться в размерах, как это бывает во сне, и коты показались маленькими, стоящими где-то внизу, а крошечный Алек глядел на него далеко снизу, глядел совершенно испуганными глазами, цепляясь за его брюки, ползая у самых его подошв, будто он, Борис, был гигантской статуей, наподобие древнеегипетских сфинксов. Но Степа нисколько не смутился. Он подошел, вытянув лапу, похлопал Бориса по животу и сказал:

— Не надувайся, пожалуйста. Зачем же без нужды убивать. У негодяя есть шанс, тот самый последний шанс, о котором он тебе говорил. Если он не покажет трубу, то как только в проходе появятся крысы, я сам его убью. Потому что отсюда нам не убежать. Это и наш последний шанс.

— Значит, это все же была не Заклинательная Песня, — сникая, сказал Борис, — раз все так кончилось.

— А еще ничего не кончилось, — вдруг опять затараторил Алек, переводя испуганные глаза с котов на Бориса и обратно, — еще вовсе ничего не кончилось после твоего удивительно доброго поступка я раскаялся и вспомнил что оказывается я помню где труба и могу ее найти а тогда я не мог потому что кто же знал что этого крыса заметят меня захотят убить а ты за меня

заступишься нет это в мои предположения не входило и я со страху конечно со страху и из благодарности все вспомнил ведь на самом деле я человек несмотря на мой чуть было не состоявшийся симбиоз с крысами которых я на самом деле теперь ненавижу потому что они мне никогда не простят что я показал вам трубу медную трубу только сумеете ли вы пройти сквозь медную трубу она ведь стоит почти вертикально очень узкая надо лезть вверх по железным поручням и если сорвешься то смерть а так вот она чего мне скрывать вот вход в нее если отодвинуть эту драную резиновую шину и убрать рваный ватник вы увидите в бетонной стене вход...

Говоря все это, он и делал, что говорил: откидывал шину, разгребал руками землю, вытаскивал ватник, и вот появилась труба довольно широкого диаметра. Но только, подумал Борис, как я туда влезу, такой раздутый? Хоть он слегка и сник, но все еще был непомерно пухл. Это очевидно подумал и Степа, потому что, повернувшись к Борису, сказал:

— Ну что, так и будешь пыжиться? Видишь, все в порядке. Или ты здесь хочешь остаться? Тогда берегись. Сейчас здесь крыс будет видимо-невидимо.

Здесь оставаться Борис несколько не хотел, напротив. И крыс он огромного множества испугался, и начал стремительно съеживаться до нормальных размеров.

— Датыне очень-то старайся, — усмехнулся Степа, — а то так съежишься, что мы тебя потом не найдем.

И вот они все собрались у трубы.

— Первым пойдет он, — угрюмо сказал Степин приятель, — вторым пойду я. Если он предал, от меня он не убежит.

— Хорошо, — быстро согласился Алек, всем своим видом показывая, что зачем ему предавать, вовсе незначем.

— Хорошо, — согласился и Степа. — Затем Борис, а замыкающим я. Надо ведь трубу еще засыпать перед уходом, чтоб не нашли.

Они нырнули в трубу. Степа подгреб земли к входу в трубу, а потом ухитрился заложить его ватником. И наступила полная темнота. Идти, или, верней, карабкаться, хватаясь за железные поручни, приваренные

внутри трубы, было трудно. Пахло почему-то мазутом, каким-то гнильем, воздуха было мало и был он испорчен, дышалось с трудом, по лицу катился разъедающий пот. Борис даже слышал, как свистит воздух, входя и выходя из легких. Вентиляции в трубе не было никакой. Мешал топор, потому что занимал руки, он засунул топориче сзади за брючный ремень, стало легче, но не надолго. Поручни выскальзывали из пальцев, а путь вверх казался безнадежно бесконечным. Одно было приятно, что ни сбоку, ни сзади, вообще ниоткуда не грозило нападение. Труба на время пути была надежной защитой. Но наступил момент, когда сопенье впереди идущих, какая-то окалина, сыпавшаяся на голову, в глаза (если поднимал их кверху), за воротник, на руки, пот, ливший уже не только по лицу, но и по всему телу, отсутствие воздуха, — стали непереносимы. Тело ломило, руки так устали, что едва удерживали поручни, прямо разжались от усталости, топор за спиной тянул вниз. Несколько раз он думал, что не сумеет сжать руки и упадет прямо на Степу. Но все же сжимал, и шел, и полз, и лез. И тут снизу послышался шум, визги, крики, и стало ясно, что крысы открыли трубу. И труба сразу наполнилась гулом и грохотом.

— Скорее, скорее, шевелитесь, — шипел Степа таким тоном, словно ему снизу поджигали пятки. "И немудрено, — думал Борис, — может, в него уже копьём тычут".

Но вот и люк, выход из трубы. Это Борис понял по неожиданной остановке и возникшей наверху возне.

— Давай скорее! — рявкнул шедший за Алеком кот. Но Алек и так, судя по его пыхтенью, старался. Наконец, он отвинтил запор, откинул крышку люка и высунулся наружу. Внутрь хлынул свет и воздух. И в ту же секунду Алек как-то странно охнул, и его обезглавленное тело, едва не сшибая по очереди их всех, поползло, а потом и полетело вниз.

— Засада! — крикнул Степа. — Ну и влипши! И этот бедолага... Эй, осторожнее! — повысил он голос, потому что его приятель, прорывав грозно страшным голосом:

— Вперед! За мной! — ринулся наверх, подняв над головой меч.

Раздался звон стали, стук, и вот он уже выскочил из

люка. Крики, удары мечей, рык. Борис и Степа лезли изо всех сил за ним вверх. "Интересно, Алек сам в свою западню попал или это случайность?" — как бы о чем-то постороннем и уж во всяком случае не ко времени думал Борис, карабкаясь по поручням и одновременно пытаясь достать из-за спины топор. Но в тот момент, как он оказался у люка, его, отпихнув, опередил Степа и выскочил наружу раньше его, бормоча под нос:

— Я хоть и не братец Макс, но тоже не оплошаю!

Следующим движением он ухватил Бориса за плечо и помог ему выкарабкаться. Они стояли на небольшой лестничной площадке: и вверх, и вниз вела крутая винтовая лестница. Угрюмый кот отбивался сразу от трех крыс, тесня их наверх. Впрочем, лестница была столь узка, что крысы могли нападать на него только поодиночке. Меж тем крысиный писк и шум в трубе слышались все ближе и ближе. Степа захлопнул крышку люка, но внешний запор был сломан.

— Сейчас они все явятся! — отчаянно крикнул кот — Сюда, скорее! Надо думать, на карниз они не сунутся! Г-мяу! — добавил он, сшибая вниз лапой высунувшегося из люка крыса.

За огромными трубами-колоннами, которые отгораживали лестницу и лестничную площадку от улицы, начиналась узкая кромка карниза. Снаружи клубился туман, пропасть казалась бездонной, а карниз был еле виден.

— Твой путь туда, — быстрым, не терпящим возражения голосом сказал Степа. — Окно Мудреца — четвертое по ходу. Иди. Мы остаемся. Надеюсь, дойдешь и тебе удастся дойти и дальше. Торопись. Мы их еще задержим, пока ты не доберешься до окна.

— Но это подло — бросить вас в опасности, — возражал Борис, чувствуя растерянность от того, что ему придется сейчас расстаться с котами.

— Не знаю, кто в большей опасности — ты попробуй пройди по этому карнизу, — уговаривал его Степа, не давая опомниться и подталкивая к щели между колонн. — А за нас не бойся. Настоящего Кота может погубить только валерьянка. А мы с приятелем, как ты знаешь, не пьем. Да ты не гляди вниз, а то голова закружится. Ну, подождись, я тебя протолкну, — и Борис

очутился на карнизе, все еще держась руками за колонну. — Ну, отпускаяй руки, и в путь, — говорил Степа. — Да скорее. Вниз не смотри, только на то место смотри, куда ногу ставишь. Иди. У Мудреца окно всегда открыто.

— Но я же с вами совсем не простился!

— Вот и хорошо! Значит еще увидимся! Ну, смелее! — кот Степа надул щеки, распушил усы, дружески пыхнул на Бориса и вдруг, ловко повернувшись кругом, вонзил свой меч в подбиравшегося сзади крыса. А они повалили из люка. И началась знаменитая битва у карниза о которой столько потом приходилось Борису слышать.

А он пошел по карнизу. Один раз он только глянул вниз, в клубящийся туман, и больше не смотрел, прижимаясь к стене и глядя на шершавые камни перед самым носом. Три окна, которые ему пришлось миновать, были не освещены и заперты. Они давались труднее всего — гладкие, скользкие, не то, что шершавая каменная стена. Но вот и четвертое окно. Оно открыто, хотя внутри тоже не очень светло — только какой-то ночник горит над кушеткой. А на кушетке кто-то спит, прикрытый пледом. Но не думая даже, что он кого-то разбудит, Борис перевалился через подоконник и рухнул на пол.

Он ударился локтем и плечом о ручку кресла, а ухом и затылком о рубчатую батарею, когда падал на пол. Вскрикнул от болезненного удара, но человек под пледом не проснулся. Теперь Борис сидел на полу, раскинув ноги, слегка прикрытый стоящим у окна зеленым креслом, и от слабости не мог шевельнуться. Тело его сотрясалось от какого-то внутреннего озноба, и хотя было вовсе не холодно, хотелось угреться, укутаться во что-нибудь. Он повел глазами по комнате. Подумал, не разбудить ли ему спящего, ведь все равно рано или поздно будить придется. Но желание хоть чуть-чуть передохнуть, вдохнуть покоя, прийти в себя, побыть самому с собой наедине, при этом в нормальной городской квартире пересилило все остальные желания. Он тихо поднялся, но ноги так дрожали, что он принужден был сесть в кресло, в котором, к своему счастью, обнаружил еще один плед (помимо того, которым был укрыт спящий). Вытащив его из-под себя, Борис хорошенько укутался, почти с головой, оставив только щель для глаз и носа. Слева от него стоял стол, к которому и примыкала кушетка. По краям стола стопками лежали книги, целый ряд книг

стоял, прижимаясь к стене, корешками наружу, белели листы рукописи. Борис вытянул шею, но поскольку настольная лампа не была включена, не разобрал, что там написано. А казалось, что это должен быть труд, объясняющий и крысину страну и что ему, Борису, делать и как. А хозяин рукописи (и квартиры) лежал на диване среди больших подушек, укрытый пледом, и похрапывал открытым ртом. Свет маленького ночника не давал возможности разглядеть, как был одет этот человек, хотя плечи и руки из-под пледа высывались, что-то вроде темной домашней куртки было на нем. На полу у дивана валялась, видимо, выпавшая из рук спящего, книга. Из нее торчало острие карандаша, которым, как понял Борис, он что-то в книге подчеркивал. Так обычно поступал и его отец, и это было ему знакомо. Борис глядел на стол, на диван, на книжные полки справа от себя, на пустое кресло напротив, глядел, глядел, все плотнее вжимаясь в спинку приютившего его кресла, и заснул.

Он проснулся, очевидно, не скоро. Потому что, когда он проснулся, спящий уже не спал, а сидел за столом и что-то писал при свете настольной лампы. Укутанного в плед Бориса он, по всей видимости, не разглядел в полутьме своей комнаты. Сырой туман вваливался сквозь открытое окно, его дыхание чувствовалось, но теплый воздух комнаты поглощал сырость, оставляя только запах свежего воздуха. Борис видел затылок сидящего за столом, зачесанные назад черные с сильной проседью редкие волосы, и, когда тот склонял набок голову, — горбоносый профиль. Если бы не седина и редина волос, не морщинистая щека, не другая квартира, да и вообще не другой — неизвестно, сонный или сказочный, но другой — мир, Борис сказал бы, что в кресле за столом сидит отец. Но это было бы совсем глупо — тратить столько сил, рисковать жизнью, переживать такие опасности, чтобы добраться до собственного родного отца! Нет, надо надеяться, что это и есть искомый Мудрец, что стихи Эмили оказались настоящей Заклинательной Песней и что с помощью Настоящих Котов ему удалось... да, удалось, он только сейчас понял это, пройти огонь (дракон), воду (в подвале) и медные трубы! Вот это да! — удивился Борис, — ведь когда все это преодолевалось, вовсе не думал ни-

кто, что они выполняют Древнее Заветное. Человек тем временем оторвался от писанья, посидел в задумчивости, откинулся на спинку кресла и начал вслух, как это любил отец, сам себе читать стихи какие-то. Отец знал бездну стихов и всегда под настроение бормотал которое-нибудь. Но голос у этого человека был другой, глуше, жестче, гораздо старше. Сидя уютно в мягком кресле, не в силах оттуда вылезти, укутанный пледом, Борис начал прислушиваться, что читает незнакомый старик. А тот вот что читал, будто размышляя вслух.

Но время, опыт разрушают
Воздушный замок юных лет;
Красы волшебства исчезают...
Теперь иной я вижу свет, —
И вижу ясно, что с Платоном
Республик нам не учредить,
С Питтаком, Фалесом, Зеноном
Сердце жестоких не смягчить.
Ах! Зло под солнцем бесконечно,
И люди будут — люди вечно.
Когда несчастных Данаид
Сосуд наполнится водою,
Тогда, чудесною судьбою,
Наш шар примет лучший вид.
Сатурн на землю возвратится
И тигра с агнцем помирят;
Богатый с бедным подружится
И слабый сильного простит.
Дотоле истина опасна,
Одним скучна, другим ужасна;
Никто не хочет ей внимать,
И часто ад тому есть плата,
Кто гласом мудрого Сократа
Дерзает буйству угрожать.
Гордец не любит наставленья,
Глупец не терпит просвещенья —
Итак, лампаду угасим,
Желаю доброй ночи им.

Он замолчал и снова взялся за ручку. "Похоже, что и вправду Мудрец", — подумал Борис. Борис чувство-

вал себя выспавшимся, отдохнувшим, а после стихов и некое умиротворение снизошло ему в душу. Казалось, что просветленность Мудреца каким-то образом просветляет и его, что высокое духовное парение сидящего в комнате человека каким-то образом приподымает и присутствующего здесь Бориса. Ему хотелось навсегда остаться в этой комнате, читать все эти книги, которые читает Мудрец, чтобы приобщаться к чему-то вечному, и, очищаясь душой, думать только о нетленном, испытывая в душе не суету, а ощущение подлинности.

Но тут ему пришла в голову мысль, что он совершенно не знает, как ему окликнуть Мудреца. Одно дело — постучать в окно, а теперь, когда он уже проник в комнату, он оказывается кем-то вроде вора, разбойника, татя... Да и как обратиться к нему? как назвать? Мудрец? Надо бы самым каким-нибудь тривиальным образом... И он взял и закашлялся. Он думал, что Мудрец повернется эдак величаво и спокойно на его кашель и поинтересуется, кто он такой, как сюда попал и что ему надо. Вместо этого Мудрец вдруг подпрыгнул как укушенный, схватил со стола пресс-папье и резко повернулся к Борису, замахнувшись на него. Борис, в свою очередь, тоже испугался и как-то даже вжался в кресло, натягивая на себя плед как защитную кольчугу. Но старец уже разглядел его своим, по видимости, острым глазом, тут же успокоился, усмехнулся своему и Борису испугу, развернул свое кресло и сел напротив Бориса, ласково глядя на него большими темными глазами из-под выпуклых век с редкими ресницами. Зато брови были густые и топорщились как непричесанные.

— Ну, наконец, — сказал Мудрец, — я дождался дня, давно предвиденного мною. Значит, битва у карниза состоялась уже. И Коты победили.

— Откуда это можно знать? — спросил Борис, не зная на "ты" или на "вы" обращаться к Мудрецу.

— О, это очень просто, — ответил Мудрец. — Всякое событие имеет по крайней мере две возможности разрешения. Если бы победили крысы, вместо тебя здесь, в этом кресле, сидело бы совсем другое существо. Этот вариант я тоже учитывал, хотя и не хотел в него верить. Итак, ты дошел. Теперь в душ, пойдем я тебя

провожу в ванную; там и махровый халат, можешь его пока надеть. Потом я накормлю тебя, и мы побеседуем. Ты ведь хочешь этого?

— Разумеется.

— Ну и прекрасно,

После душа, сидя за столом в чистом махровом халате, Борис чувствовал себя и посвежевшим, отдохнувшим, и одновременно размягченным и благодушным, словно путь его закончился встречей с Мудрецом. И никуда больше идти не надо. Мудрец тем временем возился у электрической плиты, готовил яичницу с колбасой. Борис поел, а потом они пили крепкий чай. Борису было очень покойно на душе, одно только было неловко — что сам Мудрец возится и хлопочет для него. Но тот делал все как нечто естественное и само собой разумеющееся. "Отчего такая расположенность ко мне?" И ему захотелось, чтобы Мудрец и впрямь оказался его отцом (как вначале ему и почудилось), который сюда попал, чтобы понаблюдать за ним — во-первых, достойно ли он себя будет вести, а во-вторых, чтобы помочь в случае чего, подать совет. И если его предположение справедливо, то отцу должно теперь стать ясно, что не так уж он и плох, раз сумел проделать такой путь и Настоящие Коты сочли его достойным своей помощи. Он вздохнул.

— Вернемся в кабинет, — предложил Мудрец, поглядев на него.

И вот снова кабинет, и туман за окном, а в кабинете тишина, спокойствие и уют, и они уселись друг напротив друга в креслах, Мудрец накинул себе на ноги плед, и Борис собезьянничал, сделал то же самое и все вглядывался в лицо Мудреца, пытаясь обнаружить знакомые черты, и то находил их, то не находил. Мудрец с тихой улыбкой смотрел на него, и Борис спросил:

— А почему, — спросил он, — здесь, в этой комнате, кажется, что будто и крыс нигде не существует, хотя я знаю, что где-то на улице, за окном, их множество, но будто их и нет. Все у вас тут тихо, мирно...

— Потому, — ответил неторопливым голосом Мудрец, — что я огражден от них энергией моей мысли, которую они не в состоянии преодолеть. Я стараюсь жить так, будто они не в состоянии добраться до меня, будто они не существуют, ибо их существование и в самом

деле преходяще, временно, а вечно и постоянно другое — мир, вселенная, древние книги и думаемые мысли. Потому что нашествий диких, варварских на цивилизованные части света было множество. И люди, не менее жестоко, чем здешние крысы, убивали и мучали друг друга, но великие империи аттил, тамерланов, гитлеров рассыпались в прах, потому что Зло не несет в себе творческой, жизнестроительной силы. Зато идеи Мыслителей и Мудрецов связывают времена и прорывают слой обыденной мелкой жизни как скалы, выступающие из воды и образующие перешеек. Когда я знаю, что в самые страшные эпохи могли существовать Платон и Рабле, Кант и мой любимый Чаадаев, всегда мудрец, а иногда мечтатель, — не знаю, говорят ли тебе что эти имена? — я верю, что сила духа, сила мысли сильнее материальной силы, ведь даже злодеи хотели не только победы, но во все времена пытались свои цели объявить всеобщими.

Разговор их уплывал куда-то в даль уже почти отвлеченных теоретических рассуждений, и Борис попытался вернуть его к законной реальности.

— Но ведь это особая ситуация, — возразил он, — и особый позор, когда именно крысы управляют людьми!

— Ну, я уже тебе говорил, что порой люди бывали и бывают несколько не лучше крыс.

— Ладно, — сказал Борис, — это позиция самоустранения, я не этого ожидал, — он насупился. — Но я хотя бы хотел знать, откуда они взялись, эти крысы? как все это произошло? Ведь не во сне же мне все это пришло!..

— Кто же это может знать? — Мудрец укоризненно покачал головой. — Не во сне ли? Да вот многие Мудрецы считали, что вся наша жизнь есть сон. Так что на этот свой двусмысленный вопрос ответа ты не получишь. Могу только сказать, что и во сне надо стараться жить так, как ты хочешь прожить наяву, впрочем, справедливо и обратное, что наяву мы живем так, как и во сне. Но взаимосвязь этих состояний духа весьма велика, в чем ты, может быть, еще будешь иметь случай убедиться. Во всяком случае запомни, что твоя жизнь и твое здоровье зависят от твоего душевного состояния, от того, имеешь ли ты право уважать себя,

служил ли ты Добру или Злу, или постыдно бежал с этого поля битвы? Да и я не самоустраняюсь, ты не прав. Я, как остров в океане, к которому можно прибиться, отдохнуть и двинуться дальше. Такова уж роль Мудреца во все века. Ты хотел еще знать, откуда взялись здесь крысы и как они покорили людей? Ну, давай порассуждаем. Вспомни, что во всех сказках и историях Гофмана, Жуковского, Грина, Шварца как о самом омерзительном и злобном существе, которое прячется и скрывается до поры до времени где-то в подполе, но в неожиданный момент нападает на человека, на город, на дом, даже на оживших милых игрушек, говорится именно о крысах. В старину о них даже говорили, что они исчадия ада и несколько сродни черту. Я бы сказал несколько другое, ибо в известном смысле крыса и впрямь живет в каждом подполе, в каждом амбаре и доме, в душе каждого человека. Это темная часть человеческой души, ее черное пятно. И пока человек не уничтожит крысу в своем доме, в своей душе, он может опасаться да и заслуживать крысиного нашествия, которое, начинаясь, идет как половодье. Темные силы, чтоб тебе было это известно, легко находят общий язык и легко объединяются, потому что каждый их представитель сам по себе ничто, нуль, и только в массе грозен. А добрые — они все сами по себе, им сложнее договориться. А когда темная сила повалила, то тут уж вскоре перестаешь разбирать, пришла ли это крыса или человек, перевоплотившийся в крысу, которая и без того жила в его душе. И как тут в дудочку играть? Страшно. Потому что за крысоловом не только крысы — все кинутся, поведет крысиная часть души. Надо изнутри пробудить и очистить тех, кого можно, — вот что нужно прежде всего сделать. И многие на это надеются, вот почему они так ждали и ждут Бориса, человека-не-крыса, который разбудит в них древних благородных рыцарей.

— Но почему этого не сделал ты? — незаметно для самого себя Борис отказался от "вы", перейдя к старинно-сказовому "ты".

— Почему? Да так уж получилось, что досталась мне другая роль. Конечно, был я к этой роли предрасположен, любил уединение, тишину, книги... И с возрастом мои порывы погасли, хотя я тоже был опро-

метчив, и в другой истории мог бы стать совсем другим — героем и витязем. Но в этой мне отведена роль Мудреца и наставника, — он задумался, поглаживая свой чисто выбритый подбородок, и заговорил в рифму:

И я, о друг мой, наслаждался
Своей красною весной;
И я мечтами обольщался —
Любил с горячностью людей,
Как нежных братий и друзей;
Желал добра им всей душою;
Готов был кровию моею
Пожертвовать для счастья их.
И в самых горестях своих
Надеждой сладкой веселился
Небесполезно жить для них —
Мой дух сей мыслию гордился!
Источник радости и благ
Открыть в чувствительных душах;
Пленить их Истиной святою,
Ее нетленной красотой;
Орудием небесным быть
И в памяти потомства жить
Казалось мне всего славнее,
Всего прекраснее, милее!
Я жребий свой благословлял,
Любуясь прелестью награды, —
И тихий свет моей лампы
С звездою утра угасал.
Златое, дневное светило
Примером, образцом мне было...
Почто, почто, мой друг, не век
Обманом счастлив человек?
Но время, опыт разрушают
Воздушный замок юных лет... —

лицо Мудреца, усталое, заостренное, с набрякшим полукругом кожи под глазами, сделалось совсем печальным. Он смотрел куда-то мимо Бориса, не то на свои книги, не то просто в пространство.

— Но почему же ты считаешь, — раздраженно спросил Борис, — что все, что не сделал ты, да и вообще никто во всей вашей стране, должен сделать именно я? А если

предположить, что все, что со мной произошло, случайность, и я случайно добрел до тебя? Ведь вполне бы могло этого не быть! И меня вообще могло здесь, у вас, не оказаться! Разве не так? Что тогда?

— Ну что ж, давай, как ты говоришь, предположим, что все происшедшее с тобой, — случайность. И то, что ты попал сюда, и твоя встреча с Сашей, бег по лестницам, то, что ты понравился Эмили и что Старуха тебя не сварила и не поджарила, что Эмили прочла тебе Заклинательную Песню и показала путь к Деревяшке, и что в Деревяшке ты встретился с Настоящими Котами, и что Котам удалось провести тебя подвалом ко мне... Допустим, что все это случайность... Правда, если бы ты был жителем нашего мира, это бы стоило назвать везением... И тем не менее такое обилие случайностей не наталкивает ли тебя на некоторое соображение?..

— На что? Тут можно только одно сказать, что случайность, уже случившись, становится необходимостью, — подхватил было Борис, но осекся, видя, что перечит сам себе.

— Хорошо сказано, — поощрил его Мудрец, и Борис почувствовал, что похвала ему приятна и что он теперь надолго запомнит эти свои слова, как всегда бывало, когда отец или кто-нибудь из взрослых, кого он уважал, хвалили его.

— Однако, — не дал ему расслабиться Мудрец, — продолжим тем не менее наш разговор. Есть простая проверка, случайно ли ты выбрал свой путь. Послушай меня. Опыт подсказывает нам, что стоит отойти в сторону (даже после того, как ты совершил некий поступок, вовлекший тебя в действие, и дальнейшее твое участие кажется неизбежным), как машина судьбы пронесется мимо, сама по себе, без тебя. Главное, вовремя отойти в сторону, затаиться... Подумай, насколько тебе хочется взваливать на себя беды и заботы этого мира. А у тебя есть, где укрыться. Мы бы сидели здесь с тобой, — он встал, подошел к Борису, положил ему левую руку на плечо, а правой обвел комнату, — читали бы книги, рассуждали, прожили бы тысячи жизней, проникли бы в тайны вселенной, попытались бы понять ее устройство, ее влияние на порожденных ею же живых существ, страны и народы были бы у нас как на

ладони, ты бы помог завершить мне труд, который я пока условно называю "Котел истории", — о развитии людей, их силе и слабости, уме и безумии, о том, как они сливались в общества, как распадались, возникали и двигались народы, победы и поражения Добра, его борьбу со Злом, — все должно быть в этой книге, и закончиться она должна объяснением, почему Добро непременно победит. А крысы? Что ж, крысы... они существуют только с одной стороны моей квартиры. А есть и другая... Пойдем-ка...

Они вышли в коридор и подошли к дверце, которую Борис поначалу принял за ведущую в какую-нибудь подсобную комнату, типа чулана. Мудрец нажал на ручку, дверь отворилась, он пригласил Бориса перешагнуть порог, шагнул следом и закрыл за собой дверь. И Борис увидел, что он находится в роскошном фруктовом саду, окруженном высокой каменной стеной. Солнца не было видно, но свет, нежный, рассеянный повсюду и отнюдь не искусственный, разливался по саду, все освещая и согревая, журчал ручей с красиво выложенным камешками ложем и берегами, синь-синело небо, будто никогда здесь и не бывало дождя, только пар поднимался невысоко с земли и орошал траву, кусты, деревья, а на кустах и деревьях висели плоды, спелые, манящие, где-то в ветвях нежно и печально кричали какие-то, по виду райские птицы, а под ветвями, под кронами симметрично растущих шести буков или дубов (издали Борис не мог разглядеть, видел только, что массивные деревья) стояла уединенная хижина, так и звавшая к неспешным и постоянным философическим, книжным занятиям. И словно и нет и не было никогда ни крыс, ни пьяной Деревяшки, ни лохматых леших, ни обрюзгшего пузатого водяного, ни Старухи, ни подвальных ходов, сражений, пота и крови, ни этого страшного, обессиливающего тумана... Вдалеке, за садом, катила плавно и ровно свои воды синяя река, желтели песчаные отмели, а за рекой на зеленой лужайке водили хоровод юные и, судя по всему, прелестные пейзажки и пели песню:

По полю, полю чистому,
По бархатным лужкам
Течет, струится реченька
К безвестным бережкам.

Не рощи, не дубравушки
По бережку растут —
Кусты цветов лазоревых,
Любуясь в ней, цветут!

А речка извивается,
По травушке скользит —
То в ямке потеряется,
То снова заблестит!

Ей убыли неведомы —
Всегда в одной красе;
За прибыль благодарствует
Небесной лишь росе!

— Это ручные русалки, — пояснил Мудрец, — они никому зла не причиняют теперь. В ручье течет живая вода, дающая силу, а на деревьях висят молодильные яблоки. По этой реке ты можешь добраться до Лукоморья, выплыть прямо к зеленому дубу, но это будет не то Лукоморье, какое сейчас, а то, которое сохранилось в стихах. Тебя же послали все к нынешнему Лукоморью, где дуб засох, а под ним сборище духов — витязей, потерявших телесную силу, и к нему ты этой рекой не попадешь. Здесь все другое и для другого. Здесь даже и трава не простая растет, такой даже у Старухи нет и быть не может, потому что это "одолен-трава", она так и называется, потому что одолевает всякую нечистую силу, и нечистой силе вход в мой сад заказан. А по берегу реки растут цветы невинности и цветы удовольствия. Устав от занятий, можно их набрать целый букет. А плоды любви, растущие на деревьях, — слаще их нет ничего на свете. Но приглядишься! сквозь окно хижины виден кабинет, это будет твой кабинет, в нем старинная мебель, мудрые книги, прислушайся к моим словам, друг мой, — и Мудрец вновь принялся читать стихи, держа Бориса за плечо, словно нажатием пальцев старался втолковать не меньше, чем словами, которые журчали успокаивающе и умиротворяюще:

Но что же нам, о друг любезный,
Осталось делать в жизни сей,
Когда не можем быть полезны,

Не можем применить людей?
Оплакать бедных смертных долю
И мрачный свет предать на волю
Судьбы и Рока: пусть они,
Сим миром правя искони,
И впредь творят, что им угодно!
А мы, любя дышать свободно,
Себе построим тихий кров
За мрачной сению лесов,
Куда бы злые и невежды
Вовек дороги не нашли
И где б без страха и надежды
Мы в мире жить с собой могли,
Гнушаться издали пороком
И ясным, терпеливым оком
Взирать на тучи, вихрь сует,
От грома, бури укрываясь
И в чистом сердце наслаждаясь
Мерцанием вечерних лет...

— А можно мне нарвать эту "одолень-траву"? Вдруг она мне пригодится! — словно пропустил мимо уха все уговоры Мудреца.

Мудрец с любопытством посмотрел на него:

— К этой траве надо заклинание знать, — он раскинул вширь руки, волосы зашевелились у него на голове. — В поле чистом растет одолень-трава, — голос его звучал неестественно глухо, "заклинательно", подумал Борис. — Одолень-трава! Не я тебя поливал, не я тебя породил; породила тебя мать-сыра земля, поливали тебя девки простоволосые, бабы-самокрутки. Одолень-трава! Одолей ты злых злодеев: лихо бы на нас не думали, скверного не мыслили; отгони ты чародея, злую ведьму и всю нечистую силу. Одолень-трава! Одолей мне горы высокие, доли низкие, озера синие, берега крутые, леса темные, пеньки и колоды... Спрячу я тебя, одолень-трава, у ретивого сердца, во всем пути и во всей дороженьке...

— Я его запомню, честное слово, наизусть запомню! — воскликнул радостно Борис, заглядывая Мудрецу в глаза и уже живо воображая, как с этой травой ничто ему не будет помехой.

Мудрец покачал головой:

— Из этого сада ничего нельзя вынести. Сюда можно

придти, если удастся, можно здесь жить, если позволят, но унести отсюда нельзя ничего. Так что ты подумай хорошенько над моим предложением, прикинь, хватит ли у тебя сил дойти до конца, не лучше ли вовремя остановиться... Я тебе это советую так, как мог бы посоветовать отец сыну...

Борис резко повернулся. Нет, сходство было, и все-таки это не отец. Стоявший перед ним человек был старше, мудрее, мягче, спокойнее. Остаться здесь — значит, никогда уже не увидеть ни отца, ни маму. И отец никогда ему не простит этой трусости, да он даже разговаривать с ним не захочет, скажет, шел, мол, шел, почти дошел, и вот сдрейфил на повороте, тем более, что вдруг... вдруг под обликом Мудреца все же на самом деле скрывается отец и таким образом он его проверяет...

— Нет, я здесь не останусь, — сурово, даже грубо отрезал Борис, — на меня понадеялись и Саша, и Саня, и Эмили, и Коты, Настоящие Коты, и даже Алек из-за меня погиб, а я что?.. Пойдем назад, — говорил Борис, чувствуя неожиданный прилив совершенно неудержимого соблазна остаться здесь, поваляться на траве, послушать прирученных русалок, полюбоваться на них, таких прекрасных, пленительных, с распущенными черными, русыми, зелеными косами, воздушно-прозрачных... И тут же, испытывая презрение к себе, потому что полагал, что за стремление к радостям жизни можно только презирать себя, он рванул назад, к двери. Мудрец ему не препятствовал, и они вышли вместе. Дверь за ними захлопнулась. И сразу пропал, будто и не было его, очарованный сад, исчезли деревья, птицы, русалки, тихая хижина, испарился благоухающий аромат цветов и свежей зелени. И снова клубы тумана за окном.

— Итак, ты не принял моего предложения, — сказал Мудрец, но не раздражение, а приязнь светились в его глазах. — Рад за тебя. Ты сделал свой выбор. Я рад, потому что на потом ничего откладывать нельзя. Все и всегда сейчас. Мы живем сей час, и другого у нас не будет. Кто не рискует, тот и не выигрывает. Человек должен пройти свой долгий путь. Нет заслуги в том, чтобы жить без трудностей.

Они снова сидели в кабинете, в креслах, друг напротив друга.

Борис задумался на секунду.

— Но если бы я мог в вашем мире погибнуть, я бы наверно и без того давно погиб. Так что заслуги и вообще нет. Я же не рискую жизнью, как остальные.

— Ты в этом уверен? А я нет. Сон вовсе не гарантия бессмертия. Ты можешь и не проснуться. Я же тебе говорил, что сон и явь перетекают друг в друга. И пока твоя заслуга и надежда на победу в том, что ты рисковал своей жизнью ради других. Ведь победа приходит только через преодоление.

Борис морщился. Он ощущал себя как человек, которому надо прыгнуть в воду с вышки или со скалы, а дна он не знает, но знает, что прыжка все равно не избежать и что наступают последние минуты перед прыжком, а потому каждая задержка, каждая оттяжка радовали его, и он поддерживал этот разговор с Мудрецом, хотя думал уже, что нужно решиться и спросить, наконец, его конкретно о пути, ведущем в Лукоморье, а также о том, где ему там искать Витязей и что им сказать. Но вместо этого он спросил:

— А почему же все это досталось на мою именно долю? А если бы я был не я? Или звали меня не Борис, а как-нибудь иначе?

— Потому что это твоя жизнь. У каждого случается хоть раз в жизни то же самое или хотя бы нечто похожее. А это — твое, твоя судьба. Знаешь, почти всем людям в детстве, а многим и потом, когда они вырастают, кажется, что они слишком маленькие, чтобы могли как-то повлиять на события в мире, что от них, от их поступков, ничего не зависит, что есть где-то другие, большие и мудрые взрослые, которые за них во всем разберутся. Но раз в жизни человек все же попадает в точку пересечения разных обстоятельств, когда и сам начинает понимать, что от него зависит все. И вот от того, как он себя поведет, на что отважится, определится и вся его жизнь, вся его судьба. Ты должен понять, что все может быть случайностью, но ты здесь не случайно, а потому и нет вокруг тебя случайностей.

— Да я вроде бы это понимаю, — послушно ответил Борис.

— Понимаешь? Ну что ж, хорошо. Тогда к делу. Потому что пора. Погляди — туман уже сгущается.

Действительно, туман за окном стал совсем серым. Ключья его нахально заглядывали в комнату и отплывали назад, будто какие-то рожи просовывались посмотреть, что у них происходит.

Борис вздрогнул. По телу пробежал озноб.

— Я готов, — сказал он. — Только объясни, где это Лукоморье и как туда попасть? Да и есть ли оно?

Мудрец ответил не сразу. Он закрыл глаза. Веки у него были выпуклые, ресницы редкие и прямые. С закрытыми глазами его и без того большой лоб казался еще больше. Потом он опустил голову, словно в колбании, говорить ли.

— Ну же, — повторил Борис нетерпеливо.

Мудрец посмотрел на него в упор. Глаза его горели.

— Начинаются разгадки, — проговорил он. — И они гораздо проще, чем можно было бы ожидать. Впрочем, не доберись ты до этой комнаты, не дойди до меня, не было бы этих простых отгадок. Лукоморье существует, но существует только для тех, кто верит, что Оно существует. А так до него можно доехать просто на электричке. Никто, однако, не обращает внимания на сухой дуб, не видит бродящего по цепи kota и уж тем более никто не видит, не замечает Лукоморских Витязей. Но лишь тот, кто прозрел свой высокий удел, кто беде и опасности рад, тот в безлунную мглу пусть взойдет на скалу, в полночь мрачную вперит свой взгляд. Пусть душа не дрожит, пусть отважно глядит тот храбрец, что не ведает страх, и, коль взором остер, он увидит костер, что далеко мерцает в горах. И тогда не торной, широкой дорогой, а едва тореной тропой, тропочкой даже, едва заметной, надо двигаться к этому костру. Путь нелегок, по-над пропастью, и если не веришь в Лукоморье, то кажется и бессмысленным, обманным. Зато когда дойдешь и увидишь Витязей, и тебе поднесут боевой шолом, полный пенным вином, совершится Преображение. Ты выпьешь половину, а половину плеснешь на корни дуба. Дуб зазеленеет, а призрачные Лукоморские Витязи обретут плоть, а потом... потом сам увидишь, что произойдет.

— И всего-то? — спросил Борис — Мне кажется, я справлюсь.

Лицо Мудреца помрачнело.

— Не говори гоп, пока не перепрыгнешь. Я уж не

говору, что путь по горам — нелегкий путь. Но не забывай и о крысах, которые тебя ищут и строят всяческие ловушки. Также тебе надо знать, что на двадцать электричек совсем обычных бывает одна необычная. Вместо электрички крысы пускают Дракона. Но узнают об этом пассажиры слишком поздно. Тут я тебе могу подсказать. Если ты увидишь вдали красный свет, то знай — это Дракон, и свет этот не свет, а пламя, им изрыгаемое. Если желтый, то можешь смело садиться. Ну а если ты зазеваешься и света не увидишь, то остается тебе положиться лишь на свое везение.

— Понял, — сказал Борис, вставая. Зуд нетерпения охватил его. Тот зуд, который охватывает выздоравливающего больного, когда он торопит свое выздоровление и стремится скорее выполнить все врачебные предписания, чтобы можно было уже облегченно и не чувствуя жара и слабости поспешить на улицу, впитывая здоровым организмом здоровый воздух. — Постараюсь не зазеваться, — добавил он, улыбаясь и ощущая во всем теле силу и напор.

Мудрец тоже поднялся, пристально глядя на него.

— Ты даже не спросил, как тебе добраться до станции. Торопишься, а торопиться нельзя. Поспешать надо медленно.

Борис смутился.

— А как? — спросил он.

— Сейчас спустишься на лифте, выйдешь из подъезда и увидишь бойлерную красного цвета, пройдешь мимо, потом по асфальтовой дорожке свернешь налево, затем направо и выйдешь к автобусной остановке. Садись на автобус под номером 233 и сходишь на четвертой остановке. Это как раз напротив железнодорожного переезда и станции. Ты уже там был. Вот почему я и говорил, что отгадка проще, чем можно было ожидать. Ты как бы замыкаешь круг, возвращаясь на прежнее место, и дальше по прямой: если попадаешь на электричку, ты вырываешься из заклитого круга. А там, наверху, ты помнишь, наверное, дом Старухи. Смотри не попади туда снова. А то опять и опять придется ходить тебе по кругу: Деревяшка, подвал, Мудрец. Вполне достаточно одного раза. Твоя задача — круг разорвать. Ты все понял?

— Д-да, — неуверенно ответил Борис, впервые за

весь вечер вспомнив об Эмили, о том, что на ней заклятье, и получается, что он бросает ее в беде.

Мудрец подвел его к входной двери, но прежде, чем открыть ее и выпустить Бориса, еще раз испытующе посмотрел на него.

— Так ты отсюда прямо на электричку?

— Н-не знаю...

Мудрец придержал свою руку на запоре, не открывая дверь. В холле перед входом горела электрическая лампочка, освещавшая две книжные полки во всю стену. "Неужели он все это прочел?" — мелькнула у Бориса посторонняя мысль. Но тут же он почему-то подумал, что его отец прочел, наверно, не меньше, и чтение отца как бы приподняло его самого, мол, не хуже вас. И сразу устыдился и опустил голову.

— Скажи честно, что ты затеял, — сурово спросил Мудрец.

Борис покраснел, почувствовал, что лицо горит.

— Я вначале должен помочь Эмили.

— Ты знаешь, как?

— А ты, — в свою очередь спросил Борис, — знаешь, что она зачарована?

— Знаю. И знаю также, что бабского наговора ни один Мудрец не снимет. Старуха быстро бы с тобой покончила, но тебе тогда повезло, что ты Эмили понравился.

— Да и она мне! — твердо сказал Борис.

— Ясно. Вот тебе и еще одна ловушка. Быть может, последняя и главнейшая надежда крыс. Стой! стой! Не пыхти! не вырывайся, все равно сам ты дверь не откроешь. И не возмущайся попусту! Я ценю Эмили не меньше тебя! И восхищен ее талантом. Разумеется, я не влюблен, но поверь моему хорошему к ней отношению. Ты понимаешь ли, что она зачарована? И что с нее спадет заклятье, как и со всех, когда ты доберешься до Лукоморья, и только тогда. Я понимаю, что ты не можешь не пойти к ней. Но учти, что она постарается тебя оставить при себе. Моего искуса ты избежал, а избежишь ли ее. Есть легенда про одного рыцаря, как зашел он в грот к Венере, думал, что пробыл там тридцать дней, а оказалось тридцать лет. Нет чар страшнее женских. Конечно, женщина требует служения, и она права. Учти, однако, что есть высшее, духовное

служение, а есть бытовое, когда ты становишься слугой женщины. Пойми, ты должен ее расколдовать, а не то окажешься простым слугой, будешь служить ей в ее заколдованном состоянии. Не отворачивайся и не хмурься. Я в самом деле боюсь этого, боюсь, что она не пустит тебя в Лукоморье. Оставит при себе.

— Каким это образом?

— Не знаю. Если б знал, сказал бы. А так могу сказать только одно: если увидишь, что что-нибудь мешает твоей цели, задумайся, почему. Помни про свою цель. Помни слово "Лукоморье". Ибо слово сие есть утверждение и укрепление, им же все утверждается и укрепляется и замыкается, и ничем — ни воздухом, ни бурей, ни огнем, ни водою дело сие не отмыкается. Вот я тебя и заклинал. Но не знаю, поможет ли мое заклинье, чтобы ты сумел свое дело выполнить. Все в конечном счете от тебя зависит.

Борис посмотрел прямо в зрачки Мудрецу.

— Не верю я тому, что ты тут про Эмили наговорил. И никогда не поверю. Она Заклинательную Песню придумала. Если б не она, я бы ни в Деревяшку, ни к тебе и не вздумал пойти. Понял? Выпусти меня отсюда.

Лицо Мудреца приняло виноватое выражение. Он открыл дверь, вывел Бориса на площадку, подвел к лифту, все молча, а когда лифт подошел и двери его открылись, сказал:

— Прости. Быть может, я не прав. Благословляю тебя, сын мой.

Двери сомкнулись, и лифт устремился вниз прежде, чем Борис успел хоть что-нибудь ответить.

ГЛА ВА 16 через переезд

Лифт ухнул вниз, и Бориса охватило тошнотворное ощущение ускоренного падения, когда кажется, что остановки не будет, пока не врежешься в землю, и закладывает уши, и дурнота подкатывает к горлу. "Благодарю тебя, сын мой, — повторил про себя он последнее, напутные слова Мудреца. — Значит, это все-таки был отец? Но почему он тогда не сказал, не признался?.. Наверно, не он... Просто Мудрецы обычно так ко всем обращаются, потому что все люди для них — неразумные дети". Лифт падал и падал. Уже и в самом деле казалось, что ничем хорошим это падение кончиться не может. Борис потянулся было к кнопке с надписью "стоп", но удержался, подумав, что надо перетерпеть и он лихо минует в этом лифте все возможные лестницы и переходы, которые в этих домах черт знает куда заводят. Лифт в землю не врезался, а остановился, как и было положено, на первом этаже, двери разъехались, Борис вышел и оказался в просторном холле.

Холл был высокий, светлый, с окном во всю стену.

Пол был выложен керамической плиткой. Чистота, тишина, спокойствие, пустота. Из боковой комнатки консержки доносилась тихая музыка. Ни в холле, ни на улице, как можно было видеть через окно, никого не было. Борис пересек холл и вышел из подъезда. Поднял голову, посмотрел вверх. Окна, балконы, огромные трубы-колонны, отгораживающие винтовую лестницу от улицы... Верхних этажей и крыши не было видно, они терялись в облачном тумане. Где происходила битва котов с крысами, где тот карниз, которым он полз к Мудрецу, — не разобрать. Во всяком случае никаких следов битвы.

На асфальте стояли огромные, глубокие лужи, явно оставшиеся от недавнего ливня. Было жарко, но солнца за пасмурными облаками не видно. Туман висел в воздухе, клубы его, как весной клубки тополиного пуха, крутились как бы сами по себе, проплывали мимо Бориса, не касаясь земли. Вот один проскользнул между тоненькими деревцами, посаженными вдоль асфальтовой площадки перед домом, и поплыл к дальним невысоким строениям, похожим на жилые дома. Второй почти коснулся лица Бориса и проследовал к красному кирпичному зданию без окон, в котором Борис узнал описанную Мудрецом бойлерную. Клубок тумана повисел перед бойлерной, а потом пошел в сторону, свернул за угол дома и пропал с глаз.

Эти туманные клубки, пасмурное небо, следы недавнего ливня — все говорило, что Борис именно там, где он и был до сих пор. Борис побежал, мимо деревьев, мимо бойлерной, к асфальтовой дорожке, потом по дорожке, которая, поворачивая то направо, то налево, вела его к автобусной остановке. Клубы тумана становились гуще, они уже напоминали свалявшиеся куски ваты. Но крыс по-прежнему нигде не было видно. Случайные прохожие смотрели с недоумением на бегущего человека. Борис и сам не понимал, почему он бежит. Ведь после разговора с Мудрецом у него возник свой план, о котором Мудрец почти догадался, но уж во всяком случае этот план не требовал поспешности. Но его словно что-то подталкивало. И не случайно. Клубы тумана стали разрастаться, и вскоре он не видел уже своей протянутой вперед руки, которую он

вытянул, как слепой, чтобы не наткнуться случайно на препятствие. Асфальтовой дорожки он тоже не видел. Он шел наугад. И если бы он не пробежал большую часть пути, до автобусной остановки ему бы не добраться. Но, плутая и спотыкаясь, он все же вышел, куда надо.

Сквозь туман проглянуло желтое пятно света и совсем рядом послышалось гудение мотора — он увидел автобус. Двери открылись и Борис взобрался по ступенькам внутрь. В автобусе было светло илюдно, хотя и молчаливо. Бориса прижало к чьей-то пропахшей потом широкой спине, сзади и с боков его тоже стиснули, и он отдался движению автобуса, тщетно пытаясь хоть краешком глаза углядеть, что делается за окном. Но мешали спины, головы, держащиеся за поручни руки. И тогда он решил просто считать остановки, чтоб не пропустить четвертую. Он теперь твердо знал, что хочет и будет делать. "Иду освобождаю Эмили, а затем к Лукоморью, к витязям. Один, а возможно, что и с ней. Наконец-то появилась Настоящая Любовь, подруга, которая разделяет мои дела и даже вдохновляет на них. Как оказывается важно — это духовное сродство!.. И друзья появились — и Саша, и Саня, и Коты!.. Ведь мы же вместе делаем одно дело! Все сбывается, о чем я мечтал. Хорошо как, когда есть перед человеком Высокая Цель. Все проясняется в открытой борьбе. Я раньше все думал кого-нибудь "заинтересовать собой", а это возможно только, когда дело делаешь, тогда нет желания казаться и ощущения собственной пустоты, а все подлинное, и это замечательно! Это счастье! А раньше был только стыд, что я обычный девятиклассник, у которого нет ничего конкретного, кроме смутных стремлений к чему-то высокому..." Так он и проехал, размышляя неотчетливо, до нужной ему остановки и, продравшись сквозь толпу, выскочил из автобуса.

Автобус вывез его из густого, слепящего, беломолочного тумана и, хотя все равно было пасмурно, небо обложное, появилось странное чувство, что тучи вот-вот разойдутся и выглянет солнце. Но стоило взглянуться, как это ощущение тут же пропало: просто контраст между хмурыми облаками и надвигавшейся на переезд совсем уже черной тучей вызвал странную

подсветку, как бы обещающую солнце. Во всяком случае туман здесь был пока воздушный, прозрачный и все было различимо, хотя будто в каком-то неясном мареве, создававшем ощущение миража, готового тут же исчезнуть. Борис стоял на глинистой, с ямами и рытвинами, насыпи, сзади пивной ларек и дорога через трамвайную линию к восемнадцатому троллейбусу, а впереди обрыв и внизу железная дорога, а через дорогу другая насыпь, на которой толкнутся люди, напоминавшие издали сластен насекомых, сползшихся на праздничный пирог, забытый хозяевами в пустой комнате, а сразу над насыпью — склон, еще утром поросший лечебной ромашкой. Сейчас ромашка была скошена и лежала грудами и охапками, еще не собранная в копны. На этом склоне и находилась тропинка, что вела к домику Старухи. Спрыгнуть вниз, перебежать через рельсы, влезть на похожую на пирог насыпь, затеряться и потереться между людей, послушать, что говорят, где крысы, а потом рывок и к Эмили. "Странно, что здесь никаких платформ", — подумал он, приготовляясь прыгать вниз и соображая, как же они все будут садиться, когда подойдет поезд, как вдруг ему послышался голос Степы:

— М-мур, г-мяу, конечно, поспешно жить не запретишь, но я бы прежде, чем лезть, очертя голову, в ямке спрятался да и огляделся, переждал бы малость.

Борис быстро оглянулся, Степы не увидел, но увидел довольно глубокую яму неподалеку от себя, в которую он тут же и прыгнул, привыкши за время совместного пути полагаться на Степу. И вовремя. Люди на склоне вдруг засуетились, подхватывая свои чемоданы и рюкзаки и переходя с места на место. Так насекомые, взмахивая крылышками и поднимаясь с насиженного места, со сладкого пирога, все же не улетают далеко, в надежде вернуться, потому что вошедший хозяин только махнул на них рукой, но занят другим делом, ему не до них, и мошки и насекомые это чувствуют.

Борис пригляделся и увидел этих хозяев.

Четверо всадников ехало по верхней кромке склона вдоль бетонных покосившихся столбов. Они вглядывались в толпу людей, сновавшую по насыпи, и явно

кого-то искали. Борис вжался в землю. Он не был испуган, однако жалел, что Степин голос ему лишь померещился в этом колдовском, обманном тумане и что рядом с ним нет не только друга, но даже никакого оружия. Не успел он так подумать, как рука его, шарившая по земле, нащупала какой-то твердый предмет. Скосив глаза, он обнаружил небольшой кинжал в ножах. Это уже было что-то! Нацепив кинжал на пояс, Борис продолжал наблюдать за противоположным склоном. Длинные гладкие хвосты крыс-всадников нервно подергивались, похлестывая по бокам медленно шагающих крыс-лошадей. Всадники что-то прокричали, но голоса их плохо долетали через дорогу, да и туман мешал разобрать слова. Затем они взмахнули своими хвостами-хлыстами, крысы-лошади вздрогнули от ударов и перешли на рысь, сами себя тоже подхлестывая ударами своих собственных хвостов, и цепью, лентой зазмеились всадники дальше вдоль железно-дорожного полотна, озираясь по сторонам, и вскоре скрылись с глаз. Можно было вроде бы и выбираться и прыгать вниз, перебегать дорогу и лезть на противоположную насыпь...

Но ему ужасно как не захотелось показаться одному на глазах у всех, чтобы все поняли, что он один, что он и есть Борис. Хотелось бы со Степой посоветоваться, но того не было и видно нигде. Борис еще раз подумал, что Степин голос ему только почудился, а на самом деле так прозвучал — со Степиной интонацией — его собственный внутренний голос, потому что, конечно же, хочется даже голосом подражать герою, который кажется тебе идеалом. Поэтому надо подумать, как бы поступил в этом случае Степа, решил Борис. Но ничего толкового не придумывалось. "Как жаль все-таки, что я не местный, а то бы непременно чего-нибудь да придумал. Хоть бы догадался, откуда кинжал появился, стоило о нем подумать. Может, это что-нибудь да значит, только я не соображу..." Оставалось положиться на туман да на независимое выражение лица и уверенность в себе. Он проверил, скрывает ли пиджак кинжал, и принялся выбираться из ямы. В этот момент снова подъехал автобус, из него вылезло несколько мужчин, которые явно собирались перебраться на ту сторону: у иных в руках были чемоданы,

у других за спиной рюкзаки. Похоже, что это были туристы, собиравшиеся ждать поезд. И Борис пристроился им в хвост, став как бы одним из них.

Через несколько минут он уже был на противоположной насыпи, никем не замеченный. Люди располагались на скамейках, на чемоданах, прямо на земле небольшими группками, ожидая поезда. Слоняясь между ними и продвигаясь потихоньку к тропинке, что вела вверх по склону, Борис прислушивался к разговорам.

В разных группках шли разные толки.

В первой, к которой Борис приблизился (тон простецкий):

— Да не сыщут они Бориса...

— А кто поймает, тому награда, эх!

— Больше, чем за Настоящего Кота!

— А как поймаешь, если крысы сами его боятся!

— Да ну, боятся! В том ли дело? Где такого подлеца найдешь, чтоб Бориса продал!..

— Найти-то найдешь, да кто посмеет!..

— Говорят, даже Старуха не смогла его задержать.

— Ему ее внучка помогала, да Саша с Саней, да Коты...

— А ты говоришь — поймать!..

В другой группе спортивно-ученого, туристского вида:

— Слышали? В Деревяшке его схватить хотели...

— Это еще никем не доказано!

— Масса очевидцев. Я с лешими разговаривал...

— Ну и?..

— Погромил там все и ушел. Ему Коты помогли.

— Ничего он не громил. Дракон пустил огнем, водяной растекся водой, в результате пар, вот все и рвануло. Это я вам как физик говорю...

— Да, конец Деревяшке. Негде Саше с Саней теперь гулять. Ха-ха, голь кабацкая, ярыжки несчастные...

— Да брось ты о них. Едем ведь отдыхать, все лучше, чем глупые разговоры слушать, да небо попусту коптить.

— А если вместо поезда Дракон, а? Ха-ха!

— Ерунда. Сплетни пускают для страха, чтоб напыла не было.

— Эт-то точно, чтоб по курортам не мотались зря...

— А вы кто такой?

— Ладно, парни, тише, заткнись, дружище...

Парни как-то сразу шарахнулись в сторону, сгрудились и хмуро и независимо замолчали. Борис обернулся и увидел какое-то неопределеннополое и непонятно какого роду-племени существо в сереньком костюмчике, в шляпе с опущенными полями, бродившее от группки к группке словно похмельный пьяница со своим присловьем "эт-то точно". Его-то и испугались туристы.

Борис быстро шагнул в сторону за большой вывоченный из земли камень и наткнулся на небольшую компанию мужиков мрачного вида, их было человек пять, не больше.

— Ну и что же с того, что Борис погиб?

— А то. Как же без Лукоморья, без Витязей, без Бориса?..

— Хватит ждать неизвестно чего. Сами справимся.

— Но народ ждет Бориса...

— Да любой из нас может взять эту роль на себя...

— Казалось бы! Борис же еще мальчишка, и это все знают!

— Н-да.

Хотел было Борис сказать, что он не погиб, что он вот он, но выглядело бы это как самозванство, да и серенькое существо мелькнуло где-то рядом. Борис кашлянул, мужики замолкли, а Борис двинулся дальше.

В следующей, самой многочисленной, обширно-семейной группе — женщины, дети и человек семь или восемь мужчин, подвыпившие, говорят шепотом:

— А где он сейчас?

— Говорят, к Мудрецу пробивался. Коты его вели.

— И что?..

— Так и погиб в подвалах, не спасли его Коты.

— А сами все-таки вырвались?

— Ушли. Крысы их на карнизе поджидали. Вы что, не слышали?

— Да, великая была битва. Всех крыс порубили, а сами ушли.

— Мама, а эти Коты самые могучие?..

— Тише, сынок. Самые, самые, конечно, самые.

— А что ж они Бориса не спасли?

— Тише, тише.

— А Кот Ученый у Лукоморья? Он есть?..

— Сказка это...

— Это-то точно, сказка. И Коты уже давно сказка. Да и Лукоморья никакого нет, разве забыли?

— Да нам-то что. Нас это не касается. Береженье лучше вороженья. Бережного Бог бережет.

— Эт-то точно. Давно сказано: не играй, кошка, углем, лапу обожжешь. И еще: быстрая вошка первой на гребешок попадает.

— Да мы что? Да мы разве этого не знаем?

— Мама! А почему все замолчали?.. Кто этот дядя?

— Тише, сынок. Скорый наперед, осторожный назад!

Новая группа, люди рядом с дорогами чемоданами, в дорогах пальто, лица — со значением:

— При чем здесь Борис? У нас своих дел полно.

— Я полагаю, что Борис — это легенда.

— Совершенно с вами согласен. Существует же у простонародья поверье, что есть места, где текут молочные реки среди кисельных берегов, с неба падают жареные дрозды, по лесу бегают жареные зайцы, печи сами пекут хлеба, а рыба-щука выполняет все человеческие желания. Ну и что же? Это тоже легенда, в ней народ отразил свои мечты о счастливой жизни.

— Некоторые верят, что и Мудрец существует...

— Не может быть!

— Смею вас уверить. А некоторые говорят, что нами якобы — можете себе это представить? — правят крысы!..

— Какой-то прямо болезненный бред!..

— Говорят, что мы заколдованы, и что только некий мифический Борис может нас спасти!.. Неизвестно от чего...

— Какая-то дикая фантазия!..

— Эт-то точно. Это все Саша с Саней выдумали!

— Кто такие?

— Разве вы не знаете? Ходят тут два таких бездельника. А ведь из хороших семей! И во что превратились!.. В голь кабацкую!..

— Эт-то точно. У одного в кармане блоха на аркане, у другого — вошь на цепи. Уй, и красавцы при этом, — маленький серенький человечек, который терся то у одной группки, то у другой, вдруг воскликнул: — И что с ними делать, ума не приложу!

Изо всех групп посыпались дружно возгласы:

— Прогнать бы одного в шею, а другого в тычки.

— А что с них взять? Саша плешив, Саня шелудив.

— С утра до темноты чем заняты? Саша наливают, Саня подает, пиво пьют, пока не распухнет живот.

— Да не столько пьют, сколько на землю льют. Чужого добра отцовского совсем не берегут.

— Пить тоже надо умеючи.

— Сашу бы кнутом, а Саню батогом. Одного по спине, другого по бокам.

— Да их вроде в Деревяшке схватили.

— Саша ушел, а Саня сбежал.

— Да они у девки этой, у внучки Старухиной. Опять пьют, гуляют, все на свете забывают.

Борис тем временем подобрался к началу тропинки. Там располагалась еще одна группка людей. Две женщины в ситцевых платьях сидели на плащах, брошенных прямо на землю, и старик в свитере, брезентовых брюках и тяжелых сапогах, примостился на фанерном чемодане. Подойдя к ним, Борис как бы между прочим, приготовясь сам взбежать наверх, спросил:

— Давно поезда ждете?

— Да почитай трети сутки, — ответил старик. Женщины молчали.

— А долго еще?

— Кто ж его знает. Как рак на горе свистнет, так и побегим.

— А где гора?

— Да ты что, мил человек, где гора не знаешь? Да вон она, оттуль только что крысиный отряд скакал, вон, на горизонте, видишь или не видишь?

Действительно, вдалеке, за тоннелем, возвышались две огромные горы. Тоннель проходил как раз под ними.

— Вижу. И что же это за горы?

— Любопытный ты, мил человек. Одна гора — гора Мусора, а другая — Обьедков. На них рак-то и

восседает, за дорогой наблюдает. Как поезд видит, сразу свистит.

— А если Дракон? — спросил Борис.

Старик опечалился, погрузнел.

— А этого никто не разберет. Потому, мил человек, рак все равно свистит.

— Эт-то точно, все равно свистит, а все все равно бегут.

Борис вздрогнул и рванулся вверх по тропинке.

— Пстой, ты куда? — не отставало серенькое существо. — Я здесь за порядком следить приставлен.

Борис обернулся, распахнул пиджак и выхватил из ножен кинжал. В тумане лезвие казалось больше и страшнее, чем было на самом деле. Увидев, что Борис вооружен, серенький соглядатай ринулся вниз, крича шопотом:

— Спасите! Убивают!

Очутившись подальше от Бориса, он заорал громче, во весь голос, пронзительно и резко:

— На помощь! Караул!

Гнаться за ним было бессмысленно, и Борис победил дальше мимо охапок скошенной ромашки, устилавших склон. Запах свежескошенной лечебной травы, несмотря на отсутствие солнца и пронизывающую все туманную влагу, все же доходил до ноздрей и бодрил тело. Вот и пересекающая тропку изрытая ухабами, твердая, глинистая дорога, с колеями от колесных телег, наполненными дождевой водой. И тут вдаль он увидел четырех всадников, восемь врагов, которые медленно приближались, копыта их лежали на седельных луках, они не торопились. Куда бежать? Вниз к переезду? Там наверняка схватят. По дороге? Догонят. По тропинке к дому старухи? Очень долго на виду остаешься.

И вдруг как-то странно изменилось небесное освещение, игра света и мрака соткала неожиданно огромную тень кота, величиной в многоэтажный дом, перегородившую крысам дорогу. Борис выхватил кинжал и бросился по тропе в сторону оврага, который, как он вдруг вспомнил, должен был находиться где-то сбоку от тропы недалеко от домика старухи. Прошлый раз, когда он шел в Деревяшку, он пересек его, но не обратил внимания. Очевидно, он решил правильно, потому

что кто-то черный, похожий на кота, мелькнул впереди и словно бы поманил за собой. Пригнувшись, Борис бросился следом. Тень исчезла, и он понял, что впереди него и вправду кот, который рискует много больше его. Вот он скользнул, наконец, в овраг, перебежал следом за котом по бревну ручей и, по-прежнему согнувшись, побежал вдоль другого его склона, поросшего репейником. Вдруг черный проводник метнулся в сторону, и Борис увидел, что это и вправду кот с белой грудкой и лапами, очевидно, Степа, он кинулся к нему, но кот молча махнул лапой, ложись, мол, ложись немедленно. Борис на секунду замешкался и увидел, как четверо серовато-коричневых конных пробираются по репью с копытами наперевес, нахлестывая своими длинными хвостами по крупам крыс-лошадей, которые в ответ хлестали своими хвостами всадников. Борис упал и вжался в землю. Лежа, он вдруг вспомнил, что уже было это с ним, было, и овраг, поросший репейником, и бревно через ручей, и четверо всадников с копытами наперевес, и кто-то черный, манящий за собой, и даже чувство, которое он сейчас испытывал, что очутиться бы где подальше отсюда, уже тоже было. Ах да, вспомнил он, это и вправду было, но давно, когда он как-то болел у бабушки Насти... А может, недавно?.. Но в этот момент он услышал шепот:

— Бежим! Скорее!

Не успев довспоминать, он поднял голову и увидел, что кот зовет его за собой дальше оврагом. И они снова побежали. Следуя за котом, Борис все же обернулся и увидел, что всадники выехали на тропинку и перегородили ее. Назад дороги теперь не стало. А куда они дойдут оврагом? Кот снова перепрыгнул ручей, Борис за ним. Затем черная шкурка появилась уже наверху оврага. Борис тоже из оврага вылез, кота нигде не было видно, а сам он стоял у задней стены сарая, от которого он начал свой путь к Деревяшке. Точно, вот и тропочка, только она уходит правее, а овраг как бы по левую руку. Борис затаился, осторожно выглянул из-за сарая. Никого. И стражников никаких. И в домике старухи все окна и двери закрыты. У колодца тоже никого. А главное, непонятно, куда кот подевался.

И вдруг он похолодел, словно его из колодца ведром воды окатили. Уж больно не походили гнавшиеся за ним крысы на охотников, скорее на загонщиков. И подозрительный кинжал, неизвестно откуда взявшийся! И странный кот, похожий на Степу, так таинственно исчезнувший!.. И отсутствие стражников около сарая!.. И то, что крысы перекрыли ему дорогу к поезду!.. Похоже, что они гнали его в ловушку. Ну что ж, он в этом разберется. Борис хотел было снова нырнуть в овраг, но остановился. Из сарая донесся до него голос Эмили, певшей песню.

Он прислушался. Да, это та самая песня, которую она пела тогда утром.

Утро туманное, утро седое,
Нивы печальные, снегом покрытые,
Нехотя вспомнишь и время былое,
Вспомнишь и лица, давно позабытые.

Ему вдруг подумалось, что, когда она поет эту песню, она непременно думает именно о нем.

Вспомнишь обильные страстные речи,
Взгляды, так жадно, так робко ловимые,
Первые встречи, последние встречи,
Тихого голоса звуки любимые.

После второго куплета он уже в этом не сомневался. Ему казалось, что это он "жадно и робко" ловил ее взгляды и что "тихого голоса звуки любимые" могут быть только у нее. С высоких гор слышался пронзительный свист, а потом явственно он услышал шум поезда, постукивание колес на рельсовых стыках, гудок, похожий на рев Дракона, но Эмили пела, и он не тронулся с места.

Вспомнишь разлуку с улыбкою странной,
Многое вспомнишь родное, далекое,
Слушая ропот колес непрерывный,
Глядя задумчиво в небо широкое.

Он поглядел невольно вверх, на небо, затянутое тучами. Оно и вправду было широким, а песня была про них, про него и про Эмили. Он шагнул было от окошка, под которым он слушал песню, в сторону двери, но тут же остановился. Он подумал, что перед дверью его может ждать ловушка, и сразу представил, как в его тело впивается стрела из установленного где-нибудь в тайнике самострела или нога его проваливается в железный капкан, который с клацаньем ломает его кость, а то и наткнется он на копые притаившегося крыса-стражника, а от стен сарая тут же отделятся темные фигуры — с десятков, не меньше — и, заламывая ему руки, поволокут его куда-то прочь, смрадно дыша на него открытыми пастьями. И буквально заставляя свои ноги делать шаги, он все же приблизился к двери и постучал. Но ничего не произошло. Никто его не схватил, стрела не воткнулась ему в спину, капкана у двери не оказалось, а дверь, открывшись, не обнаружила за собой ухмыляющуюся гнусную и волосатую морду крыса, приглашающего его заходить.

За дверью стояла Эмили в плиссированной юбке и кофточке с короткими взбитыми рукавчиками. Лицо ее было не румяным, а скорее, покрасневшимся от песен и выражало одновременно и удивление и удовольствие при виде Бориса. В правой руке она держала за гриф гитару.

— Здравствуй, — сказала она. — Заходи.

Голос ее показался Борису исполненным нежности, и она почти не посторонилась, так что ему пришлось дотронуться до ее плеча, как бы дружески подвинуть ее, чтоб войти внутрь помещения, а она смотрела на него так, как только в снах можно мечтать, чтоб смотрела на тебя любимая девушка. И ему даже показалось, что она его не оттолкнет, если он попробует ее обнять и поцеловать. Разумеется, на это он не отважился, только расцвел навстречу ее улыбке. Он прошел мимо нее, но она придержала его за руку:

— Обожди. Я только дверь запру, чтоб никто сюда не вошел больше. Секунду обожди.

Она действительно вернулась к нему через секунду, но он успел уже оглядеться, поражаясь, до чего обманчивы здешние двери. Он ожидал увидеть, как и было

в прошлый раз, внутренность сарая, сеновал, а оказался в прихожей обыкновенной городской квартиры. Вешалки, прибитые к стене, на них плащи и пальто, над вешалкой что-то вроде книжной вместительной полки, заполненной стопками журналов. На противоположной стене — зеркало.

— Послушай, Эмили, — сказал он, когда она приблизилась к нему и сердце его сжалось, а дух перехватило от ее брошенного на него, как ему показалось, нежного взгляда, — я рад, ужасно рад тебя видеть и рад, что ты и в заточении, — старался говорить он повычурнее, — сохраняешь бодрость и присутствие духа.

— Ах, эти слухи! — воскликнула она укоризненным и ласковым — для него! для него! — голосом. — Но я рада, что ты рад. Значит, еще помнишь меня, не забыл. Не возмущайся, не возмущайся, в нашем мире все бывает! Итак, до тебя дошли слухи, что я зачарована... И ты поверил. Все-то у нас происходит по слухам, люди живут слухами, действуют по слухам, по слухам у нас даже храбрецы есть, только про трусов что-то слуха нет.

— Так это все значит неправда! — обрадовался Борис. — Значит, Алек соврал! Тогда я еще больше рад, Эмили...

Она нахмурилась и взяла его за руку.

— Во-первых, я теперь уже навсегда не Эмили, а Ойле. Во-вторых, — говорила она, стискивая его пальцы, — я должна тебе кое-что рассказать, прежде чем мы пройдем в комнату, а в-третьих, не поминай при мне Алека, это отчасти из-за него случилось то, что случилось...

— Но что случилось?! Ведь Алек уже мертв, его крысы убили!..

— Как так?

Борис торопливо рассказал, почти пробормотал историю своих приключений и гибели Алека, он торопился услышать, что такое произошло с Эмили, то есть теперь Ойле.

— Поделом, — сказала она мрачно, выслушав Бориса, — но этим уже ничего не исправишь. Заклятье произнесено, заклатьем на заклатье отвечено, и повернуть уже нельзя. Беда слухов в том, что они часто оказываются верны. Старуха, бабка моя, требовала, чтоб

я тебя забыла и за Алека замуж вышла, и заклала меня, что, если я откажусь, то, стоит мне выйти за порог моего жилища, как я превращусь в сову и все дни буду проводить в лесу на дереве, хлопая глазами — луп-луп, — она весьма мило и кокетливо захлопала глазами, показывая как бы она это делала, будь она совой.

Борис сочувственно сжал в ответ ее руку.

— И только ночами, — кивнула она головой, показывая, что принимает его сочувствие, но рассказ все же продолжает, — я сызнава обращаюсь в красну девицу, девицу-полуношницу, в Ойле, сову-девицу. Помнишь, я в Деревяшке похвасталась, что на меня бабкины заклятья не действуют? Действовать-то на самом деле они действуют, но на всякое заклятье есть ответ. Я и ответила, что раз так, то я и не выйду из своих апартаментов, но зато и ни один враг не переступит моего порога, что мой дом будет убежищем для друзей, и что ночи напролет мы будем петь и веселиться, а все крысы и все злыдни пусть сдохнут от ярости, если захотят проникнуть ко мне — для них это безнадежно. Бабка вначале рвала и метала, потом поуспокоилась и сказала, что она все равно меня перехитрит и как-нибудь да приспособит мое заклятье себе на пользу, крутилась, крутилась около сарая, потом плюнула, села на помело да и улетела по своим делам. А мы пока и в самом деле поем и веселимся. Я ведь и без того всегда была полуношницей. Ты ведь меня утром встретил, когда я еще и спать не ложилась. Помнишь? — она вдруг покраснела, смутилась. И Борис понял, что значит это воспоминание дорого ей, раз смутило ее.

И, смутившись, не давая ему ответить, она еще крепче сжала ему пальцы и повела за руку по коридору мимо закрытой комнаты в комнату напротив кухни. Там стояли кушетка, стол, уставленный бутылками, стаканами, рюмками и всяческой снедью, два кресла, стулья. Саша, облокотившись о стол, сидел на стуле, а Саня — на кушетке, откинувшись на подушки и обнимая красивую блондинку. Рядом с Сашей сидела полная шатенка с родинкой на щеке и мечтательным взглядом.

— А вот и он, — вскричала блондинка, высвобождаясь из-под Саниной руки и захлопав в ладоши.

— Здорово, — сказал и Саня, выпрямляясь, — ты вернулся? Ну тогда привет Победителю!

— Не болтай! — прервал его опять-таки довольно грубо С а ш а . — Какой он Победитель!.. Опять с нами оказался. Так никуда и не дошел. Эх, тоска!.. И Деревяшку на ремонт закрыли — пойти некуда! Давай выпьем!

— А куда тебе идти? Тебе что, здесь плохо? — тут же спикировал на него Саня. — Сиди и пей! А Борис — Победитель, что бы ты там ни говорил! Я уверен в этом!

— Ты и вправду до Мудреца дошел? — спросил Саша, опуская поднесенную было ко рту рюмку с влагой.

— Дошел, — кивнул Борис.

— Да что ж ты стоишь? Садись. Это надо отметить. Такое событие отметить надо!

— Эх, и загуляем теперь! Неделю гулять будем! Что я тебе говорил! — радостно кричал Саня. — Садись, Ойле, рядом, будем песни петь, водку пить!

Они словно поменялись ролями, как клоуны в цирке, — думал Борис, садясь в кресло, — то Саня на меня наскакивал, а Саша защищал, а теперь все наоборот.

— Вы и вправду до Мудреца дошли? — спросила томно полная шатенка. — Сейчас я вам салату положу, рыбки, колбаски...

— Ой, пусть расскажет! — верещала полная блондинка.

— Пусть сначала выпьет, — сурово сказал Саша. — Ты думаешь, это так просто — пробиться к Мудрецу?

— Я не хочу пить, — сказал Борис, посмотрев на Ойле, которая молча сидела в углу кушетки, не вмешиваясь в разговор и положив рядом с собой гитару.

— Не хочешь пить — не пей! — веселился С а н я . — Только выпей!

— Не приставай к человеку, — снова оборвал его Саша. — Пусть, что хочет, то и делает. То, что он совершил, это же... это же не просто подвиг, это выше. Он же единственный, кто добрался до Мудреца. Это — событие! Поэтому давайте за него выпьем! Я только хочу сказать тост. Если Ойле мне позволит, — он церемонно поклонился Ойле.

Она пожала плечами:

— Говори, если хочешь.

— Так вот, Борис, я хочу сказать тост о тебе. Есть люди мечты и есть люди дела. Одни мечтают, ничего не делая, другие делают, не задумываясь о том, зачем они это делают, безо всякой высокой цели. А есть люди, их мало, их единицы, которых ведет великая цель, которые, преодолевая собственные слабости и колебания, жертвуют всем ради ее исполнения и добиваются победы, и не удивительно, что их победа оказывается важной для всех людей. Я не стану спрашивать тебя, какие трудности пришлось тебе перенести, чтоб добраться до Мудреца, главное, что ты добрался. И вот за тебя, за твою победу, ибо ты совершил то, о чем и мы мечтали, но совершить так и не сумели, я и хочу сейчас выпить. Провозглашаю тост: ура — Борису!

— Борису — ура! — подхватили и все остальные; Саня, девицы, даже Ойле потянулись к нему своими бокалами чокаться.

Борис старательно чокался с каждой протянутой рюмкой. У него кружилась голова от приятных слов и всеобщего восхищения. Он смотрел на стол, заставленный наполовину опустошенными бутылками, в которых плавали зеленые змееныши, на раскрасневшиеся и потные лица окружавших его людей, и слова, которые вертелись у него на языке, что рано радоваться, что главного-то он пока еще не совершил, вдруг вылетели у него из головы. Все было хорошо, радостно и празднично.

— Давайте петь и веселиться, — кричал Саня, — давайте жизнь играть, пусть чернь тупая суетится, не нам безумной подражать! Спой, Ойле! И ты, Борис, подтяни!

— Да я не умею петь.

— Не умеешь петь — не пей! Спой только!

— Сил нет, — улыбнулся виновато Борис. Он вдруг почувствовал, что и впрямь устал так, что рта не раскрыть. — Я бы лучше отдохнул немного, полежал, поспал.

— Кто же против? И отдохнешь тоже. Ты заслужил, — важным голосом, полным заботы, сказал Саня.

— Только пусть он вначале расскажет про свой подвиг, а потом уж отдыхает, — жеманно и капризно тре-

бовала блондинка, розовая и гладкокожая, как и все юные блондинки, непонятно к кому обращаясь, но подавшись вперед и пожирая Бориса глазами.

— Правда, расскажи нам, а мы послушаем, — сказала и полная шатенка, подперев рукой голову и приготовившись слушать.

— Помолчи! — прервал шатенку Саша. — Тебя никто не просил высказываться. Да и ты, Саня, то орешь и дурака строишь, то о заслугах говоришь. Твоей оценки тоже никто не спрашивает. А что касается девушек, то их бы я вообще попросил бы сегодняшней вечер поменьше рот раскрывать, не их ума это дело. Их дело нас развлекать и веселить, а не задавать вопросы и не утомлять. Ты что, Ойле, помрачнела? К тебе это тоже относится. Ты тоже нас можешь развлечь, спеть, например, — Саша был уже совершенно пьян, а Борис успел заметить, что, когда Саша напивался, он становился груб и агрессивен. Но все равно он ничего не осмелился ему сказать, потому что ему неловко было затыкать рот взрослому человеку, который считает его героем и так хвалит его.

Но Ойле сухо сказала:

— Не буду, — и отложила гитару. — Я не привыкла к хамству.

— Да ладно тебе дуться на каждое слово, — сказал Саня. — Собрались в кои-то веки друзья, никаких тварей нет кругом. Хорошо. А тут опять ссоры, раздоры. Ох, уж эти бабы!

— Я, пожалуй, пойду отсюда, — сказала Ойле, вставая.

— Да ладно, ну что в самом деле за дела!.. От этих женщин одни неурядицы, все-таки Саша прав, — сказал Саня. — Я вам об этом свои стихи прочту, а ты, Ойле, меня поправишь, если я в чем ошибся, только вряд ли, потому что все верно.

И он прочел, даже привстав с шутовской важностью:

— Да будет проклят женский пол,
Что дьявольским цветком расцвел,
Злосчастья сея семена
На все века и времена, —
Его создал сам Сатана!

— Мы что тебе, крысы что ли?! — запищали девицы.

А Саша расхохотался громко, расплескивая водку из лафитника, который держал в дрожавшей руке. Его мятое, белесое лицо, слегка покрасневшее от выпитого, обратилось к Сане.

— Все-таки люблю я тебя, шута горохового, — сказал он. — Бориса я люблю больше, потому что он герой и мой друг, и я этим горжусь, что у меня такой друг, который сумел добраться до Мудреца. Пью за вас обоих, — и он снова выпил.

Снова раздался звон бокалов, смех и веселье восстановились, все по очереди произносили тосты в честь Бориса, а о том, что он хотел отдохнуть, вроде бы все и забыли, да и он тоже не поминал, ему нравилось это чествование, никогда он такого не переживал, тщеславие его было удовлетворено с переизбытком, все высокие слова заставляли невольно думать о себе хорошо и значительно, и самому в каждом своем слове искать некий глубокий смысл. И он сидел, пересидев усталость и дремоту, довольно долго, восхищаясь и собой, и всеми остальными.

От упоения собой у него кружилась голова. Ойле больше не чинилась, она играла на гитаре и пела. И Борис чувствовал, что он все больше и больше влюбляется в нее. Подчиняясь общему угарному настроению, он сам того не заметил, как выпил несколько лафитничков водки, но вот третий или четвертый из них вдруг оказался лишним. Его повело, замутило, и вдруг, как тогда в Деревяшке, когда ему пришлось прыгать через огонь вместе с Котами, словно отстранился от происходящего, начал наблюдать за всем со стороны, как зритель, а не как участник. А вспомнив Котов и Деревяшку, он вспомнил, как его рвало на кухне, и укоризну Степы по поводу его пьянства, но еще что-то очень важное не вспоминалось: зачем Коты волокли его, рискуя жизнью, к Мудрецу и зачем ему нужен был Мудрец. То, что он был нужен, это ясно, все его с этим поздравляют, что он до Мудреца добрался, но вот зачем? Пока другие веселились, он погрузился в мучительные, потому что бесплодные, безрезультатные воспоминания-размышления, пьяные и сопровождаемые обильным потом, который катился по лицу. "О чем? Нет, зачем? При чем здесь Коты? Коты

молодцы, они сделали свое дело, довели меня до Мудреца и ушли. Тогда несправедливо, что пьют только за меня, а Котов не вспоминают. Надо сказать тост. А то без них бы ничего не вышло. Нет, но забыл я не это. Что-то еще. Чего-то я пока не сделал. Ладно, скажу пока о Котах, а тогда сразу вспомню и остальное".

Он встал, поднял руку, требуя внимания и видя обратившиеся к нему лица как бы в чужом сне или в кинофильме, будто они не в одной с ним комнате сидели. И подумал, что его восприятие мира как-то стало зависеть от этой комнаты, что он никак не сообразит чего-то важного, что за ее пределами. Поднявшись, он увидел неожиданно себя в темном окне, что было напротив него, и с любопытством посмотрел на себя чужого — краснолицего, потного, со слипшимися волосами и глуповатой самодовольной улыбкой, хотя и с мучительным вопросом в глазах:

— Друзья! Я хочу выпить за моих друзей, за тех, что собрались сейчас здесь, и за тех, кого сейчас нет с нами, — за Настоящих Котов, которые помогли мне, а потом — фьют — и исчезли неизвестно куда, унеся с собой тайну, зачем мне помогали, — он сел, попытался проглотить водку, налитую в рюмку, но проглотить удалось только половину содержимого, больше не принимал организм. Он увидел, как у собравшихся за столом людей в глазах промелькнул тот же мучительный вопрос, что и у него, то же недоумение, что они не могут на него ответить, а потом Саша махнул рукой, видимо, так и не найдя ответа, и попытался серьезностью тона скрыть отсутствие ответа:

— Мы преступно забыли Настоящих Котов, героев, которые помогли нашему другу. Не могу понять, откуда такая у нас забывчивость, хотя и извинить ее тоже не могу. Поэтому ура Котам!

— Ура — Котам! — услышал Борис общий нестройный возглас, донесшийся как будто издали, как будто со сцены театра, в котором он был всего лишь зритель. Его мутило, и лица качались перед глазами, то приближаясь, то удаляясь. Из этой туманной мути вдруг прояснилось лицо Ойле. Оно склонилось к нему.

— Пойдем отсюда, Борис, — говорила она.

Он растерянно оглянулся на остальных, как бы спрашивая, удобно ли ему покинуть компанию, да и не

хотел он уходить, пока не удастся вспомнить, зачем он ходил к Мудрецу. Но Ойле настойчиво поднимала его за руку.

— Да угомонись ты, Милка, — сказал Саша.

— Во-первых, я не Милка, а Ойле, во-вторых, разве ты не видишь, что его что-то мучает, и, чтобы он успокоился, я хочу отвести его и положить отдохнуть. Пусть поспит.

— Ну в о т , — сказал Саня, — вот тебе и раз — отдохнуть! Как же так! Ведь лежачие не пьют!..

— Замолчи, балаболка! Ойле правильно делает, — пьяный Саша, судя по голосу, вроде бы даже протрезвел.

Ойле все-таки удалось поднять его и вывести в коридор. Она прикрыла дверь в комнату, заглушив звуки голосов, а Борису показалось, что ему ватой заткнули уши, от тишины ему стало вдруг совсем плохо, и он, уже не стыдясь, почти обвис у нее на руках. Он уже был не в состоянии ни о чем думать.

— Боричка, ну приди в себя, ну, постарайся, — сквозь вату доходили ее слова. — Ну заложь два пальца в рот, тебе сразу легче станет.

Она подвела его к туалету; шатаясь, почти ничего не видя перед собой и думая только как бы ему не упасть, он вошел туда, придерживаясь за стены, наткнулся на унитаз, склонился над ним и едва он успел засунуть в рот пальцы, как у него началась мучительная рвота, сопровождавшаяся кашлем, насморком и слезами из глаз. Кровь прилила ему к голове, но, когда он поднялся, он почувствовал, что ему стало легче. Он спустил воду и вышел. Ойле отвела его в ванную, где он умылся, с удовольствием ощущая, как проходят кружение головы и тошнота. За всеми этими физиологическими процессами он совершенно забыл о своем вопросе, к самому себе обращенном.

* * *

Когда Борис, умытый и причесанный, посвежевший, хотя и стыдящийся своего первого пьяного унижения, вышел из ванной, Ойле ничего ему не сказала, не попрекнула (что с особенной благодарностью было им воспринято), молча взяла за руку и повела за собой.

Но не в комнату, где сидели гости, а в ту, что была ближе к входной двери. Комната была совсем небольшая, в ней едва помещалась тахта, у окна сбоку круглый стол с двумя стульями, да в углу зажженный камин. На столе стояла ваза с одним цветком розы, в камине с тихим шумом горели дрова, и красный свет от огня освещал розу, делая ее таинственной и еще более прекрасной, чем она была на самом деле; остальная часть комнаты оставалась в полумраке. Стену над тахтой покрывал большой ковер, закрывавший собой и тахту. В комнате было жарко и уютно.

Ойле оставила в покое его руку и подошла к окну. Она стояла молча, отражаясь в темном стекле, а Борис в растерянности не двигался с места, не зная, что сказать, что сделать, и не понимая, что она от него ждет. Ойле молчала, и он молчал тоже. Борису очень хотелось обнять и поцеловать Ойле, но он не знал, как к этому делу подступиться, как за него приняться. А она стояла и молчала, словно вынуждая его на разговор, на действие, на какой-то поступок. Но он молчал и не шевелился даже.

— Зачем же ты пришел сюда? — вдруг насмешливо спросила она, повернувшись к нему лицом. — Меня, как видишь, спасать не надо, а от Старухинового заклятья я и сама защитилась.

Она стояла такая красивая, кудлатая, стройная, насмешливая и влекущая, что Борис в ответ пожал плечами и, сам не понимая, как у него это получилось, подошел к ней, делая вид будто бы тоже хочет посмотреть в окно, но, подойдя ближе, неожиданно для себя самого, взял ее плечи и притянул к себе. Она не сопротивлялась, только с усмешкой смотрела ему в лицо, что же, дескать, дальше... Она была уже взрослая, ей было целых семнадцать лет, но и Борис за этот день чувствовал себя изрядно повзрослевшим, способным отважиться на многое. И он тогда еще теснее прижал ее к себе и принялся целовать в щеки, шею, нос, лоб, снова щеки, наконец, губы... И тогда она ответила на его поцелуй, руки ее обвились вокруг его шеи, она гладила его по плечам, ерошила волосы на затылке, и непонятно как они очутились на тахте, обнимая и целуя друг друга и ничего при этом не говоря, ни слова. Борис никогда раньше не подозревал, что, оказываает-

ся, такое пустое занятие, как объятия и поцелуи, может так плотно заполнить время, что оно не кажется растратаваемым зря. Они по-прежнему ничего почти не говорили, только раз, слегка опомнившись, Борис спросил:

— А что подумают твои гости?

— Не волнуйся, — пробормотала она, не глядя ему в лицо и прижавшись к его плечу, — мои друзья меня любят, никто нас не потревожит, не волнуйся.

И снова потекли не то минуты, не то часы, не то даже и дни, конца которым не предвиделось и которые сливались в сладостное сейчас. На улице стало совсем темно, потемнело и в комнате, хотя камин продолжал гореть, словно дрова в нем не прогорали и не кончались.

— Ты останешься со мной навсегда, — говорила она иногда в промежутках между лобзаниями, а он кивал головой и утыкался ей в грудь, совершенно забыв, что он вообще когда-то куда-то собирался идти.

Так бы он и не вспомнил, если бы в какой-то момент она не спросила:

— Тебе хорошо со мной, правда?

— Да.

— И никакое Лукоморье нам не нужно.

— Угу, — промычал он в ответ.

Но одно из произнесенных ею слов, будто на винте поворотило все его мысли, и он вспомнил. "Если увидишь, что что-нибудь мешает твоей цели, — так говорил на прощанье Мудрец, и глаза его были тревожны, — задумайся, почему. Помни, помни про свою цель. Помни слово "Лукоморье". Ибо слово сие есть утверждение и укрепление, им же все утверждается и укрепляется и замыкается, и ничем — ни воздухом, ни бурей, ни огнем, ни водою дело сие не отмыкается. Вот я тебя и заклил. Но не знаю, поможет ли мое заклитье... Все в конечном счете от тебя зависит". Борис сел.

— Я пойду, — сказал он.

— Да куда это еще? — спросила она, ласково обвивая его руками.

— У меня дела, — глупо и растерянно ответил он.

— Какие такие могут быть сейчас дела? — проговорила она, прижимая его голову, почти силком, к себе.

Он сразу снова почувствовал себя совсем одурев-

шим, вялым и бессильным куда-либо идти. Действительно, какие могут быть дела, когда она целует его, да и он ее целует. Но слово "Лукоморье", попавши в мозг, уже не вылезало оттуда. И он решил поискать помощи у Ойле, и ей напомнить о Лукоморье.

— Мне надо идти к Витязям, — сказал он, не отрывая головы от ее плеча, — помнишь?

— Да есть ли они на свете? — лениво спросила она в ответ.

— Как так? — поднял голову Борис, но возражения его были вялые, потому что тепло и ласка сковывали его. — Ведь ты же сама написала эти стихи. Может, они-то и подействовали на меня сильнее всего.

— Мало ли что я написала. Хотела — написала, не хотела — не писала. И вообще: это мои стихи, я ими распоряжаюсь и я их уничтожу. Считай, что их не было.

— Уже поздно. Ты ведь уже их написала. И они замечательны. Я очень хотел быть достоин твоих стихов.

— Не надо стихов. Будь достоин меня, а не стихов, — она сделала разрешающий, так сказать, королевский и одновременно, как подумал Борис, очень женственный, женственно-величественный жест рукой. — Важнее всего наша любовь. Ведь ты любишь меня?

— Да.

— Тогда забудь все и поцелуй меня.

И он снова поцеловал ее и снова забылся на время.

Но "Лукоморье" не выходило из головы. И он снова попытался, вместо того чтобы встать и уйти, уговорить ее.

— Но как же те люди, которые думают, надеются, что я сумею добраться до Лукоморских Витязей?.. Получается, что я обману их ожидания. Ведь кроме меня туда никому не добраться...

— Что за пустяки! — отмахнулась она. — Они уж наверняка все забыли и про тебя, и про Лукоморье. Погляди хотя бы на Сашу с Саней, они все забыли. А потом, — она приподнялась на локте, — что за захребетничество! Почему это ты им что-то должен делать! Почему они сами не могут?.. Ничего, пускай сами, без тебя, что-нибудь хотя бы попробуют сделать... Если надо будет и припрет, то уж как-нибудь без тебя обойдутся.

— Ты знаешь, я тоже всегда так думал, — отвечал он, подложив руки под голову и глядя в потолок, — так и в книгах всегда, что Добро рано или поздно, но само победит, вернее, кто-то да найдется, кто его защитит. То есть, конечно, надо быть на стороне Добра и что-то делать, но от тебя все равно немного зависит. Твоего личного участия все равно недостаточно, чтобы что-то изменить. Нужно, чтоб скопилось миллион воль вместе, тогда и наступит победа. Само мироздание так устроено, что Зло рано или поздно, а проиграет. Но тут я первый раз увидел и понял, что всё, ну не всё, а хотя бы очень многое, именно от меня зависит. По крайней мере от меня зависит первый толчок — пробуждение Витязей. И ты! ты! меня задерживаешь! А ведь ты-то меня и вдохновила начать мой путь! — Он вдруг снова сел, потом встал. — Невольно поверишь в коварство женщин.

— Я тебя заманила, втравила в эту историю, я тебя и спасаю, — шепнула Ойле. — И не серди меня, иди сюда, сядь рядом и послушай. Послушай мои новые стихи.

И она прочла следующее:

— Издавна миру истина мила
И он ее лелеет много лет,
Что и коварна женщина, и зла,
И что она — источник всяких бед.

Вы, гордые Адамовы сыны,
Не грех бы вам задуматься о том,
Сколь женские несчастья сильны,
И сколь тяжел их жребий в мире сем.

Не мудрено, что в жизненной борьбе
Стал нрав сих слабых так неожиданно крут.
Те, кто задумались об их судьбе,
Им оправданья веские найдут.

О сильный муж! Судьбу не называй
Виновницей своих жестоких мук,
Но в дни несчастий чаще вспоминай,
Что и Фортуна — женщина, мой друг!

Вся жизнь твоя — одна ее слеза!
Ей не дано в дороге отдохнуть.
Прекрасные завязаны глаза,
И вечен мрак, и бесконечен путь.

Послание:

Принц! Помните: кто женщину гневит,
Приносит тем несчастье лишь себе.
Фортуны перст за пол свой страшно мстит —
Не попадайтесь под руку судьбе!

Магия слов зачаровывала его. Да, конечно, он во всем неправ. Ей тяжелее всех приходится, ведь она Старухина внучка, а ради него, Бориса, она с бабкой поссорилась, теперь не может выйти из дома, иначе черт знает в кого превратится, принесла ему такую жертву, а что в сущности от него требуется? Всего лишь — быть с ней, не покидать ее, да к тому же в этом домике, под защитой ее заклятья, можно всю жизнь провести, и никакие крысы до них не доберутся. Сидеть, слушать ее стихи и песни, целовать ее — что может быть лучше!

Размышляя, он сидел, уткнув голову в руки, как вдруг раздался пронзительный свист, проникающий сквозь двери и стены, свист, уже слышанный им однажды.

— Что это? — на всякий случай все же спросил он.

— Это рак на горе свистнул. Да нам-то что. Иди ко мне.

— Мне пора, — вдруг неожиданно для себя самого произнес он, словно кто-то внутри него произнес это за него, словно вслух прозвучал его внутренний голос.

— Не надо, — тихо и жалобно произнесла она. — Не надо. Твой поезд давно ушел. Ты у меня уже без году неделя. Видишь, как летит время! Оно и впрямь совсем незаметно пролетело мимо нашего домика. И куда ты пойдешь? Вполне возможно, что это уже не поезд, а Дракон. Оставайся, миленький, любименький Боричка! Наплой на этих дураков, на этих пьянчуг беспросветных! Разве ради них ты обязан что делать! Пускай сами себя спасают. Здесь нас никто не тронет: ни бабка, ни крысы. Будем жить в своем Доме совершенно незави-

симо, понимаешь? Сами по себе! Здесь тебе будет хорошо. Я постараюсь, чтоб тебе было хорошо. Зачем тебе ввязываться в чужие неурядицы? В эту мерзость лезть — себя не уважать!..

Она говорила, а в груди у него поднималось и росло какое-то злое упрямство. Уже одно то, что она уговаривала его, молила, уже это означало, как ему вдруг показалось, что она не уверена в своих словах, что правда не на ее стороне. И потом еще его раздражало, что она повторила его собственные размышления, как будто она влезла ему в голову и подсмотрела, чтобы потом использовать. Или того хуже — сама ему эти мысли в голову вложила, а потом их повторила, чтоб тем самым они для него прозвучали убедительнее. Какое право она имеет удерживать его! Он, нахмурясь, смотрел в пол, а раздражение все росло. Наконец, не отвечая, он встал и молча двинулся к двери из комнаты, сжав челюсти и не оборачиваясь на красотку. "В жилках рук ее пуховых, как эфир, струится кровь; между роз, зубов перловых, усмехается любовь", — вспомнил он ни с того, ни с сего. Но не обернулся, потому что твердо решил, что идет.

— Постой! — послышался сзади вскрик, и он почувствовал касание ее руки.

— Пусти меня, — он вырвал руку и подошел к входной двери.

Она уже не пыталась удерживать его.

Он захлопнул за собой дверь, не оборачиваясь.

ГЛАВА 18

Борис выскочил на улицу. Было темно. Никто не сторожил его за дверью. Он стоял перед сараем, из которого теперь и голоса не доносилось, словно с его уходом всякая жизнь там прекратилась и замерла. Напротив чернел дом Старухи, неподалеку угадывались очертания колодца. Борис обогнул сарай и, найдя наощупь тропинку, двинулся по ней неуверенным шагом. Ему вдруг показалось, что в сарае он оставил такое, чего он больше нигде и никогда не найдет, то, о чем он мечтал всю свою жизнь, — Дружбу и Любовь. Да еще темнота кругом, тишина и пустота. Только шорохи какие-то, в тишине слышимые чересчур отчетливо и жутко. Ему стало страшно, не крыс, нет, хотя и их тоже, но и их он теперь боялся потому, что остался один. Чувство одиночества, оставленности, заброшенности и забытости охватило его. И хуже всего, что в своем положении он был виноват сам. В груди все сжалось от подступивших слез. Как нелепо, что в результате простого хлопка дверью он разом потерял и друзей, и любимую! Один жест — и все пропало! Проклятье какое-то! Что его заставило хлопнуть

дверью? Теперь-то уж ему не вернуться!.. Эмили, то есть Ойле, не простит ему ухода! "Если сейчас уйдешь, то тогда пеняй на себя!" — сказала она. А он ушел. И дверью хлопнул.

Борис уселся на край оврага. Дальше идти не хотелось, хотелось вернуться. "Что меня так пугает? — бормотал он про себя. — Ведь и к Деревяшке я шел один... Но, — возразил он сам себе, — тогда впереди меня ждали друзья, а идти мне помогала Эмили. А теперь все позади. И Эмили не Эмили, а Ойле. И Котов я, наверно, больше не увижу". Но тут он вспомнил, что к сараю его подвел Степка, и с надеждой огляделся. Никого не было. Мрак стоял непроглядный, такой же, как у него в душе. И он подумал, что хорошо было в сарае, когда он до него добрался: оттуда доносилась песня, а внутри, в комнатах, горело электричество, и было застолье, где Саня, как всегда, острил, а Саша, как всегда, бранился, где Эмили играла на гитаре и пела грустные песни, где его любили, пока он не бросил их. Когда-то, наверно, очень давно, он думал, что если перед ним будет Великая Цель, он сразу обретет и друзей, и любовь, потому что он будет достоин этого. Так оно и случилось в общем-то. Но как же произошло, что, двигаясь к этой Цели, он всех растерял, бросил, отказался и от друзей, и от любимой?..

И еще ревность, ревность точила ему сердце!.. Ведь теперь Эмили запросто может влюбиться в кого-нибудь из взрослых своих друзей, ведь его-то, Бориса, с ней нет... И почему она должна хранить ему верность, когда он покинул ее!..

Борис встал и сделал несколько шагов по направлению к сараю. Но чем ближе он подходил, тем нерешительнее становился. Зачем он возвращается? Зайти извиниться, что дверью хлопнул, и снова уйти? Возможно, Эмили, то есть Ойле, его и впустит, возможно, даже и обрадуется его возвращению, а он тут же, ну, через несколько минут, повернется и опять начнет уходить? Спрашивается, зачем приходил? Чтобы еще больше обидеть? Он вспомнил ее насмешливо-угрожающее:

Принц! Помните: кто женщину гневит,
Приносит тем несчастье лишь себе.
Фортуны перст за пол свой страшно мстит —
Не попадайтесь под руку судьбе!

Вот он ее прогневил — и что же? В чем его несчастье? В том, что он ее не видит и вряд ли теперь когда увидит, потому что вернуться, чтоб уйти, так же глупо, как и уйти, дверью хлопнуть, чтобы потом снова возвращаться. Пусть его спервоначалу и радостно встретят, но ведь не удержатся заспанных намеков, что он так и не решился дойти до Лукоморья... И Ойле прежде всех. Ведь она его за решительность, наверно, полюбила...

Борис повернулся и пошел прочь от сарая. "В конце концов, — поднималось в нем раздражение, — Ойле и Саша с Саней отвлекают меня от моего пути, ради которого я с Котами до Мудреца добирался. А что, собственно, — подсказывала ему в ответ его же собственная слабость, — я разве не могу от этого Пути отказаться? Я ведь никому ничего не обязан. Это только Мудрец говорит, что я призван. Так бы и отец мне говорил. А почему я должен жить чужим, тем более отцовским умом. У меня своя на плечах голова, а не родительская, это Саня тогда в Деревяшке правильно говорил". Ему вспомнилась обида прошлогодней давности: он высказывается во дворе о новом кинофильме, спорит с соседкой, матью соседа-младшеклассника. И вдруг на какую-то Борисову реплику она говорит: "Небось, это твой отец так считает, больно уж умно". Она права, Борис краснеет, но говорит: "Почему это отец? Я сам это придумал". Она смеется: "Ты еще в том возрасте, когда, чтоб ты ни сказал, это не твое будет, а твоего отца или твоих родителей вообще". Сидящий на лавочке рядом с ней ее муж, которого она называет "загульным кобелиной" и который и в самом деле порой исчезает на недели и месяцы, при жене постоянно молчаливый, а без нее весельчак и балагур, подмигивает вдруг Борису, дескать, не обращай внимания. Мужичок этот худ, постоянно щурит глаза, будто больше всех на свете все понимает и, как сейчас кажется Борису, очень похож на Саню. "Интересно бы вернуться и спросить у Сани, точно ли это он самый? — подумал Борис, опять замедляя шаги. — В самом деле, интересно", — оправдывался он перед самим собой.

Чем дальше он отходил от сарая, тем все больше холод одиночества и тоскливые слезы прокрадывались

ему в грудь. И чем отдаленнее виделись ему Саша, Саня и Эмили, тем более близкими и дорогими они ему казались. Наконец, не выдержав тишины, ночного одиночества и сумбурных мыслей, он снова повернулся к сараю, но двигался медленно, в раздумье. "После совета Мудреца я уже дважды подходил к сараю, — считал он. — Да, два раза. Один раз вошел, другой раз не решился. В третий раз надо уж точно на что-то решиться окончательно. Предположим, я все-таки взял и вернулся. И ведь может так быть, что они вовсе не осудят меня и даже не подумают, что я проявил слабость. Просто обрадуются, и все вместе мы будем петь и веселиться". Он уже готов был постучаться в дверь, но тут же живо представил себе, как он заходит туда и проводит там день, другой, потом неделю, месяц, год... И что ж, так всю жизнь что ли просидеть, ничего не совершив?!

Нет уж, пусть лучше одиночество, сказал он сам себе. Пусть я совсем один останусь, но не буду заключен на всю жизнь в тюрьму, хотя так похожую на жилой дом. Я хочу быть свободным. Тут меня ничто не остановит. Он опустил руку, поднятую для удара в дверь, и в третий раз пошел прочь от сарая в сторону станции. Он вспомнил, что заключенные, кто-то из революционеров, как он читал в книгах, помещенные в одиночку, непременно ежедневно делали зарядку, разнообразные физические упражнения и любую возможную механическую работу, чтобы усталостью тела отвлечься от мрачных мыслей, занять мозг чем-то ясным и простым, забыть, что перед тобой одиночество, возможно, на долгие годы. Ведь нескольких часов одиночества достаточно, чтоб человек так начал думать. Его механической работой был путь к станции. Он двигался по тропе, напряженно глядя то по сторонам, то под ноги, то вперед. Он помнил, что где-то должен находиться перекрывающий тропу крысиный конный отряд. Однако он шел, шел, шел, спотыкаясь и озираясь, торопясь и боясь торопиться, и никого не было. Крысы оставили тропу. Он недоумевал, но недолго. "Главная ловушка осталась позади, за дверью. Они не думали, что я оттуда вырвусь", — невольно отчетливо подумал он. Но тут же подумал, что Ойле ни в чем не виновата... наверно... На горе снова свистнул рак.

И он припустил бегом по тропинке, едва угадываемой в темноте. Он задыхался от встречного воздуха, который превращался в ветер из-за скорости его бега, и от колотья в боку. Вот и склон. Никого на нем уже нет. А внизу стоит длинная, темная громада не то поезда, не то Дракона. Ноги подгибались от усталости.

Снизу раздался гудок, похожий на рев Дракона, или рев, похожий на гудок. Борис собрал оставшиеся силы и понесся вниз по склону, перепрыгивая кочки, с разбегу перелетел небольшую канавку, скользил, стараясь удержаться на ногах, споткнулся, упал на колено, больно ударился о камень, но вскочил. Был он уже рядом, а черная громада, погромыхивая и полязгивая, тронулась с места. Забегать вперед громады, чтобы выяснить, пламя там или фонарь, было совсем некогда. Спотыкаясь, прихрамывая, он бежал напрямую — только бы успеть. И успел. Успел ухватиться за поручни одного из последних вагонов. Руки рвануло так, что чуть не вынесло их из плечевых суставов, но ноги уже нащупали ступеньку. Он секунду передохнул и дернул дверцу. Дверца вагона была заперта. Тогда, недолго думая, повинувшись инстинкту, обостряющемуся в минуты опасности, он принялся карабкаться на крышу вагона. Похоже, что это все же был обыкновенный, хотя и разболтанный, поезд, а не Дракон.

Отлежавшись и отдышавшись, он пополз по ребристой крыше вагона, время от времени свешивая голову вниз и заглядывая в плохо освещенные окна поезда. Он был почти уверен, что сейчас пропадет, погибнет — упадет ли с поезда, или еще как. Во всяком случае он мало рассчитывал на свою ловкость и, если и искал убежища, то скорее по инерции и потому, что надо было что-то хоть делать. Все купе, однако, и все отсеки были забиты людьми, а в тех случаях, когда он не видел в купе людей, окна были заперты, и проскользнуть внутрь было невозможно. К своему удивлению, он нашел, что искал. Взобравшись в купе, он забился на самую верхнюю полку, вжавшись в стенку и отгородившись, закрывшись свернутыми и сваленными там матрасами, одеялами и подушками без наволочек.

Едва успел он устроиться и подумать, что так бы и до Лукоморья, как отворилась дверь, вошел провод-

ник (сквозь щелку между матрасами Борис видел его), осмотрелся и сказал кому-то в коридоре:

— Это лучшее купе, здесь вам никто не помешает. Если хотите, можно свет поярче включить.

— Этого, умный ты мой благоразумный, совсем даже и не требуется, — слышался из-за двери старушечий голос.

— Как вам будет угодно, — послушно ответил проводник и вышел.

В купе вошла Старуха и некто, укутанный в плащ с капюшоном, надвинутым на лицо.

— Постой-ка, постой-ка, — вскричала Старуха, оставив проводника, — а что это человеческим духом у тебя здесь пахнет? — она с шумом втянула ноздри.

Проводник вернулся в купе, пожимая плечами, но заметно было, что он дрожит от страха. Борис замер, затаился.

— Наверно, сквозь открытое окно нанесло.

— А, возможно, возможно, умный ты мой. Ну тогда ступай, у меня есть кому это помещение обследовать. Ступай.

Старуха закрыла и заперла за проводником дверь купе, скинула с головы и плеч черную шаль и уселась за столик у окна напротив неизвестного в плаще с капюшоном — лицом к полке, на которой притаился Борис. Неизвестного он видеть не мог, тот сидел под ним, зато Старуху видел довольно-таки хорошо. Клыкастое лицо, выступающие челюсти, обтянутые сухой и серой, словно бы шуршащей кожей и, к изумлению и оторопи Бориса, на плече ее сидел, вертя злобными блестящими глазами на таких длинных вроде бы стебельках, словно прощупывая взглядом кура, новый паук, точная копия старого, раздавленного тогда в Деревяшке котами, только меньших размеров, видимо, еще молодой. "Вот это влип так влип", — ежась и стараясь не дышать и не шевелиться, подумал Борис.

— Ну-с, должна я тебе сказать, — начала между тем Старуха, подперев кулаком подбородок, — что все ваши хитрости супротив моей ничего не стоят, крысиные все ваши выдумки, хе-хе. Вам бы все толпой навалиться, либо морок навести. А я все изнутри, изнутри, на психологию, милый ты мой, человеческую

опираюсь. И правильно, что вы мне доверились. Внучку-то и ее дружков я так заколдовала, что вовек из сарая не выберутся, разве что сладенький мой Борюшка до Лукоморья доберется. А этого-то ему никогда не сделать, коль уж он в сарай попал. Хе-хе! Ловко я его, кошкой-то оборотившись, в сарай завлекла. Белые перчатки на лапы нацепила, он и поверил, что Степка это. Ловко? А? Хе-хе? Вот они все там в сарае и засе-ли, вино с зеленым змием попивают да Бориса нахва-ливают, а о Лукоморье и думать забыли. И он с ними, и он от них никуда не денется мой-то вкусенький. Потому что, милый ты мой, на будущее учти, что нет силы сильнее лести, особенно дружеской. А если уж и лесть не поможет, то есть там в запасе и еще кое-что, хе-хе! Это даже просто удивительно, как ихние челове-ческие чувства можно использовать. Сама, как они, была, потому помню и знаю. На внучку я надеюсь, на любовь ее! Уж не полюбить ее мой сладенький никак не сможет. Родилась она в сорочке самой счастливой порой, ни в полудни, ни в полночки — алой утренней зарей. Кому против такой красавицы устоять! Кочет хлопал на нашесте крыльями, крича сто раз: северной звезды на свете нет прекрасней, как у нас. И уж какой-то там пацан никак не осмелится ей су-противничать! А она, внучечка моя, золотце мое, выйти-то и не может, и рада, дурочка, что и к ней ник-то, кроме друзей, пробраться не в состоянии, вот они все там и сидят, голубчики, хе-хе! Она их всех к себе зазывает, чтоб скучно ей не было, и сладенький мой тоже к ней явился. Так уж он-то тем более оттуда не выберется. Она влюблена, сопровождать его не может, потому как не выйти из сараюшки ей, значит, по-старается его при себе оставить. Бабы в любви все эгоистки, по себе знаю. Хороша не была, а молода была!

— Зачем же мы тогда едем? — пискнул неизвестный, писком своим подтвердив догадку Бориса, что Старуха сопровождает какой-нибудь крыс-соглядатай.

— Посмотреть, милый мой, посмотреть, — отвечала Старуха, — посмотреть надо, точно ли от этих витязей одно железо да тени остались или готовы они воскрес-нуть, едва Борис явится... Да и костерок затушить, а дуб-дерево спилить...

— Так что же, он разве сможет явиться? Значит зря мы сняли стражу? — снова пискнул крыс.

— Что стража! Да к тому ж уже шесть ден прошло, как сладенький мой в сарай завернул. Не выйдет он оттуда. Но если внучка его не удержит, то никто, никакая стража ему ничо чем. Тогда-то и надо к битве готовиться, потому что тогда либо мы, либо он, сладенький мой. А уж если вы, крысы, пропадете, то и мне, старушке, притаиться придется. Глядишь, эти Витязи и за меня примутся. А пока вы-то есть, я не заметна. Мало только ваш император за службу платит, жметя все. А я ли не заслужила? Это все глупость и сомнение ваше крысиное! Конечно, император ваш крысиный Александр пока живой и могучий, а тот Александр — всего лишь мертвый поэт, про Лукоморье стишки сочинивший, да ведь в поэзии разбираться надо, потому что поэзия — коварная штука, подлая, пресловочнейшая штука, в чем вы, крысиная ваша порода, разобраться не в состоянии. Да ты, милый мой, зубы-то не скаль, слушай правду-то, кто кроме меня ее вам скажет. Так что потерпи, послушай. Вроде как бы я сама с собой рассуждаю. Вот поэзия... Что это? Кажется, что звук пустой, на зуб ее не попробуешь, а стоит кому-нибудь в нее поверить, как она тут же и проснулась и плотью облеклась. Были витязи выдумкой — стали Витязи правдой, и копья, и мечи уже у них настоящие! То-то! А Борис верит, тем вам и опасен. Император-то ваш это понимает, потому и охотился за ним, и домой назад отправить хотел, и улестить хотел... Потому что стоит моему сладенькому до Лукоморья добраться, как сразу все оживет!.. Беда будет! А мы посмотреть должны Борюшку моего, моего сладенького, и, если заметим его где, постараться не задерживать, милый ты мой, не в загадки с ним играть, а сразу... того... гм... Народец-то здесь про него как говорит: нас спасая, сам спасется. Но гибче, гибче надо быть. Ведь всякую мыслишку перевернуть можно. А значит... Если сам сладенький не спасется, то и людшек того... не спасет.

"Да именно так говорила Сашина баба Саша", — вспомнил Борис. Засмотревшись на Старуху и увлеченный подслушиванием, он совершенно забыл о пауке и спохватился только тогда, когда увидел, что тот

завис на тонкой паутинке прямо у него над головой. Паук был хищен, молод и неопытен; вместо того, чтобы вернуться к Старухе или как-то дать ей знать о присутствии в купе Бориса, он угрожающе раскрыв клюв, принялся раскачиваться на паутинке, приготавливаясь к нападению. Защищаться было невозможно, даже отмахнуться просто рукой и то было нельзя — любой шум, любое шевеление моментально бы выдали его. Поэтому Борис молча, не шевелясь, только следил за движениями врага.

— А я думаю, — попискивал между тем крыс, — что императора все поддержат. Имя-то он всем свое дал.

— А вот и нет, — хихикнула в ответ Старуха. — Твоя неправдочка, голубчик! Сам-то он, император ваш, имя Александр ведь присвоил? Присвоил! Не отпирайся, я-то все знаю. И потому все, кого именем этим он велел назвать, с ним через это имя связаны лишь внешне, пока они считают, что это — его подлинное имя. На самом же деле, ласковый ты мой, получается, что внутренне все они связаны с тем, с другим, с поэтом, с настоящим Александром. Понял? Ух, что будет, если они про это узнают! Тут уж вам никакая нечистая сила не поможет! Вот почему Борюшку, сладенького моего, до Лукоморья нельзя допускать, а не то он Лукоморье разбудит, Витязи оживут, с Ученого Кота цепь снимут, а уж тот-то всю правду мигом всем расскажет, как только с цепи его спустят.

Паук тем временем добрался почти до самого лица Бориса, вот уже Борис почувствовал прикосновение его лапок, паук явно собирался в решительную атаку. Рука дернулась произвольно, отшвыривая паука, и, перелетев бастион матрасов и подушек, тот шлепнулся на стол между говорившими.

— Эй! там ктой-то есть! — взвизгнула Старуха. — Обманул проклятый проводник, а я не уследила!

— Где? Кто? Кого! — крикнул крыс, вскакивая и ударяясь башкой о верхнюю полку с громким стуком.

Ничего не оставалось делать, как выбираться каким-то образом из сложившейся ситуации, да поскорее, порешительнее, ни на секунду не задумываясь. Один матрас, другой, третий, подушки, — все это полетело вниз на головы бросившихся к нему врагов. Старуху

первый же матрас, развернувшись, закрыл просто с головой. Она распласталась на полу, сшибив с ног и крыса, на которого еще сверху рухнули и другие матрасы и подушки. Крыс и Старуха ворочались на полу, погребенные под подушками и матрасами. Борис соскочил на столик, раздавив невольно второго Старухиного паука, протиснулся в открытое окно и, сам не понимая, как ему это удалось, снова вскарабкался на крышу вагона.

— Эй! держи его, держи! Да лови его, лови! — завопила Старуха, высунув в окно свою физиономию. — Караул! Не дай черт, сбежит и скорей до нас доберется!..

И точно: с обеих сторон крыши вдруг образовался крысиный караул, крысиная стража. Выставив вперед копыта, крысы принялись наступать на Бориса. Поезд ехал по узкому мосту через реку. Выхода не было. Сердце замерло от страха высоты, но Борис все же оттолкнулся обеими ногами и прыгнул. Он вошел в воду солдатиком (вниз головой он не решил), река на его счастье была глубока. Он погрузился почти на самое дно, и ощущение было такое, когда он почувствовал над головой массу воды, что ему уже никогда не выбраться на поверхность. Но к своему удивлению начал подниматься вверх и вскоре уже мог дышать свежим воздухом.

Поезд скрылся с глаз, погромыхивал где-то вдали. И Борис поплыл к берегу. Берег был скалистый, как в каком-нибудь сказочном кинофильме, с изломами, уступами, мшистыми камнями, но вместе с тем и поросший деревьями и кустами. Сильное течение никак не давало Борису приблизиться к твердой поверхности, но ему все-таки удалось ухватиться рукой за толстый корень. Течение тащило его, однако Борис подтянулся к берегу, перехватился за корень другой рукой, встал ногами на камень, потянулся правой рукой к корню, росшему повыше, не достал, рванулся сильнее и... открыл глаза.

Он был по-прежнему один. Только лежал не на земле, не на крыше поезда, не на верхней полке вагона, а укрытый одеялами, на сундуке, в бабушкинастиной комнате. Никого вокруг него не было. Он повел глазами налево, направо: все те же фотографии, окно, шкаф, на потолке лампа с красным абажуром... Но почему-то все его бросили. Глаза, правда, когда он ими двигал, почти не болели... Он хотел крикнуть, позвать бабушку, но сил на это не было никаких. Спина, плечи, руки ныли, как после тяжелой работы, а во всем теле он чувствовал ужасающую слабость, так что даже повернуться или приподняться и то не мог. "Ну что ж, — отрешенно от самого себя думал он, — это по заслугам... Там я сам ушел. А здесь меня оставили. По заслугам. Это справедливо. Я сам этого захотел, раз сам бросил и Эмили, и Сашу с Саней. И Бог знает, куда поперся. И все равно ничего не сумел сделать. Не дошел до Лукоморских Витязей... Зато от Старухи

удрал, — с удовольствием вспомнил он. — Ну и что? — спохватился он тут же с горечью. — Ведь не затем же я всех бросил, чтоб от Старухи удрать. Это мне наказание, что слишком много о себе возомнил, будто сам смогу дойти... Вот и лежи теперь один. Папа с мамой так и не удосужились приехать, и бабушка Настя куда-то подевалась. А дед Антон, небось, по-прежнему в подполе с крысами воюет. А что мне оставалось делать? Так в сарае и сидеть всю жизнь?"

Он уставился в потолок, но смотреть ни на что не хотелось, и Борис подумал, что, если сделать усилие, то он и с закрытыми глазами, сквозь веки, будет видеть потолок. Так оно и случилось: сквозь веки он видел потолок, лампу, абажур и трещинку в углу стены, слышал даже вдруг голоса бабушки Насти и деда Антона, доносившиеся из подпола — они говорили что-то о крысах. Потом потолок стал лохматиться, куститься, словно на нем ветки выросли, а сквозь них проступило синее небо.

Его обступали дикие толстые деревья, обвитые какими-то ползучими растениями, высокие сосны, густые кусты, поваленные стволы сгнивших деревьев. Под ногами то мох, то прошлогодние листья, то пожелтевшая хвоя вперемежку со старыми шишками. Было утро, но в лесу все равно густели сумерки, птицы пели, но словно как-то неохотно, а в верхушках деревьев шумел ветер. В отдалении слышались чьи-то шаги, будто кто через бурелом лезет, треск поднялся по лесу. Потом наступила тишина, и в тишине чей-то голос принялся выводить басовито:

— Светит месяц, светит ясный!..

Борис невольно посмотрел вверх и сквозь деревья увидел на светлом небе белесый, едва различимый контур месяца. Осторожно он двинулся, пробираясь меж кустов и деревьев, перелезая через завалы нарубленных кем-то сучьев в сторону певца. "Быть может, дорогу подскажет, а не то и сам выведет", — подумал Борис. Но голос удалялся, и сколько бы Борис ни убыстрял шаг, расстояние между ним и голосом, казалось, так и оставалось прежним. Потом песня замолкла и шум шагов пропал. Борис какое-то время еще продолжал идти в том же направлении, но никого так и не увидел, только, когда он проходил, точнее обходил

густую поросль толстых и старых деревьев, ему почудилось, что захохотал будто кто сверху, качаясь на больших ветках, как в гамаке. Борис остановился, огляделся. Кругом чащоба. Тогда он решил вернуться назад к реке и двигаться вниз по течению: авось, куда-нибудь к человеческому жилью и выйдет. Шел, шел, шел, и вроде бы журчанье время от времени доносилось до его слуха, бросался туда, — снова ничего, так и бежал, пока не понял, что окончательно заблудился.

Он присел на траву, потом прилег, подложив локоть под щеку, и незаметно уснул. Когда проснулся, была уже явно вторая половина дня, часа четыре-пять — не меньше. Борис вскочил на ноги и снова пошел, куда глаза глядят, — все лучше, чем просто так сидеть и неизвестно чего дожидаться. И вдруг остановился: на тропинке прямо перед ним лежит колода, на колоде мужик сидит — глазки остренькие, волосы седые, сам в звериную шкуру одет, в когтистой лапе кривой нож держит и этим ножом колоду ковыряет. Увидел Бориса и начал когтистым пальцем к себе манить. Борис оторопел и попятился. Так страшно ему еще ни разу в жизни не бывало. А мужик ему басом:

— Смотришь, почему я сед? А потому, что чертов дед! Ах-ха-ха! Ах-ха-ха! Ах-ха-ха! Иди-ка сюда, я с тобой расправлюсь!..

Борис повернулся и прямо сквозь кусты наутек. А вдогонку:

— Ах-ха-ха! Ах-ха-ха! Ах-ха-ха!

Отбежавши подальше и сообразивши, что леший (а то, что это был именно леший, Борис теперь не сомневался: вспомнил, в Деревяшке был такой же, а, может, и тот же самый) за ним не гонится, он остановился и заплакал от отчаяния, что, видно, не выбраться ему отсюда.

Он уселся на мягкий мох, прислонившись спиной к толстому дереву. Идти было некуда. Во всяком случае он не знал, куда. Он сидел и сидел в тоске, а в голове вдруг у него зазвучали слова, и показалось, что голос, их произносящий, женский голос, надрывный голос, звучащий словно после долгих рыданий, ему знаком. Голос этот раздавался как будто бы не извне, а изнутри него самого, но ясно было, что не он говорил, да и слова эти слышал он впервые.

Со смертью сходна разлука,
Когда, по жилам пробежав,
Смертельна в грудь вступает мука,
И бранный рушится состав.

То сердце жмет, то рвет на части,
То жжет его, то холодит,
То болью заглушает страсти,
То муку жалостью глушит.

Когда... минута роковая!
Язык твой произнес "прости",
Смерть, в сердце мне тогда вступая,
Сто мук велела вдруг снести.

И мрак и огонь я ощутила, —
Томленье, нежность, скорбь и страх, —
И жизненна исчезла сила,
И слов не стало на устах.

Вдруг сердца сильны трепетанья;
Вдруг сердца нет, — померкнул свет;
То тяжкий вздох, — то нет дыханья:
Души, движенья, гласа нет!

Вотще я чувства обольщаю
И лживых призраков полна:
Обрести тебя с собою чаю —
Увы! тоска при мне одна!

Голос смолк. Сквозь высыхающие слезы Борис огляделся — вокруг никого не было.

В этот самый момент какая-то птица шумно хлопала крыльями с верхушки елки напротив него. Борис поднял голову кверху. На ели сидела сова и хлопала глазами: луп-луп. Потом птица поднялась и сделала круг над ним, и снова, будто приглашая обратить на себя особое внимание. "Действительно, странная птица, — подумал Борис. — Ведь сова летает только ночью, а днем она спит". Сова между тем полетела куда-то, затем вернулась к Борису, затем снова полетела в ту же сторону, и снова вернулась, как собака, когда она зовет хозяина. "Может быть, это Ойле? — вдруг пришла

в голову мысль, самому показавшаяся нелепой, он даже усмехнулся и вытер слезы. — Однако, может быть это и в самом деле Ойле? Вышла мне помочь и в сову обратилась?" Борис покрутил головой и двинулся следом за птицей.

Он шел довольно долго, путь был нелегок, но во всяком случае его теперь не покидало чувство осмысленности пути. Через время начали встречаться поляны, потом пошли невысокие холмики, поросшие кустарником, и уже ближе к вечеру он выбрался на какую-то каменистую тропу, которая повела его круто вверх. Сова по-прежнему летела впереди. Он карабкался и шел, стараясь не смотреть вниз, в пропасть, оказавшуюся вдруг с правой стороны от него. Он смотрел прямо перед собой да под ноги, так было легче. В некоторых местах тропа почти совсем пропадала, только наклонная осыпь, по которой приходилось идти осторожно ставя ноги, чтоб не потревожить камней и не соскользнуть вместе с ними в пустоту. Внезапно он остановился: выбравшись за очередной поворот, он увидел внизу широкую реку, на скалах, нависших над водой, дубовую рощу, а на краю пропасти развалины древней крепости, точнее, крепостной стены, через пропасть что-то вроде моста, а на той стороне действительно стоял древний, когда-то могучий замок, сильно обветшавший от времени.

Сова перелетела на ту сторону, покружилась над каменными гробами, выставленными в ряд возле стены замка (крышки их были откинута и сами они были пусты, как увидел Борис, следуя за совой), затем полетела дальше, минуя замок. Вечерело, и Борис уже с трудом различал птицу в темнеющем воздухе. Миновав замок, так и не зайдя в него, как ему ни хотелось, Борис, слепо доверившись сове, двигался дальше, вверх, лавируя среди нагромождений каменных глыб. "Поразительно, — думал Борис, — что нигде не видно ни клочка тумана. Может, это значит, что близко Лукоморье?" Наконец, взобрался он на очередную вершину, остановился отдохнуть и тут услышал шум морского прибоя, увидел вдали одинокое сухое дерево, окруженное невысокими скалами, а также увидел, как сова вдруг напрямую долетела до этого дере-

ва, уселась на его верхушке и сложила крылья, явно не собираясь лететь дальше.

И тут неожиданно, как бывает только на юге и в горах, стемнело. И тогда Борис различил среди скал, громоздившихся около сухого дерева, отблеск костра. И он вспомнил:

— Пусть душа не дрожит, пусть отважно глядит
Тот храбрец, что не ведает страх,
И, коль взором остер, он увидит костер,
Что далеко мерцает в горах.

Пусть тогда по скалам устремится к горам,
Где огонь полуночный горит...

Именно это Борис и сделал. И не прошло и часа, как он, притаившись за скалой, наблюдал странный круг рыцарей, сидевших вокруг костра, и слушал их беседу.

Костер освещал темные фигуры в латах, кольчугах, шлемах с опущенными забралами. Неподалеку чернело обширное, безлиственное, очевидно, что сухое дерево. Около дерева кто-то стоял на четырех лапах, очертаниями своими в полумраке и бликах костра напоминавший Кота. Люди в рыцарских доспехах сидели молча. С двух концов костра торчали рогатины, на них было уложено копьё, на копьё висел котелок, в котором они не то что-то варили, не то подогревали. Самый могучий из сидевших мешал кинжалом варево в котелке. Оторвавшись на минутку от своего занятия, он сказал (причем голос его был странен: без интонаций, будто говорила машина):

— Похоже, опять Борис не придет.

— Зачем же сидеть нам да ждать? — отозвался точно таким же голосом другой. — Уж сколько лет не знаем покоя. И все без толку.

— Всякий, кто попал в Лукоморские Витязи, должен уметь ждать и хранить надежду, — произнес третий — и тоже в голосе ни следа интонаций или эмоций.

— Лежали бы себе спокойно в гробах и спали вечным сном, — сказал четвертый. — Ведь открытые стоят и ждут нас.

— Я думаю, что Борис никогда не придет, — резюмировал пятый.

— А дуб никогда не зазеленеет, сколько бы Макс не уверял нас в противном, — поддержал его шестой.

— Я с вами согласен, — вставил свое слово таким же монотонным голосом, как и остальные, седьмой, — но честь и достоинство Лукоморского Витязя требует выдержки.

— Если б он сумел отказаться от дружеского общения и от любви... — сказал безнадежно восьмой.

— Ведь что покинет, то найдется, — добавил девятый.

— Нас разбудит — сам проснется... — окончил беседу десятый.

Еще двое сидели молча, не проронив ни слова.

Борис слушал этот унылый разговор, но не огорчился, а ликовал, потому что костер еще горел, дерево стояло целым, а значит он успел сюда раньше Старухи и крыс. Ай да Ойле! Помогла! Он двинулся вниз по крутой тропинке, но остановился.

— Эй, ребята, вы чего так жалобно размяукались? — послышался кошачий вкрадчивый и лукавый голос от дерева. — Мне в сто раз хуже, чем вам! Легко ли и днем, и ночью ходить по цепи кругом! А ведь хожу и не жалуясь! Я как Ученый Кот должен вам сказать, что приходилось людям и подольше ждать, пока их мечта исполнится и произойдет свершение!

— Я могу сходить за ним и привести сюда, — сказал восьмой рыцарь, с такой же безотличной интонацией.

— Да нет, ты уж сиди, Исус, — живо отозвался Кот. — Тебя уж один раз распяли. А это его игра.

— Это его игра, — подхватил монотонный хор рыцарей.

— Да придет Борис, куда он денется! — продолжал Кот. — Вот и сова сюда прилетела, а никогда я ее раньше здесь не видал. Чую, чую, что скоро что-то произойдет. А пока, поскольку путь мой лежит налево, могу поведать вам сказку о мертвой царевне и семи богатырях.

— Да слышали уже, — констатировал первый могучий рыцарь.

— Ну что ж, — не унывал Кот, — как пойду направо, спою вам песню про "я помню чудное мгновенье..."

— У тебя нет ни слуха, ни голоса, — сказал пятый рыцарь.

— Ну уж положим, что получше, чем у вас! — обиженно мякнул Кот. — Однако поворачиваю направо, пора. Я помню чудное мгновенье, передо мной явилась ты... — он оборвал пение. — Не поется. Но не в том, друзья, дело. А цепь, цепь не дает мне развернуться, таланты мои сковывает. Подумаешь: идешь направо — песнь поешь, налево — сказку говоришь!.. Я, может, более высокое имел предназначенье, воодушевил бы всех на ратные свершенья! Да и правду я знаю, и правду эту хочу поведать всему свету! Эх, если б не цепь!.. И братец мой Степка с приятелем неизвестно где шляются! Нет, чтоб прийти и подкормить бедного, прикованного золотой цепью Макса свежими мышками или крысами. Я по-омню чудное мгновенье...

Эта дурацкая кошачья болтовня, как заметил Борис, все же отвлекала рыцарей от мрачных разговоров. Тем временем могучий рыцарь, мешавший кинжалом варево в котелке, отложил кинжал в сторону, снял котелок с огня, поставил на землю, взял с бревна, на котором сидел, лежавший на нем шлем, и плеснул в этот шлем кипящее варево из котелка.

— Ша, — сказал он, — пора. Пьем. Либо он сейчас явится, либо опять попусту жженку варили.

Он откинул забрало, и Борис к ужасу своему не увидел его лица, потому что его и не было: так, нечто безо всяких черт. Но стоило рыцарю сделать глоток, как лицо его прояснилось, проявилось и показалось чем-то очень знакомым Борису, но чем, он вспомнить не смог, а черты, как проявились так тут же и погасли, а рыцарь снова опустил забрало. Затем та же история со вторым рыцарем, и с третьим. Четвертый совсем знакомым показался было Борису, особенно возникшие вдруг усики кого-то напомнили, но тут же облик снова смазался, и забрало опустилось. И седьмой, который о чести и достоинстве говорил, тоже напомнил кого-то, вызывая к себе симпатию, причем давнюю, будто давно они были знакомы с этим рыцарем, но нет, слишком краток был промежуток появления лица, чтобы можно было опознать. Тогда, боясь пропустить появление остальных лиц, Борис кинулся опрометью вниз, не разбирая дороги, и чуть было за это не поплатился.

Он поскользнулся, упал и покатился вниз, пытался

удержаться, но ничего не получалось и, раздирая одежду, летел все сильнее и сильнее, скользил на заднице, и непременно рухнул бы прямо на камни, если б один из рыцарей, самый стройный, не взбежал быстро ему навстречу, услышав шум, и не поддержал его за локоть, помогая спуститься к сурово молчавшим внизу рыцарям.

"И раздвинется вдруг грозных рыцарей круг, и усадят его меж собой", — вспомнил Борис. И действительно, сдвинулись немного рыцари, и освободилось около костра еще одно место. Борис уселся на обрубок пня, спиной к сухому дереву и коту и ждал своей очереди, потому что теперь он твердо знал, что сбудутся слова:

"И вина поднесут, и прищельцу дадут
Свой шелом боевой осушить.
И с мгновенья сего до конца своего
Будет рыцарей кровь в нем бурлить!"

И еще пять раз поднимались забрала, и вспыхивали лица, незнакомые Борису, пока, наконец, настал его черед. С полупоклоном протянул ему старший, видимо, рыцарь шлем с горячим напитком. Борис зажмурился и сделал большой глоток. Странен был вкус у этого напитка: горький он был и соленый одновременно, будто вся горечь мира, все слезы впитались в него. Сделав первый глоток, понял вдруг Борис, что не сможет отныне жить спокойно, если знает, что есть где-то униженные и оскорбленные люди, что отныне он ответствен за них за всех, за их беды и несчастья и что он приложит все усилия, чтобы прогнать крыс и освободить людей. Он снова поднес шлем ко рту.

— Еще два глотка, — услышал он голос какого-то из рыцарей.

Он сделал второй глоток и почувствовал, как пришло у него силы: никто, казалось, не сможет теперь совладать с ним. И он сделал третий глоток. И ощутил ту неимоверную стойкость, которая так редко возникает у человека, но, раз возникнув, удерживает его на избранном пути, что бы ни случилось. Борис открыл глаза — все плыло и мелькало, будто в каком-то мареве — и, повернувшись, выплеснул остатки напитка на корни сухого дерева.

И сразу рассвело. И Борис увидел с шумом набегающие на песчаный берег волны, увидел, как на сухом дереве появились почки, из них тут же вылезли свернутые еще трубочкой молодые листочки, которые через секунду развернулись в резные дубовые листья. Могучий зеленый дуб стоял перед ним. Пораженный, он повернулся к рыцарям, но и тут ожидали его превращения не менее необычные. Рыцари подняли свои забрала, и Борис остолбенело уставился в их лица, потому что у них появились лица. И самое поразительное, что некоторые ему были более, чем знакомы. Тот могучий рыцарь, что мешал кинжалом варево в котелке и кого Борис посчитал старшим, оказался тем самым рослым и здоровым мужиком, что спас его в троллейбусе от крыс. Его доспех сиял, и боевой палаш висел на золотой цепи. "Это доблестный витязь Руслан", — промелькнуло в голове у Бориса. Но в двух других рыцарях с изумлением узнал он Сашу и Саню, которые стояли теперь такие мужественные и спокойные, совсем не похожие на кабацких ярыжек, и дружески улыбались ему. Других рыцарей он не знал, хотя и казались ему их лица тоже знакомыми.

Сова с шумом бросилась вниз и так сильно ударилась о землю, что все невольно обернулись, но ударилась о землю сова, а поднялась с земли девица.

— Эй, Ойле! — протянул к ней руки Борис.

— Я не Ойле, я опять Эмили, — тряхнула в ответ она волосами.

— Бедного Макса все забыли, — послышался скрипучий и жалобный голос Ученого Кота, — а между тем не мешало бы и меня освободить. Тем более, что еще не время ликовать: надвигается туман!

И снова все обернулись. Действительно, с равнины надвигался на Лукоморье сплошной стеной густой туман. Внезапно из тумана громадными скачками выпрыгнули Степка и его приятель: шерсть их на физиономиях намокла и кое-где висела клочьями. Быстро бросились они к зазеленевшему дубу и не прошло и минуты, как Макс был свободен, он встряхнулся и заорал:

— Дела давно минувших дней, преданья старины глубокой, — все расскажу, все людям поведаю!

Но тут же стал серьезен, в правой лапе у него поя-

вился меч, и сопровождаемый братцем и приятелем он нырнул в туман. "На разведку", — догадался Борис. Впрочем, все делалось так, как будто момента этого ожидали давно и заранее все отрепетировали. Эмили поднесла к губам неизвестно откуда взявшуюся у нее трубу:

— Ту-ру-ру-ру-ру-ру! — громко выдохнула труба.

И мигом сама Эмили, и все рыцари, и Борис в том числе очутились верхом на конях, и еще три лошади били копытами землю, ожидая ушедших котов. Тем временем нахлынули на песчаный берег волны и один за другим из моря вышли тридцать витязей и молча построились в арьергарде. Вдруг завеса тумана словно разорвалась и в разрыв видно стало, как коты рвут и дерут в клочья, как занавес, самую густую часть напущенного крысами тумана. И туман не рассеялся, но стал как бы прозрачным. Коты вскочили на приготовленных для них лошадей, стряхивая с себя налипшие туманные клочья, а Борис и все остальные увидели неисчислимые полчища крыс, казалось, нет им ни конца, ни краю. А над ними в ступке летала Старуха, помачивая метлой и воодушевляя на битву.

— Ту-ру-ру-ру-ру-ру! — взвизгнула снова труба.

Все посмотрели на Бориса. Он выхватил из ножен меч.

...И внезапно отряд налетел на врага...

20 ГЛАВА

ПОЖОЖЕ, ЧТО ПОБЕДА

Где ни просвищит грозный меч,
Где конь сердитый ни промчится,
Везде главы слетают с плеч
И с воплем строй на строй валится;
В одно мгновенье бранный луг
Покрыт холмами тел кровавых,
Живых, раздавленных, безглавых,
Громадой копий, стрел, кольчуг.
На грубный звук, на голос боя
Дружины конные славян
Помчались по следам героя,
Сразились... гибни, басурман!
Объемлет ужас печенегов;
Питомцы бурные набегов
Зовут рассеянных коней,
Противится не смеют боле
И с диким воплем в пыльном поле
Бегут от киевских мечей,

Обречены на жертву аду, — читала бабушка Настя с важной торжественностью в голосе. Патетические места она всегда читала важно, торжест-

венно, но вместе с тем интимно, будто сообщая эту очень значительную новость, но по секрету, одному только Борису. Она сидела возле его постели, держа в руках книжку, вся такая уютная, теплая, мягкая, в своей вязаной кофточке поверх коричневого в разводах платья, а поверх кофточки был повязан фартук, очевидно, бабушка только что с кухни, стряпала там. А сделал одно дело, тут же и другое, больному внуку почитать, потому что просто так сидеть она не умела.

— Ишь ты, — вдруг прервалась она, — а глазки-то открыл совсем ясные. Ну что, дочитывать тебе, что ли? Уж раз пятый читаю. Хотела что другое, а ты плачешь, бредишь, нет, давай "Руслана" да и только, — она ласково засмеялась, покачав головой.

Борис закрыл глаза. Он неся впереди на лихом коне, за ним следом летели Витязи, трубила труба. Открыть глаза — и все пропадет! Поэтому он сделал вид, что не слышит бабушкиных слов, что вовсе он не проснулся, что еще спит. Потому что пока глаза у него закрыты, он видит то, что не видит другие. Темный вихрь, в котором угадывались фигуры Старухи, водяных, драконов и русалок с марухами, пытался закрутить Витязей, но они все равно рвались вперед, крысы падали под их ударами десятками, сотнями, — и вот, они повернулись спинами и побежали! Убегая, крысы-лошади сбрасывали с себя крыс-всадников. Падая на землю, те вскакивали на четыре лапы и неслись не хуже, не медленнее своих недавних лошадей. Вместе с крысами отступал и туман, а впереди тумана носилась в ступе Старуха, злобно грозя клюкой наступавшим Витязям, сыпши проклятиями и взывая к крысиной доблести. Ее никто не слушал. Крысиное войско бежало позорно и неостановимо. Над полем битвы раздавался громогласный победный кошачий мяв. И тогда, последний раз погрозив клюкой Борису, Эмили, Котам, Витязям, Старуха тоже скрылась в тумане. "...В тумане ведьма исчезает..." — зазвучала в голове Бориса строка из "Руслана". Туман отступал, густея, пока не оборотился тьмой на горизонте, далекой тучей.

А кругом — яркий свет и синее небо...

Из подпола, нарушая его видения, послышался го-

лос деда Антона, голос был торжествующий, хотя и удивленный:

— Ты смотри, мать, что случилось! То ни одной не мог убить, а то полон подпол дохлых крыс! Словно кто их выгнал, да поубивал. Теперь их собрать бы да сжечь, чтоб заразы не разнесли.

— Тише, дед, не шуми, — отвечала бабушка. — Борюшка выздоравливает, ему ото сна самая польза, а ты расшумелся, разбудить его можешь.

— Я не сплю, — сказал Борис.

— А-а, опять проснулся... Больше спать не хочешь?..

Борис отрицательно покачал головой.

— Ничего не болит? — продолжала спрашивать бабушка.

И, не дожидаясь ответа, приложила к его лбу руку.

— И жар совсем прошел. Вот и славно. А то всех нас так ты напугал. Отец с матерью дни и ночи около тебя сидели. Мы им сразу тогда сообщили, — бабушка была радостно говорлива. — Вот видишь, так всегда и бывает, что все одно к одному. Ты поправился, и крысы попропадали. Я так думаю, что от kota все. Они его испугались. Ты в болезни, Борюшка, все бредил про котов каких-то, вот мы и завели кота Макса. Тебе он понравится, он очень на твоего Степку похож. Черненький, лапки беленькие и грудка, а на мордочке тоже белое пятнышко.

— А где мама и... папа? — перебил ее Борис.

— Мама на работе, а папа скоро придет, он в магазин за продуктами вышел. Папа у тебя добрый и очень тебя жалеет, все время с тобой проводил. Доктор-то говорил, что его медицина бессильна, что ты сам должен справиться, что никто, кроме тебя с твоей болезнью не справится. А я и сама знаю, что если — как у нас в деревне говорили — морок приключился, то ничем не поможешь. Это уж как Бог даст. Такое Борюшка, почти с каждым раз в жизни случается, особенно в детстве. Но уж если человек из морока выберется, то будет жить долго, до самой смерти. Я уж и святой матушке Парасковье молилась, мы, Борюшка, старые люди, верим во всякие глупости, и от доктора потихоньку тебе норсульфазол давала со стрептоцидом. Лекарства несовременные, но мы к ним привыкли.

"Благородный рыцарь Норсульфазол и его верный оруженосец Стрептоцид", — вспомнил Борис свои мысли в начале болезни. Но кто они были, эти его добрые спутники и помощники? Саша с Саней? Нет, все же нельзя так буквально...

Послышались громкие шаги, открылась дверь и на пороге комнаты показался отец. Борис узнал его по шагам, а потом и по голосу, когда отец тихо спросил:

— Не просыпался?

— Проснулось наше сокровище, проснулось, — отвечала бабушка.

Отец опустил у входа сумку и подошел к постели.

— Садись, Гриша, садись, а я пока пойду продукты разберу, — бабушка поднялась и заковыляла на кухню.

Отец сел на бабушкино место. Нос с горбинкой, зачесанные назад черные волосы, небольшая седина, — очень он был похож на Мудреца из сна. Но вместе с тем другой, теплее, домашнее. Борис и понять не мог, как это он на него умудрился обидеться. Набрякшие мешки под глазами, тревога и радость в лице. Как он смел на него обижаться!.. Сейчас не только не было обиды, но чувствовал он в себе достаточно сил, чтобы повиниться и попросить прощения. Сильные не обижаются, они и попросить прощения могут и сами простить, если надо.

— Как ты? — спросил отец.

— Все в порядке. Папа, прости меня, я был не прав.

— Хорошо, — улыбнулся он. — Молодец. Значит, ты все же добрался до Лукоморских Витязей?

— Откуда ты знаешь?

— Да я рядом сидел, все от тебя и слышал, как ты бредил.

— Так ли? — недоверчиво переспросил Борис.

Отец рассмеялся:

— Разумеется, так.

Подробнее расспрашивать, углубляться в эту сонную материю Борис не хотел. Ему даже захотелось, чтоб все так и осталось — немножко таинственным и недоговоренным.

— Но я рад за тебя. Ты сам сумел все сделать, избежать всех соблазнов. Это значит, что ты отныне сумеешь достичь своей цели, если она у тебя появится.

Ты по-настоящему стал взрослым, а не только по возрасту.

— Папа, — честно признался Борис, — но я не совсем сам, если ты знаешь, о чем я говорю. Мне помогали.

— Правильно, рад и тому, что ты это понял. Но пойми еще, что помогают только тому, кто что-то делает сам. Когда есть чему и кому помогать. Но и ты им помог, ты разбудил в них лучшее, что в них таилось и спало. Мы даже не представляем, сколько на свете людей, в ком можно пробудить рыцарей. Теперь ты знаешь.

Борис кивнул. Ему не хотелось говорить. Все это был сон. А теперь начиналась жизнь. В голове у него была ясность, в теле — легкость, хотелось встать, пойти, покинуть жаркую, натопленную комнату, на воздух. Потому что перед ним была теперь своя собственная жизнь, которой он не боялся отныне и в которой — он был уверен в этом — ему еще встретятся и настоящая Дружба, и настоящая Любовь. И теперь ему казалось, что он готов к этим встречам.

Из подпола вылез кот и, громко мяуча, терся о сундук.

1982—1983

Содержание

Глава I
ЖАР И НАЧАЛО БРЕДА

5

Глава II
ТУМАН И ЛЕСТНИЦЫ

17

Глава III
АЛЕК

33

Глава IV
В ИЗБУШКЕ СТАРУХА

44

Глава V
ИНТЕРМЕДИЯ

61

Глава VI
ВНУЧКА

70

Глава VII
ТРОЛЛЕЙБУС

82

Глава VIII
ДЕРЕВЯШКА

91

Глава IX
СТАРЫЙ ЗНАКОМЫЙ И НОВОЕ ЗНАКОМСТВО

107

Глава X
СНОВА АЛЕК

120

Глава XI
РАЗОБЛАЧЕНИЕ И БЕГСТВО

132

Глава XII
ПЛЕНЕНИЕ

146

Глава XIII
В ТЕМНОМ ПОДВАЛЕ

161

Глава XIV
ПОСЛЕДНИЙ РЫВОК

177

Глава XV
БЕСЕДА С МУДРЕЦОМ

195

Глава XVI
ЧЕРЕЗ ПЕРЕЕЗД

213

Глава XVII
КРУЖЕНЬЕ ГОЛОВЫ И СМЯТЕНЬЕ СЕРДЦА

225

Глава XVIII
ОДИНОЧЕСТВО

241

Глава XIX
ЛУКОМОРСКОЕ ПРЕОБРАЖЕНИЕ

251

Глава XX
ПОХОЖЕ, ЧТО ПОБЕДА

262

Кантор В. К.

К19 Победитель крыс: Литературная сказка / Худож.
М. Кантор. — М.: Агентство печати имени Сабаши-
никовых, 1991. — 272 с: ил.

ISBN 5-85974-073-0

Написанный в жанре литературной сказки, роман лежит в русле традиций русской психологической прозы. Невероятные погони в подземных лабиринтах в аллегорической форме выражают нравственные метания современного молодого человека. Фантастический сюжет романа, за которым просматривается общеевропейская фабула легенды о крысолове, позволяет предположить к нему интерес как взрослых, так и детей.

К 4803010201—017
953(02)—91

КБ-20-47-1991

ББК84Р7—4

Владимир Карлович Кантор
ПОБЕДИТЕЛЬ КРЫС

Редактор *Л. И. Заковоротная*
Художник *М. К. Кантор*

Художественный редактор *Т. М. Зверева*

Сдано в набор 06.05.91. Подписано к печати 10.06.91. Формат 84x108/32. Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура "Столетие". Усл. печ. л. 14,28. Усл. кр.-отг. 59,27. Уч.-изд. л. 13,6. Тираж 75 000. Заказ 761 Цена 10 р. 50 к.

Агентство печати имени Сабашниковых.
125015, Москва, ул. Вятская, 16.

Отпечатано с готовых диапозитивов в Московской типографии № 5 при Госкомпечати СССР.
129243, Москва, ул. Мало-Московская, 21.

